

Журнал является официальным печатным органом Русско-азиатской ассоциации юристов, издается при поддержке Гильдии российских адвокатов и Российской академии адвокатуры и нотариата

Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по группе научных специальностей 12.00.00 – юридические науки:

- 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве;
- 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право;
- 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право;
- 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;
- 12.00.09 – Уголовный процесс;
- 12.00.10 – Международное право; Европейское право;
- 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность;
- 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Редакционный совет

Председатель

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии Российских адвокатов, ректор Российской Академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.11).

Заместитель председателя

ВОЛОДИНА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11).

Члены редакционного совета

АДИЛОВА Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, заместитель председателя правления Агентства развития малого и среднего бизнеса Азербайджанской Республики, ведущий научный сотрудник Отдела Государственного законодательства и Конституционного права Института Права и прав человека Национальной Академии Наук Азербайджана, заместитель председателя Конфедерации Юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку, 12.00.10);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.09, 12.00.10);

ВАН Ерп Съеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт, 12.00.03, 12.00.10);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.03, 12.00.09);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Российского нового университета (Российская Федерация, г. Воронеж, 12.00.02, 12.00.11);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград, 12.00.01);

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».

Учредитель: Автономная некоммерческая организация

«Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.:** +7 (495) 650-38-80, **website:** izv-udprf.ru .

Дата выхода в свет: 20.02.2020. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Свободная цена

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210

website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail:** eurasian-advocacy@mail.ru, **тел.:** +7 (917) 40-61-340.

ГАЛОГАНОВ Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.02, 12.00.11);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Российская Федерация, г. Уфа, 12.00.08, 12.00.11);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана, 12.00.12);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк, 12.00.08, 12.00.10);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.12);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог, 12.00.09, 12.00.12);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, вице-президент Гильдии российских адвокатов, старший вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.08, 12.00.11, 12.00.12);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск, 12.00.08);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада, 12.00.10);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.11);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель аналитической службы адвокатской фирмы «Азизов и партнеры» (Республика Узбекистан, г. Ташкент, 12.00.11);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе (Швейцария, г. Женева, 12.00.10);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва, 12.00.01, 12.00.10);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг, 12.00.02, 12.00.08).

Редакционная коллегия

Главный редактор

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

МИРНЫЙ Даниил Сергеевич – руководитель направления юридического перевода;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ТАФИНЦЕВ Максим Владимирович – руководитель направления GR;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

The journal is official publication of the Russian Asian Legal Association, published with support of the Guild of the Russian Lawyers and the Russian Academy of Advocacy and Notaries

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals (the Russian Higher Attestation Commission List), where the main results of doctor of sciences dissertations and candidate of sciences dissertations in the 12.00.00 scientific specialty group (legal sciences and the corresponding branches of science) must be published:

- 12.00.01 – Theory and History of the Law and the State; History of Teachings on the Law and the State;**
- 12.00.02 – Constitutional Law; Constitutional Trial; Municipal Law;**
- 12.00.03 – Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law;**
- 12.00.08 – Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law;**
- 12.00.09 – Criminal Trial;**
- 12.00.10 – International Law; European Law;**
- 12.00.11 – Judicial Activities; Public Prosecutor's Activities; Human Rights and Law-Enforcement Activities;**
- 12.00.12 – Criminalistics; Judicial Expert's Activities; Police Investigative Activities.**

Editorial Council

Chairman

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, professor, Deserved Lawyer of the Russian Federation, advocate, President of the Guild of Russian Advocates, rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.11).

Vice-chairman

VOLODINA Svetlana Igorevna – PhD, associate professor, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates (Russian Federation, Moscow, 12.00.11).

Members of the Editorial Council

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Vice-chairman of the Board of the Agency of Development of Small and Medium Business of the Azerbaijan Republic, leading researcher of the National Legislation and the International Law department of Institute on Human Rights of National Academy of Sciences of Azerbaijan, Vice-chairman of Confederation of Lawyers of Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku, 12.00.10);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, professor, head of the Department of International and Eurasian Law of law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh, 12.00.09, 12.00.10);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, professor, vice-rector of Eastern Economy and Law Humanitarian Academy (Russian Federation, Ufa, 12.00.08, 12.00.11);

GALOGANOV Alexei Pavlovich – LLD, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates, president of Advocacy Chamber of Moscow Area (Russian Federation, Moscow, 12.00.02, 12.00.11);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, associate professor, advocate, professor of the department of Civil Law of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.02, 12.00.03);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, associate professor, head of analytical service of law firm «Azizov and Partners» (Republic of Uzbekistan, Tashkent, 12.00.11);

JURIEV Sergey Sergeevich – LLD, professor, advocate, professor of department of Advocacy and Law-Enforcement Activity of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow, 12.00.01, 12.00.10);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, professor of department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, St. Petersburg, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.12);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, professor, advocate, director of the Institute of Law of the National University «Ostrozhskaya Academy» (Ukraine, Ostrog, 12.00.09, 12.00.12);

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, Associate Professor, advocate of the Moscow Bar, Vice President of the Guild of the Russian Lawyers, Senior Vice President of the Russian-Asian Legal Association, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Criminal Law Department of the V.Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.08, 12.00.11, 12.00.12);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, associate professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of S. Amanzholov East Kazakhstan State University, chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk, 12.00.08);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, professor of Law at Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada, 12.00.10);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, professor, assistant of manager department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Russian University of Friendship of the People (Russian Federation, Moscow, 12.00.11);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, professor, Professor of department of State Disciplines of the Higher School of Law of Institute of State service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.01);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, legal adviser of the program for Europe (Switzerland, Geneva, 12.00.10);

SINN Arndt – PhD, professor, head of Institute of Economic Criminal Law and the head of department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of University of Osnabruck, director of Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck, 12.00.08, 12.00.10);

VAN Erp Sjef – LLM, professor of department of Civil Law and European Private Law and head of the Private Law Department of Maastricht University, president of the Netherlands Comparative Law Association, Member of Executive Committee of European Law Institute (Netherlands, Maastricht, 12.00.03, 12.00.10);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, professor, professor of department of International Private and Civil Law of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Russian Federation, Moscow, 12.00.03, 12.00.09);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, professor, advocate, professor of department of State and Law disciplines of the Russian New University (Russian Federation, Voronezh, 12.00.02, 12.00.11).

VUJADINOVIC Dragica – PhD, professor at the Faculty of Law of University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade, 12.00.01);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, advocate, professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong, 12.00.02, 12.00.08);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, professor, Honourable worker of education of Kazakhstan, first vice-president of International Union (Commonwealth) of Advocates, President of International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana, 12.00.12).

Editorial Board

Editor-in-Chief

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of reviewing of scientific publications;

KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of preprinting preparation;

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, associate professor, Head of SMM;

MIRNIY Daniil Sergeevich – Head of the legal translation;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of literary editing;

RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;

TAFINTSEV Maxim Vladimirovich – Head of GR;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов научных статей, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Русско-азиатской ассоциации юристов, редакционного Совета и редакционной коллегии журнала.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения.

ПЕРСОНА

Рагулин А.В.: Трактат об обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре7

СОБЫТИЯ

На стыке права и инноваций: в России определили лучших «цифровых» юристов18

Как российский бизнес переходит на рельсы цифровизации: в Москве подвели итоги работы конференции Tech Week 1920

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Каса И.

История развития правового регулирования деятельности третейского суда в Европе22

Урядов Ю.Ю.

Исторические аспекты развития межгосударственных взаимоотношений в правоохранительной сфере26

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

Сарычев Д.В.

Адвокатура в Республике Хорватия32

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

Кудрявцев В.Л.

Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы окончания преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта»36

Булычев Е.Н.

Правовой анализ условий освобождения от наказания за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ)41

Ветрова Г.Н.

Учение М.С. Строговича о правовом положении обвиняемого в уголовном процессе (традиции в современном преломлении)44

Великая Е.В.

Обеспечение права подсудимого на защиту в судебном заседании51

Манаенков К.Л.

Правовые проблемы регистрации права собственности на объекты долевого строительства58

Султанов А.Р.

Ложь, добросовестность в гражданском праве и процессе62

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Швец Ю.Ю.

Содержание конституционного права человека на охрану здоровья 67

ПРАВОСУДИЕ И

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Курчев В.С., Беляев А.Д.

Лингвистический аспект антикоррупционной экспертизы в контексте охраны конституционных прав граждан71

Урядов Ю.Ю., Жирнов Ю.Н.

Организация международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации при конфискации материальных ценностей, полученных преступным путем77

Егорышева Е.А.

Способы совершения краж из помещений несовершеннолетними в группе83

Кононыхина Т.С.

Криминологическая характеристика личности женщины-преступницы88

Сарфароззода К.А.

О некоторых теоретических аспектах обеспечения защиты права человека на жизнь и здоровье органами судебной власти Таджикистана95

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Канатов Т.К.

Правомочие обладателя исключительного права на распоряжение правом в странах Евразийского экономического союза100

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

Яковлев А.Ю., Чеботников И.В.

Формирование и выполнение государственного задания бюджетными учреждениями города Москвы104

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию «Трактат об обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре» (предисл.: Г.Б. Мирзоев, послесл.: А.В. Воробьев). Москва: Российская академия адвокатуры и нотариата: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2019. 584 с.), подготовленную адвокатом, доктором юридических наук, доцентом Андреем Викторовичем Рагулиным110

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ116

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ117

Contents

PERSONA

Ragulin A.V.: *Treatise on the treatment of 32, principles, discrimination and democracy in the russian advocacy*7

EVENTS

At the Intersection of Law and Innovation: Russia Identified the Best «Digital» Lawyers 18

How Russian business moves to the tracks of digitalization: in Moscow summed up the results of Tech Week 19 conference20

HISTORICAL EXPERIENCE

Kasa I.
The history of legal regulation development of the activity of the arbitration court in Europe22

Uryadov Yu.Yu.
Historical aspects of the development of inter-state relations in the law enforcement26

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

Sarychev D.V.
Legal profession of the Republic of Croatia32

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

Kudryavtsev V.L.
Criminal-legal and criminal-procedural problems of the termination of the crime provided by article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation «Pronouncement of obviously unjust sentence, decision or other judicial act»36

Bulychev E.N.
Marriage with the victim as grounds for exemption from punishment for sexual intercourse with a person under sixteen years of age41

Vetrova G.N.
The doctrine of M.S. Strogovich on the legal status of the accused person in criminal proceedings (traditions in modern refraction)44

Velikaya E.V.
Ensuring the right of the defendant to protection in court session51

Manaenkov K.L.
Legal problems of registration of ownership of shared construction objects58

Sultanov A.R.
Lies, integrity in civil law and proceedings62

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE

Shvets Yu.Yu.
Contents of the human constitutional right to health67

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

Kurcheev V.S., Belyaev A.D.
The linguistic aspect of anti-corruption expertise in the context of protecting constitutional right of citizens71

Uryadov Yu.Yu., Zhirnov Y.N.
Organization of international cooperation of bodies of the internal affairs of the Russian Federation in confiscation of material values obtained by criminal way77

Egorysheva E.A.
Methods of committing thefts from premises committed by minors in the group83

Kononykhina T.S.
Criminological characteristics of female criminal88

Sarfarozzoda K.A.
On some theoretical aspects of ensuring the protection of the human right to life and health by judicial authorities of Tajikistan95

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE

Kanatov T.K.
Authority of the holder of the exclusive right to dispose of the right in the countries of the Eurasian Economic Union 100

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

Yakovlev A.Yu., Chebotnikov I.V.
Formation and realization of the state assignment by the Moscow city budgetary institutions 104

REVIEWS

Review on the monograph «treatise on the treatment of 32, principles, discrimination and democracy in the russian advocacy» (preface.: G.B. Mirzoev, epilogue: A.V. Vorobyov). Moscow: Russian academy of advocacy and notaries: Eurasian research institute of law, 2019. 584 p.), prepared by a lawyer, doctor of law, associate professor Andrey Viktorovich Ragulin 110

INFORMATION FOR AUTHORS 116

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 117

РАГУЛИН А.В.: ТРАКТАТ ОБ ОБРАЩЕНИИ 32-Х, ПРИНЦИПАХ, ДИСКРИМИНАЦИИ И ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЕ

RAGULIN A.V.: TREATISE ON THE TREATMENT OF 32, PRINCIPLES, DISCRIMINATION AND DEMOCRACY IN THE RUSSIAN ADVOCACY

Андрей Викторович РАГУЛИН – российский адвокат, ученый, преподаватель высшей школы, журналист, общественный деятель.

Доктор юридических наук (2015), доцент (2009).

Подготовил и опубликовал значительное число научных работ, посвященных проблемам организации и деятельности адвокатуры, деятельности адвоката, регламентации, реализации и защиты профессиональных прав адвоката, проблемам уголовного права и процесса.

С 2003 года лично представляет интересы доверителей в ходе производства по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях. В адвокатской практике значительное число занимают дела, по которым было прекращено преследование доверителей в связи с отсутствием в их действиях состава преступления или недоказанностью предъявленного обвинения.

В качестве преподавателя высшей школы сотрудничает с Восточной экономико-юридической гуманитарной академией, Российской академией адвокатуры и нотариата, Московским университетом МВД России, где проводит аудиторские занятия, руководит научной деятельностью обучающихся, подготовкой курсовых и выпускных квалификационных работ, диссертаций, принимает участие в процедурах научной аттестации.

С 2009 года сотрудничает с Гильдией российских адвокатов в качестве члена, заместителя председателя, а затем – председателя Научно-консультативного и экспертного совета и комиссии по защите прав адвокатов – членов адвокатских образований Гильдии российских адвокатов.

С 2010 года руководит центром исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского НИИ проблем права.

В 2012 году возглавил редакцию созданного им международного научно-практического юридического журнала «Евразийская адвокатура», распространяющегося в бесплатном свободном доступе и включенного в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования России.

В 2016 году выступил инициатором создания рабочей группы «Развитие адвокатуры» Общероссийского гражданского форума, в рамках деятельности которой организовал систематическую разработку, обобщение и общественное обсуждение предложений адвокатов и ученых, направленных на совершенствование организационных и правовых основ адвокатской деятельности и адвокатуры, а также норм УК РФ и УПК РФ.

С 2015 по 2018 гг. и с 2019 г. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата. С 2018 г. – член Союза журналистов России.

В 2018 году избран старшим вице-президентом Русско-азиатской ассоциации юристов (RALA), в 2019 году – вице-президентом Гильдии российских адвокатов.

Имеет благодарности, награжден почетными грамотами образовательных учреждений и адвокатских палат Республики Башкортостан и г. Москвы, Серебряной медалью им. Ф.Н. Плевако (2014), медалями «За заслуги в образовании и науке» (2017), «Патриот России» (2017), «За патриотизм и служение закону» (2018), знаком отличия «За вклад в развитие адвокатуры» (2019).

– Здравствуйте, уважаемый Андрей Викторович! В ноябре 2019 года широкая адвокатская общественность получила возможность ознакомиться с Вашей монографией «Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуры», изданной Российской академией адвокатуры и нотариата и Евразийский научно-исследовательским институтом проблем права¹. Можете кратко рассказать тем, кто ещё не знаком с этой работой, чему она посвящена?

– В монографии на основе изучения документов, анализа законодательства, материалов научных исследований и правоприменительной практики в сочетании с использованием метода включенного наблюдения рассматриваются проблемные вопросы, возникшие перед адвокатским сообществом России в связи с направлением группой адвокатов в Следственный комитет Российской Федерации так называемого «Обращения 32-х». Эти вопросы, связанные с пониманием принципов организации и деятельности адвокатуры, проблемами применения норм Кодекса профессиональной этики адвоката и так называемых разъяснительных актов органов Федеральной палаты адвокатов Российской Феде-

¹ <https://golosadvokata.ru/opinions/ragulin>; <http://www.eurasian-advocacy.ru/vse-novosti/2410-monografiya-doktora-yuridicheskikh-nauk-prorektora-rossijskoj-akademii-advokatury-i-notariata-vitse-prezidenta-gildii-rossijskikh-advokatov-glavnogo-redaktora-zhurnala-evrazijskaya-advokatura-a-v-ragulina-traktat-ob-obrashchenii-32-kh-printsipakh>.

рации, принятых в 2019 г., тесно соприкасаются с современными организационно-правовыми основами устройства адвокатуры, непосредственно отражающимися на справедливости процесса отправления правосудия, а также с проявлениями дискриминационной политики, осуществляемой органами корпоративного управления адвокатурой в отношении адвокатов.

– Я думаю, что сегодня все адвокатоведы и большинство адвокатов-исследователей уже знакомы с общей идеей этой работы, и пришло время более детально поговорить о её результатах. Судя по названию, её стрижнем стало Обращение 32-х. Расскажите подробнее про этот кейс?

– 2 марта 2019 г. собравшиеся на проводимой в г. Москве конференции адвокаты и юристы в количестве 32-х человек по просьбе заявителей – адвокатов Адвокатской палаты Республики Башкортостан, изучив представленные документы, подписали Открытое обращение на имя Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина, указав в его тексте на то, что адвокатское и юридическое сообщество России внимательно следит за развитием событий вокруг Адвокатской палаты Республики Башкортостан. Речь идет о том, что в декабре 2017 года адвокаты республики подняли вопрос, в том числе и в средствах массовой информации, о финансовых злоупотреблениях в Адвокатской палате, а из представленных ими материалов доследственной проверки видно, что управленцами Адвокатской палаты РБ, бюджет которой формируется за счет обязательных взносов адвокатов республики, исполняются подозрительные сделки, заключенные при наличии не преодоленного и не санкционированного адвокатами палаты конфликта интересов.

В Обращении отмечалось, что заявители, являющиеся адвокатами – членами Адвокатской палаты РБ, обратились с заявлением в республиканское управление Следственного комитета России, однако проверка заявлений адвокатов Республики Башкортостан длилась с декабря 2017 года, причем следственным органом неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а затем осуществлялась их немедленная отмена.

Заявители Обращения указали, что просят не затягивать проверку и принять законное и обоснованное решение, дабы прекратить дискуссии о злоупотреблениях, подрывающих авторитет адвокатуры, либо привлечь виновных к ответственности и тем самым прекратить дальнейшие незаконные действия. В настоящее время по фактам,

упомянутым в Обращении 32-х, возбуждено уголовное дело, идет расследование.

Адвокат Г.М. Резник со свойственной ему риторической образностью отнёс Обращение 32-х к жанру доноса. Это жанровое определение было поддержано Советом ФПА и другими сторонниками сложившегося административного устройства адвокатуры. Обращение стало обсуждаться в социальных сетях. Было ожидаемо, что в ходе обсуждения внимание представителей органов корпоративного управления адвокатурой обратилось не на проблемы, поднятые в Обращении, о содержании которых предпочли умолчать, а на сам факт обращения адвокатов в Следственный комитет. Проблемы адвокатуры были ими окутаны фразами об адвокатской этике.

С другой стороны, адвокат К.А. Москаленко, будучи активным сторонником оздоровления адвокатуры, в частности, заявила следующее:

«1) Корпоративная этика не имеет ничего общего с круговой порукой и потаканием коррупционным явлениям в адвокатском сообществе. Это подмена понятий, и в среде профессионалов, я убеждена, эта гнилая идея не пройдет;

2) Виталий Буркин, которого лишили статуса адвоката за проявленную им принципиальность, за критику, имел право на корпоративную солидарность, на поддержку и защиту со стороны своих коллег, которую он не получил ни в региональном сообществе, ни на уровне ФПА;

3) Напротив, г-н Юмадилов, как публичная фигура и член Совета палаты Башкортостана и Совета ФПА, может и должен быть подконтролен сообществу, и при возникновении ЛЮБЫХ обоснованных подозрений в отношении допущенного конфликта интересов и коррупционной составляющей в отношении него должна быть проведена тщательная проверка в нашем сообществе. А если сообщество, в лице чиновников от адвокатуры, проявляет недопустимую медлительность, то должны быть проведены следственные действия со стороны правоохранительных органов по инициативе Виталия Буркина и других башкирских коллег, которую мы с адвокатом Ю.А. Костановым и десятками коллег поддержали. И никто не имеет права называть это доносом;

4) И наконец, почему-то большинство критиков этого обращения в СК РФ, поддержанного группой адвокатов, игнорирует тот факт, что г-н Юмадилов не вправе рассчитывать на молчаливое одобрение в своем сообществе после того, как он сам подверг нападкам и атакам своих коллег – Виталия Буркина и других. Где были вы, ревнители адвокатского благочестия, когда г-н Юмадилов

лишал коллегу Буркина адвокатского статуса по просьбе судебных работников, попавших под его критику?».

Но сторонники круговой поруки не остановились, и Совет Федеральной палаты утвердил разъяснение, а Всероссийский съезд адвокатов принял резолюцию, которые ввели новый стандарт профессионального поведения в форме запрета адвокатам обращаться в государственные органы в отношении проверки органов адвокатского самоуправления.

– Слово «донос» в адвокатском дискурсе носит особо негативную коннотацию. Правильно ли я понял, что Г.М. Резник и те, кто его поддержал не правы в том, что Обращение 32-х представляет из себя «донос»?

– Представьте себе, не правы! Многие из коллег по этому вопросу были введены в заблуждение некоторыми представителями органов корпоративного управления адвокатурой.

В монографии подробно рассмотрен этот вопрос, и детально обосновано, что Обращение 32-х – это не донос, поскольку оно не содержит в себе обязательных признаков доноса, таких как тайность сообщения и содержание обвинения в сообщении, а также факультативных признаков, таких как ложность сообщаемых сведений и форма изложения содержания.

Обращение – это заявление, содержащее сообщение о недостатках в работе государственных органов и их должностных лиц и критику их деятельности.

Анализ обстоятельств подготовки и содержания Обращения позволяет утверждать, что оно не содержит в себе ложных сведений. Оно было основано на конкретных материалах доследственной проверки и обстоятельствах, постоянно находящихся в фокусе ряда республиканских и федеральных СМИ. Подписавшие Обращение адвокаты после ознакомления с содержанием находящихся в материалах доследственной проверки документов установили, что положение дел в республиканской адвокатуре является недопустимым, требует детальной проверки и принятия решения. В результате длительного срока проверки и отсутствия внятного решения адвокаты, подписавшие Обращение, пришли к выводу, что ситуация в Адвокатской палате ставит под угрозу профессиональную независимость каждого из членов палаты, поскольку очевидно, что президент палаты, находящийся под угрозой уголовного преследования, не может действительно отстаивать профессиональные интересы адвокатов, особенно в отсутствие принятого по заявлению адвокатов

итогового стабильного решения. Сложившаяся ситуация позволяет следственным органам вмешиваться в непосредственную деятельность адвокатов по оказанию юридической помощи без ожидания адекватного реагирования со стороны органов Палаты. Многочисленные сообщения в СМИ при отсутствии внятных и соответствующих обстоятельствам пояснений со стороны АП Республики Башкортостан свидетельствуют о том, что действия руководителей палаты наносят вред профессиональной правозащите, то есть авторитету адвокатуры.

– В связи принятием ФПА РФ ряда корпоративных актов – Разъяснения № 03/19 Комиссии по этике и стандартам ФПА РФ от 17 апреля 2019 года «По вопросу допустимости обращения адвокатов в правоохранительные органы», утвержденного решением Совета ФПА РФ от 17 апреля 2019 года, и Резолюции Всероссийского съезда адвокатов от 18 апреля 2019 года «О соблюдении адвокатской этики», в которых дается негативная оценка Обращению 32-х, фактически введен запрет адвокатам обращаться в органы государственной власти с заявлениями о проведении проверки в отношении органов адвокатского самоуправления под угрозой их привлечения к дисциплинарной ответственности.

При этом на основании ст. 33 Конституции Российской Федерации адвокаты, как граждане Российской Федерации, имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, что детализировано в положениях ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», а в статье 6 закона предусматривается прямой запрет преследования гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц.

В теории права является общепризнанным тезис о том, что любое субъективное право не может быть «безграничным». Кроме того, у лиц с разным юридическим статусом граница права может быть подвижной. Как Вы считаете, оправданы ли ограничения прав гражданина, в контексте дела 32-х, по причине наличия у него статуса адвоката?

– Нет, такие ограничения недопустимы!

Адвокат, являясь физическим лицом, гражданином Российской Федерации, имеет возможность реализовывать предусмотренные Конституцией Российской Федерации общие (конституционные) права, а также предусмотренные положениями Закона об адвокатской деятельности профессиональные права, при этом само по себе наличие у лица статуса адвоката не является основанием для его ограничения в возможности реализации прав, предусмотренных законодательством и нормами международного права. Никакое ограничение или умаление каких бы то ни было основных прав физического лица, обладающего статусом адвоката, признаваемых или существующих в государстве в силу закона, конвенций, правил или обычаев, не допускается под тем предлогом, что в международных правовых актах не признаются такие права или что в них они признаются в меньшем объеме.

Каждый гражданин, обладающий статусом адвоката, в силу действия широкого спектра юридических норм, принятых на международном уровне и на уровне национального законодательства, имеет право на обращение в государственные органы и право на государственную защиту прав и свобод человека и гражданина. Права человека, в том числе имеющего статус адвоката, должны охраняться властью закона, а сами адвокаты вправе иметь защиту закона и защиту от всякого рода дискриминации, а также вправе рассчитывать на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения основных прав, предоставленных Конституцией РФ или законом.

Перечень публично-правовых ценностей, защита которых, с точки зрения международно-правовых норм, Конституции Российской Федерации и российского законодательства, оправдывает отдельные ограничения прав и свобод, является закрытым и не подлежит расширительному толкованию, при этом интересы руководства адвокатских палат субъектов Российской Федерации или Федеральной палаты адвокатов РФ, а также интересы членов органов корпоративного управления адвокатурой в этот перечень не включены.

Статьей 55 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом, но каких-либо положений, запрещающих адвокату направлять обращения в органы государственной власти, в том числе в связи с деятельностью органов корпоративного

управления адвокатурой, ФЗ «Об адвокатской деятельности...» и даже КПЭА не содержат.

При этом какая-либо группа или объединение групп не имеют права осуществлять какие-либо действия, направленные на упразднение или ограничение прав и свобод адвоката как физического лица, в большей мере, чем это предусматривается положениями норм международного права и Конституции Российской Федерации.

Действия, направленные на преследование гражданина (группы граждан) по причине наличия у него (них) статуса адвоката и в связи с совершением им санкционированных законом действий (обращением в государственный орган), являются проявлениями дискриминации, в связи с чем такие действия являются незаконными, и лица, совершившие их, должны нести юридическую ответственность.

Поскольку адвокаты представляют из себя социальную группу, любое незаконное индивидуальное, а тем более массовое ограничение прав человека и гражданина на основании наличия у него статуса адвоката, т.е. принадлежности его к социальной группе, условно называемой «адвокатское сословие», должно быть наказуемо.

При таких обстоятельствах, учитывая содержание и направленность Обращения 32-х, очевидно, что именно установление запрета на обращения, подобные Обращению 32-х, является проявлением человеконенавистничества, а не наоборот. Можно заключить, что Обращение 32-х является проявлением борьбы с явлениями, посягающими на эти ценности адвокатской профессии.

«Администраторы от адвокатуры» заявляют, что нельзя призывать государственный властный орган проверять «независимых» и «самоуправляемых», что сам такой «призыв» есть покушение на устои адвокатуры и разрушает её, а результат разрушения – прекращение выполнения ожидаемой функции, то есть адвокаты перестанут оказывать юридическую помощь; и следовательно, чтобы адвокаты продолжали оказывать юридическую помощь в соответствии с интересами членов разных советов и комиссий адвокатских палат, надо призывающих государственный орган адвокатов наказывать, чтобы другим неповадно было призывать. Таков естественный логический вывод из суждений, приведенных в Разъяснении № 03/19 о запрете обращения.

Однако в таком выводе о «призыве» есть не только логический порок, но и порок нравственный, противоречащий «гуманистическим» лозунгам Разъяснения № 03/19, и состоит он в следующем: имеет ли властный государственный орган

право проверить «независимых и самоуправляемых» вообще? Да, имеет. Нужно ли для проверки «сообщение» кого бы то ни было? Нет, не нужно. Повод может быть любой, поэтому не имеет значения, что послужило поводом для проверки. Мотив, целеполагание проверки – выяснение фактического, реального положения вещей. Поводом может послужить любая улика, иначе какое-то указующее обстоятельство на чью-то вину, то есть на неисполнение кем-то своего долга, проявившееся объективно.

– Очевидно, что в современном языковом узусе слова «адвокат», «адвокатура» являются полисемичными и в среде адвокатоведов идут и будут идти споры относительно содержания этих дефиниций...

– Да, это так! Есть много определений (дефиниций) адвокатуры без выделения сущности, глубинного социально-политического (публичного) ее смысла, назначения и ценности для интересов жизни людей. Эти дефиниции, каждая по-своему, выделяют или отражают какие-то отдельные грани (стороны) феномена адвокатуры без проникновения в самое сердце этого социального явления.

Вот одно из определений: «Адвокатура представляет собой независимый, самоуправляемый институт гражданского общества, публичную корпорацию профессиональных юристов, призванную участвовать в отправлении правосудия и оказывать на профессиональной основе юридическую помощь, выполнять возложенную на нее публично-правовую функцию контроля за соблюдением государством правовых норм».

Но и в этом определении указан ложный признак адвокатуры, а именно осуществление контроля за соблюдением государством правовых норм. А это не просто ошибочный, а опасный (вредный) признак. Такой признак никогда не должен иметь место и не будет реализован в жизни. Наделение «контролем» есть каким-то образом наделение отдельного негосударственного института (общества людей) функцией по отмене решений государственных органов, самого государства. Ибо контроль в его политическом смысле есть не только выявление нарушений со стороны какого-либо государственного органа, но и принудительное исправление этого нарушения своей властью, силой собственного принуждения. А такое наделение властью, по сути, общественной организации, а тем более отдельных ее членов, недопустимо.

Другое дело, что весь российский народ обладает такой властью как источник власти вообще. Российский народ создаёт, формирует

государственную власть. И только в силу так называемого «общественного договора» народа и государственной власти на маленькую часть этого народа под названием «адвокаты», как знатоков права, возлагается обязанность смотреть, взирать или надзирать без всякой способности к властному принуждению за отправлением правосудия и вообще исполнению государственными органами своих обязанностей в отношении граждан. Способы этого безвластного надзора довольно простые: подача в государственные органы и суды жалоб и заявлений в защиту прав и правоохраняемых интересов граждан. Контроль – это дело государства, в том числе и за адвокатурой. Другое дело – пределы, объём и механизмы, процедуры контроля.

При этом правозащитная функция возлагается на адвокатов (как на сведущих в праве людей) обществом, а не государством.

Государство ничего адвокатуры не делегировало. Государство учредило (!) адвокатуру как формально-юридическую организацию, дало название структурным элементам этой организации (адвокатуры). Структурирование, конечно, можно при определённой доле условности (допущении) назвать «организацией оказания юридической помощи». Но тогда государство эту задачу по этой «организации» выполнило полностью и окончательно. И делегировать (перепоручать) эту «организацию» кому бы то ни было не только не должно, но и в практическом смысле не может.

– В настоящее время НО «Адвокатская палата Удмуртской Республики» в Хамовнический районный суд г. Москвы предъявлено исковое заявление к ФПА РФ о признании недействительными (ничтожными) Разъяснения № 03/19 и Решения совета ФПА РФ от 17 апреля 2019 г. об утверждении Разъяснения № 03/19. Совместно с ним рассматривается исковое заявление адвокатов В.А. Шавина, А.А. Бабина, С.И. Журавлева, С.Н. Золотухина, А.В. Капитанова, С.В. Мокрушина, А.Л. Островского, А.В. Савченкова, В.А. Сорокина и других о признании недействительным этих же актов, а также еще одного ничтожного решения собрания, противоречащего основам правопорядка и нравственности, – Резолюции Всероссийского съезда адвокатов от 18 апреля 2019 г. «О соблюдении адвокатской этики». Вы являетесь активным участником этих процессов (в широком смысле), и кому же, как не Вам, рассказать о том, какие основные доводы положены в основу этих исковых заявлений?

– Прежде всего отмечу, что содержание Резолюции и Разъяснения № 03/19 сводится к прямо-му, под угрозой привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности (вплоть до лишения права на профессию), запрету на обращения адвокатов в органы государственной власти либо в правоохранительные органы с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления.

Разъяснение № 03/19 формулирует правило о недопустимости обращения адвокатов в органы государственной власти либо в правоохранительные органы с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления в следующем виде: «Требование или призыв ко вмешательству в деятельность органов адвокатского самоуправления либо осуществлению в отношении них проверочных и контрольных мероприятий органами государственной власти, в том числе осуществляющими уголовное преследование... недопустимо для членов адвокатского сообщества».

В Резолюции Всероссийского съезда адвокатов от 18 апреля 2019 г. «О соблюдении адвокатской этики» этот запрет содержится в следующих утверждениях: «Призывать к любому органу государственной власти, а тем более к тому, которому адвокаты противостоят как защитники в уголовном процессе, о проведении проверки финансово-хозяйственной деятельности адвокатской палаты – значит игнорировать принципы самоуправления и корпоративности адвокатуры, подрывать её независимость», и «поэтому решительного осуждения заслуживают высокомерное, пренебрежительное отношение как к коллегам, избранным в органы палаты, так и к коллегам – членам другой адвокатской палаты, отказ им в способности самим решать внутренние вопросы сообщества. Такого рода действия, независимо от побуждений, их вызвавших, насаждают чуждую адвокатуры атмосферу подозрительности и доносительства, губительны для профессии, основанной на отношениях доверия и взаимной поддержки, и при определенных обстоятельствах могут стать предметом дисциплинарного разбирательства».

Таким образом, органы ФПА РФ под предлогом защиты принципов независимости, самоуправления и корпоративности адвокатуры (ч. 2 ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») установили новое правило профессионального поведения адвокатов в виде запрета на обращение в любые государственные органы относительно деятельности адвокатских палат.

Запрет юридически даже отменил действие закона о праве адвоката обратиться в суд, несомненно, орган государственной судебной власти, за защитой своих профессиональных (публичных) интересов, предположительно, по мнению адвоката, нарушенных исполнительным органом адвокатской палаты.

Указанный запрет свидетельствует, что органы адвокатуры стали рассматривать дисциплинарное производство в отношении адвокатов в качестве орудия (инструмента) для защиты своих узкогрупповых интересов в ущерб достоинству, чести и авторитету адвокатуры, для подавления выражения адвокатами публичных интересов.

По моему мнению, оспариваемые акты направлены на самозащиту лиц, являющихся членами органов корпоративного управления, от любого воздействия со стороны адвокатов, обязанностью которых является производить денежные отчисления на содержание этих органов и подчиняться их решениям.

При этом основная форма публичной деятельности адвоката – обращение в органы государственной власти за защитой прав и правоохраняемых интересов граждан и организаций. Выступление адвоката в защиту собственного профессионального интереса в такой же форме есть безусловная обязанность адвоката. Такой интерес адвоката охватывается обязанностью адвоката бороться с проявлениями безнравственности, противоправности в адвокатской среде, а не скрывать такие поступки и не содействовать нравственному разложению в разных группах адвокатов, не быть их сообщником. Адвокатура должна содействовать правосудию, а не противодействовать ему.

Решения КЭС ФПА, Совета ФПА РФ и Съезда ФПА РФ ограничивают возможность Адвокатской палаты УР принимать управленческие решения, а также могут привести к лишению Адвокатской палаты УР этой возможности, а соответственно – и возможности осуществлять контроль за деятельностью ФПА РФ, содержат предписания относительно необходимости возбуждения, рассмотрения или исхода дисциплинарного разбирательства, которое может быть возбуждено и осуществляться в отношении адвоката АП УР, как в АП УР, так и, в соответствии с изменениями законодательства, в ФПА РФ. При этом ФПА РФ вправе, в том числе, разрешать по существу вопрос о дисциплинарной ответственности адвоката и вопрос о непосредственном применении в его отношении Разъяснения КЭС ФПА РФ.

Разъяснения КЭС и Решения Совета Федеральной палаты адвокатов РФ, а также Резолюции

Всероссийского съезда адвокатов по своему правовому статусу являются решениями собраний.

В соответствии с ч. 1 ст. 181.3. ГК РФ решение собрания недействительно по основаниям, установленным ГК РФ или иными законами, в силу признания его таковым судом (оспоримое решение) или независимо от такого признания (ничтожное решение). Недействительное решение собрания оспоримо, если из закона не следует, что решение ничтожно.

В силу положений пункта 4 части 1 ст. 181.5 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, решение собрания ничтожно в случае, если оно противоречит основам правопорядка или нравственности. Термин «основы правопорядка или нравственности» употребляется в положениях ст. 169 ГК РФ, в которой закреплено, что сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечет последствия, установленные статьей 167 ГК РФ.

Правопорядок – это закреплённое в нормах права и охраняемое государством устроение общественных отношений: государственных органов, общественных организаций и граждан. Соблюдение правового порядка направлено на обеспечение интересов всего общества и государства. Основа правопорядка – соблюдение законов и уважение к ним.

Деяние, совершённое с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, может, в частности, выражаться в нарушении основополагающих начал российского правопорядка, принципов общественной, политической и экономической организации общества, его нравственных устоев (с.: п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Основы правопорядка – это установленные государством основополагающие нормы об общественном, экономическом и социальном устройстве общества, направленные на соблюдение и уважение такого устройства, обеспечение соблюдения правовых предписаний и защиту прав и свобод граждан. Главные устои основ правопорядка в Российской Федерации закреплены в Конституции Российской Федерации.

В исковом заявлении обосновывается, что оспариваемые Разъяснение № 03/19 и Решение Совета ФПА РФ, устанавливающие запрет на обращения адвокатов в органы государственной власти с требованием проведения проверки в отношении органов адвокатского самоуправления,

незаконно вводят правовые ограничения для реализации фундаментальных, конституционных прав граждан, обладающих статусом адвоката.

Соотнесение содержания решений собраний с положениями Конституции Российской Федерации, составляющими основы правопорядка, показывает, что эти решения собраний нарушают следующие ее положения:

– признание высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ);

– принцип верховенства Конституции РФ и закона на всей территории Российской Федерации (ст. 4);

– равенство прав и обязанностей граждан, находящихся на территории РФ (ст. 6);

– положения о высшей юридической силе, прямом действии и обязательности для всех положений Конституции РФ, действии в России общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 15);

– положения о гарантированности прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией, а также неотчуждаемости основных прав и свобод человека и гражданина (ст. 17);

– положения о непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина и об определении ими смысла, содержания и применения законов (ст. 18);

– равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от социальной принадлежности (ст. 19);

– принцип свободы мысли и слова (ст. 29);

– право на индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы (ст. 33);

– положения о том, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется, и каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45).

Таким образом, поскольку Разъяснение № 03/19, решение Совета ФПА РФ, которым утверждено Разъяснение с целью придания ему юридической силы, а также Резолюция Всероссийского съезда адвокатов от 18.04.2019 противоречат основам правопорядка, в силу содержания положений ст. 181.5 ГК РФ указанные решения являются ничтожными.

Адвокаты, входившие в состав КЭС и Совет Федеральной палаты, а также адвокаты, голосовавшие за резолюцию Съезда, в силу юридического образования и профессионального рода деятельности не могли не знать, что возведённый

ими в норму запрет на обращение в государственные органы явно противоречит норме права значительно более высокой юридической силы, а именно федеральному закону. Принятие адвокатами, занимающими главенствующее положение в иерархической системе адвокатуры, противозаконной нормы свидетельствует об умысле на получение дополнительных выгод и преимуществ от своего административного положения, укрепления своего господства над другими адвокатами. Это свидетельствует о безнравственном (аморальном) поступке этих адвокатов и о том, что рассматриваемые акты противоречат не только основам правопорядка, но и нравственности.

В правовой доктрине основы нравственности определяются как господствующие в условиях конкретного общества представления о добре и зле, плохом и хорошем, справедливом и несправедливом.

В связи с воздействием морали на право в содержании правовых норм уже отражена как мораль общества в целом, так и мораль социальных слоев и групп, которые участвовали в процессе правообразования. В правовых нормах, составляющих основы прав человека, наиболее ярко проявляется характер взаимодополнительности морали и права, поскольку в них отражены такие моральные ценности, приобретшие характер нравственно-правовых принципов, как справедливость, гуманизм, законность, равноправие, свобода, приоритет конституционных прав и свобод граждан, уважение чести и достоинства личности.

Содержание правовых норм, ввиду отражения в них норм морали, является основой для анализа морально-нравственных норм. При этом общеобязательная и общепризнанная мораль в современном российском обществе отсутствует, а моральность общества в определенной степени зависит от содержания и действенности правовых норм.

В то же время действия, нарушающие правовую норму, основанную на нормах морали, всегда являются противоречащими нормам морали, при том, что действия, нарушающие нормы морали, в случае если они не находят отражения в законе, не всегда противоречат правовым нормам.

Правовой нигилизм, бюрократизм и коррупция, чему было посвящено так называемое Обращение 32-х, послужившее поводом для принятия Разъяснения 03/19 и Резолюции Всероссийского съезда адвокатов, являются нарушениями как норм морали, так и норм права, что должно повлечь за собой не только моральные, но и правовые санкции.

Кроме того, оправдание пренебрежительного отношения к отдельным нормам закона положениями «моральных норм» представляет собой правовой имморализм – форму правового нигилизма, характеризующуюся отказом от соблюдения правовой нормы, мотивируемым несопадением ее содержания с собственными представлениями о моральном и справедливом.

Общепризнанные нормы морали, как правило, не могут противоречить нормам так называемой «профессиональной морали», предъявляющим к адвокатам более высокие требования, чем требования, предъявляемые нормами морали к обычному гражданину. Такое противоречие возможно лишь в случае возведения в нормы профессиональной морали норм, противоречащих общепризнанным нормам морали, однако в нормах профессиональной этики адвоката установлен запрет на совершение подобных действий.

В частности, нормами профессиональной этики адвоката (Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского Сообщества (п. 1.2.2)) установлен запрет на введение этических правил, противоречащих правовым нормам, в связи с этим нарушение этого запрета является не соответствующим нормам адвокатской этики, т. е. нормам профессиональной морали.

Таким образом, нарушение каким-либо действием правовой нормы, в которой отражены общепринятые моральные ценности (справедливость, законность, приоритет конституционных прав и свобод граждан), будет являться не только нарушением соответствующей нормы, но и нарушением общепризнанных норм морали.

Поскольку Разъяснение № 03/19 и Резолюция «Об адвокатской этике» противоречат целому спектру правовых норм, в которых отражены общепризнанные моральные ценности, а также этических норм, т. е. норм профессиональной морали (Всеобщая декларация прав человека (ст. 7, 8, 19, 28); Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 3, 5, 19); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Преамбула, ст. 10, 13, 17, 18, 53); Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (ст. 1, 5, 6, 7, 8, 9, 11); Конституция Российской Федерации (ст. 2, 4, 6, 15, 17, 18, 19, 29, 33, 45, 47, 55, 120); Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ст. 2, 3, 4, 6); Основные принципы, касающиеся роли юристов (п. 16, 23, 26); Стандарты независимости сообщества юристов ИВА (ст. 14); Общий

кодекс правил для адвокатов стран Европейского Сообщества (п. 1.2.2)), их принятие является противоречащим общепризнанным нормам морали.

Запрет, установленный Разъяснением № 03/19, подкрепленный Резолюцией IX Всероссийского съезда адвокатов «Об адвокатской этике», не может быть признан обоснованным ни с точки зрения права, ни с точки зрения общепризнанных норм морали. Разработчики этих документов и лица, которые проголосовали за их принятие, своими действиями продемонстрировали проявление имморализма, т. е. разновидности правового нигилизма, при котором осуществляется отказ от применения правовых норм в пользу собственных представлений о морали, причем эти представления противоречат общепринятым нормам морали, однозначно признающим аморальными правовой нигилизм и коррупцию, а также отдельные их проявления.

– КПЭА является инструментом, и как любой инструмент он может быть использован как во благо, так и во зло. Во благо кого используется этот основной корпоративный документ современной адвокатуры?

– КПЭА, благодаря принятым ФПА РФ реакционным актам, к сожалению, сегодня становится защитой отдельных представителей органов корпоративного управления адвокатурой от справедливой критики со стороны адвокатского сообщества, необходимости держать ответ перед членами сословия и возможного применения к ним мер ответственности, предусмотренных законом. Принятие незаконных актов и последовавшие за ними действия свидетельствуют о том, что представители органов корпоративного управления адвокатурой поставили себя не только над адвокатами, бессменными руководителями которых они сами себя назначили, и планируют или фактически передают свои должности по наследству, но и над законом; в адвокатуре выстроена вертикаль власти, а не адвокатская корпорация, предполагающая возможность адвоката реально влиять на управление ее делами и иметь долю в корпоративной собственности.

На Всероссийском съезде адвокатов присутствуют представители юридических лиц – членов федеральной палаты адвокатов. Деятельность органов адвокатских палат в основном сводится к получению отчислений, осуществляемых адвокатами на общие нужды адвокатской палаты, и дополнительных (в ряде случаев – обязательных) сборов.

Препятствием для вступления в адвокатуру являются дискриминационные условия, связан-

ные с установлением значительных вступительных взносов в адвокатские палаты, ограничение на создание коллегий адвокатов, бюро и кабинетов, адвокатам с небольшим стажем адвокатской деятельности.

Решения, которые связаны с финансированием деятельности палат, принимаются ограниченным кругом лиц, и это либо лично приближенные к президентам палат, либо их кровные родственники или свойственники.

При этом очевидно, что ни один здравомыслящий адвокат не хочет платить обязательные отчисления, которые будут растрчены без надлежащего отчета перед адвокатами, однако они различными путями принуждаются к этому, причем нередко осуществляется систематическое постепенное повышение размера соответствующих отчислений.

Обратная связь между органами корпоративного управления и адвокатами практически разрушена. ФПА РФ категорически не желает разговаривать с адвокатами, высказывающими критические замечания, не желает поддерживать диалог даже с некоторыми адвокатскими палатами, не признает гражданские права адвокатов, их права как членов корпорации, а также старается не признавать и вуалировать наличие проблем в адвокатуре.

– А каково Ваше мнение относительно иных существующих ныне препятствий для развития демократии в адвокатуре?

– Наряду с принятием незаконных актов, о чем я уже говорил выше, препятствием для развития демократии в адвокатуре является существование так называемых «палатообразующих коллегий», возглавляемых президентами адвокатских палат, в результате чего формируется механизм «двойного подчинения адвоката» воле президента палаты, а также создаются неограниченные возможности для проведения различных манипуляций при выдвижении делегатов на конференции, что в последующем позволяет сохранять и воспроизводить существующую антидемократическую систему в корпоративном управлении адвокатурой. Вышеуказанные проявления в полной мере находят свое подтверждение в практике органов корпоративного управления Республики Башкортостан.

Положения ФЗ «Об адвокатской деятельности...», предусматривающие для крупных палат представительство на конференциях, вместо общих собраний всех адвокатов палаты, причём независимо от количества адвокатов в них, нормы о ротации руководящих органов адвокатских па-

лат далеки от истинной демократии, они нуждаются в пересмотре. Адвокатской корпорации не достаёт транспарентной процедуры контроля над руководством палат. Создание и поддержание в целом ряде адвокатских палат «культы личности» якобы избранных президентов, «фюреризация» адвокатуры, сопровождающаяся фактически не сменяющимся в динамике составом Совета и квалификационной комиссии палаты, недопустимы.

– Какие организационные и правовые меры, на Ваш взгляд, могли бы способствовать преодолению кризисных явлений, имеющих в отечественной адвокатуре?

– Основой для преодоления кризисных явлений, имеющих в отечественной адвокатуре, должно стать незамедлительное принятие ФПА РФ и адвокатскими палатами субъектов РФ следующих правовых и организационных мер:

– реформа правового регулирования порядка формирования органов адвокатского самоуправления на всех уровнях на основе полного, а не существующего в новой редакции ФЗ «Об адвокатской деятельности...» «половинчатого» возвращения к демократическим процедурам избрания их членов. Оно должно, на мой взгляд, проводиться путем всеобщих (среди адвокатов, конечно же) прямых выборов президента и членов совета палаты, членов квалификационной и ревизионной комиссии. Выборы должны проходить на альтернативной основе и посредством тайного голосования, с предварительным свободным выдвижением и обсуждением кандидатур;

– разработка и введение норм, предотвращающих возможность привлечения к выполнению обязанностей члена совета адвокатской палаты, члена квалификационной комиссии и ревизионной комиссии родственников или свойственников президента или вице-президента соответствующей адвокатской палаты;

– признание примата норм профессиональной этики и юрисдикции органов адвокатского самоуправления по отношению к вопросам профессиональной деятельности адвоката при одновременном осознании недопустимости какого-либо незаконного дискриминационного ограничения и вмешательства в область прав и свобод адвокатов, как граждан РФ, а также вмешательств, напрямую не связанных с профессиональной деятельностью адвоката;

– введение правовых механизмов, обеспечивающих личную ответственность президентов адвокатских палат и членов советов адвокатских палат за осуществляемые ими действия и принимае-

мые решения, а также создание правовой основы для возможности выражения адвокатами вотума недоверия этим лицам;

– признание и реализация принципа прозрачности в деятельности органов адвокатского самоуправления и права адвокатов на контроль за деятельностью органов адвокатского самоуправления любого уровня;

– осуществление действий, направленных на законодательное закрепление корпоративных прав адвоката как члена адвокатской палаты субъекта РФ и как лица, осуществляющего финансирование деятельности ФПА РФ;

– обязательное заблаговременное предварительное обсуждение всех законодательных и внутрикорпоративных инициатив среди адвокатов с привлечением специалистов по проблематике адвокатской деятельности и адвокатуры из числа представителей научного сообщества, сообщества журналистов, специалистов по смежной проблематике;

– создание независимого научно-информационного портала, посвященного адвокатской деятельности и адвокатуре, с предоставлением возможности адвокатам осуществлять предварительно модерлируемые независимой редакцией публикации в открытых или в закрытых разделах портала, а также с возможностью прямого «вертикального» и «горизонтального» общения с коллегами внутри корпорации и внутрикорпоративного обращения с обязательными для рассмотрения и разрешения жалобами и заявлениями;

– признание ФПА РФ и адвокатскими палатами субъектов РФ необходимости всемерного содействия прекращению злоупотреблений в области расходования денежных средств, формирования из обязательных отчислений адвокатов, и повышению эффективности и полезности расходования этих средств для каждого представителя адвокатского сообщества, а также признание необходимости всемерного содействия прекращению любых проявлений необоснованного ограничения прав граждан на оперативное получение посредством независимых СМИ сведений об их деятельности, а также проявлений ограничения свободы СМИ и нарушений прав журналистов;

– введение права адвокатов на инициирование принятия корпоративных актов, проведение их общественной экспертизы, упорядочивание процесса их принятия в направлении его большей открытости, для чего требуется предусмотреть обязательность широкого обсуждения их проектов;

– установление обязанности ФПА РФ и адвокатских палат субъектов РФ заблаговременно информировать адвокатов о заседаниях и готовящихся к принятию актах, а также обеспечение возможности участия в заседаниях органов адвокатских палат всех желающих адвокатов принять в них участие, при условии предварительной регистрации, а также проведение онлайн-трансляций заседаний для адвокатов;

– установление единого для всех адвокатских палат порядка избрания делегатов на конференцию адвокатской палаты субъекта РФ с тем, чтобы было обеспечено представительство делегатами интересов всех членов палаты, вне зависимости от избранной ими формы адвокатского образования;

– безотлагательное осуществление реформирования положений КПЭА в части обеспечения соответствия процедуры осуществления производства по дисциплинарному делу в отношении адвоката минимальным стандартам, отраженным

в нормах международного права, дополнение положений КПЭА новыми санкциями, альтернативными прекращению статуса адвоката, например временным приостановлением права на занятие адвокатской деятельностью или введением штрафных санкций. Введение возможности заявления адвокатом ходатайства о проведении рассмотрения дисциплинарного дела в открытом режиме;

– принятие мер по установлению законодательных и корпоративных гарантий, направленных на предотвращение дискриминации адвокатов, осуществляющих свою деятельность в адвокатских кабинетах;

– создание в структуре ФПА РФ подразделения по оперативному оказанию обратившимся адвокатам информационно-консультационной и научно-методической поддержки.

– **Спасибо Вам за беседу!**

Беседовал к.ю.н., доцент Р.Г. Мельниченко

Монография доступна для скачивания в режиме свободного доступа на сайтах интернет-проекта «Голос адвоката» (<https://golosadvokata.ru/opinions/raguln>) и журнала «Евразийская адвокатура» (http://www.eurasian-advocacy.ru/PDF/TRAKTAT_RAGULIN.pdf).

А.В. Рагулин

**ТРАКТАТ
об Обращении 32-х, принципах,
дискриминации и демократии
в российской адвокатуре**

монография

Москва, 2019

НА СТЫКЕ ПРАВА И ИННОВАЦИЙ: В РОССИИ ОПРЕДЕЛИЛИ ЛУЧШИХ «ЦИФРОВЫХ» ЮРИСТОВ

AT THE INTERSECTION OF LAW AND INNOVATION: RUSSIA IDENTIFIED THE BEST «DIGITAL» LAWYERS

В России впервые вручили премию «Цифровой юрист года». Были определены лауреаты в четырех номинациях: «Лидер цифровой трансформации», «За общественную деятельность», «За вклад в юридическую науку», «За вклад в развитие правоприменительной практики». Примечательно, что церемония вручения наград прошла в день Конституции РФ. Участие в мероприятии приняли представители государственных органов, практикующие юристы и адвокаты, общественные деятели и т. д.

Премия «Цифровой юрист года» была учреждена в 2019 году Российской ассоциацией электронных коммуникаций (РАЭК) и Московским отделением Ассоциации юристов России. Она является общенациональной наградой, поощряющей заслуги юристов и адвокатов в области цифрового права.

Открыл церемонию председатель правления Ассоциации юристов России Владимир Груздев. Он отметил, что цифровые технологии прочно вошли в нашу жизнь. Приобретение товаров и оплата услуг онлайн уже стала одной из главных тенденций потребительского рынка. Появление новых цифровых возможностей существенно упрощает нашу жизнь, а урегулировать действия в сети помогает «цифровое право». К тому же в условиях динамично развивающейся цифровизации сложно переоценить роль юристов, которые обладают знаниями в области современных технологий.

Как отметил руководитель РАЭК Сергей Плуготаренко, 2019 год стал по-настоящему знаменательным для всех: Рунету исполнилось 25 лет! «За прошедший год нам удалось провести большое количество мероприятий, посвященных этой знаменательной дате. Не стала исключением и премия «Цифровой юрист года», учрежденная в текущем году. Совместно с МО АЮР мы создали проект – импульс для зарождающегося регулирования цифровой отрасли в стране. Кроме того, нами было принято решение провести награждение в рамках торжественной церемонии «Премия Рунета 2019».

По итогам отбора экспертного совета лидером цифровой трансформации стал вице-президент ПАО «МТС» по взаимодействию с органами государственной власти и связям с общественностью Руслан Ибрагимов. Критериями выбора победителя номинации являлись активное участие в

автоматизации процессов юридической деятельности, а также участие в формировании комфортной регуляторной среды для развития современных технологий в стране.

«Чтобы работать на опережение, два года назад в структуре юридического блока МТС был создан Центр правовых инноваций, который вносит ощутимый вклад в разработку нормативно-правовой базы по таким перспективным направлениям, как «право машин», регулирование больших данных, искусственного интеллекта, открывая тем самым новые возможности для всех игроков ИКТ-отрасли и потребителей цифровых продуктов. Мы также серьезно инвестируем в Legaltech – в компании автоматизирован ряд рутинных юридических функций, а недавно МТС вывела на рынок «виртуального юриста» – систему автоматической работы с документами и договорами», – отметил в ходе церемонии Руслан Ибрагимов.

В номинации «За общественную деятельность» премию получил управляющий партнер юридической компании «ЭБР» Александр Журавлев. По его инициативе была основана Комиссия по правовому обеспечению цифровой экономики при Московском отделении Ассоциации юристов России. За этот год в рамках работы Комиссии были подготовлены предложения по регулированию новых технологий, направленные на совершенствование гражданского, налогового и уголовного законодательства. Кроме того, экспертная группа активно участвовала в рецензировании важных законопроектов («О значимых информационных ресурсах», «О регуляторных песочницах» и др.).

В номинации «За вклад в юридическую науку» награду доценту кафедры информационного права, старшему научному сотруднику НИУ ВШЭ Александру Савельеву вручил заместитель председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике Константин Долгов. Организаторы отметили существенный вклад, который номинант внес в развитие российской правовой науки. Александр Савельев является автором ряда монографий, комментариев и статей на русском и английском языках, посвященных проблематике использования новых информационных технологий, в частности, больших данных, смарт-контрактов, токенов, криптовалют и др.

«Научные работы – это основа для формирования правовой среды, в том числе на них ба-

зируется и правоприменительная деятельность, особенно когда законодательство не поспевает, они дают возможность широкому кругу лиц... разобраться в вопросах, связанных с цифровой экономикой и новыми технологиями. Без сильной теоретической базы в этой области невозможно становление цифрового юриста», – подчеркнул ведущий церемонии генеральный директор Moscow Digital School Дмитрий Захаров. Он также отметил, что нормотворчество получает свое логическое продолжение в правоприменительной практике, поэтому для формирования комфортной правовой среды крайне важны люди, меняющие правовую реальность, которые создают правовые прецеденты и изменяют порочную практику применения законов.

Награду в номинации «За вклад в развитие правоприменительной практики» экспертный совет принял решение вручить адвокату Ирине Цветковой за разработку инновационного сервиса «PLATFORMA, финансирование судебных процессов», который делает доступным правосудие для граждан и юридических лиц. В этом году PLATFORMA запустила первый коллективный иск в России, сумма которого составила 5 млн руб., и подготовила первый в РФ законопроект по судебному финансированию. Также с помощью сервиса удалось добиться присуждения компенсации в размере 3 млн руб. за моральный вред спортсменке Марии Комиссаровой.

Материал подготовила Е. Душкина

LAW FIRM «RUSSIA HOUSE INTERNATIONAL LAWYERS»

«Russia House» is legal and has a wealth of experience in providing legal services in Russia and Asia. The offices of the «Russia House,» located in the main financial centers of Russia, Europe and Asia, employ more than 100 lawyers.

The office of the company «Russia House» was opened in Moscow in 2005. The Moscow office employs 15 lawyers, including 4 partners, 2 of whom are citizens of the Russian Federation. In addition to Russian specialists, lawyers from Italy, Luxembourg, Switzerland, China, Japan, South Korea, Saudi Arabia, and the UAE work in the Moscow office. Specialists from the Moscow office have unique experience in all areas of financial, corporate, administrative, tax and international private law in Russia, Italy, Luxembourg, China, South Korea, and Japan. For more than 10 years, the firm has had a special department dealing with litigation and arbitration.

One of the main advantages of the «Russia House» are the rich experience of concluding commercial transactions in the Russian Federation and the deep understanding of the Russian legal system, which are supplemented by the extensive international experience of the firm. «Russia House» is one of the few law firms that provides the whole range of legal services to clients.

Russia House has extensive experience advising on all issues of all branches of law.

Law Firm «RUSSIA HOUSE International Lawyers»
Tel. +7(495) 211 41 88 +7 903 109 71 50
mt@rhlawi.com www.rhlawi.ru www.rhlawi.com
General Director Evgeny Stasyuk

КАК РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС ПЕРЕХОДИТ НА РЕЛЬСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ: В МОСКВЕ ПОДВЕЛИ ИТОГИ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ TECH WEEK 19

HOW RUSSIAN BUSINESS MOVES TO THE TRACKS OF DIGITALIZATION: IN MOSCOW SUMMED UP THE RESULTS OF TECH WEEK 19 CONFERENCE

С 29 октября по 1 ноября в Москве прошел ежегодный Tech Week – мероприятие, собравшее в 11-ти насыщенных тематических потоках 3200 участников, более 280 спикеров и 120 экспонентов. Tech Week стал традиционной площадкой для обсуждения вопросов по внедрению инновационных цифровых технологий в бизнес и обмена опытом на основе кейсов ведущих российских и мировых корпораций. Организатором мероприятия выступает компания «Технократ» при поддержке Фонда «Сколково» и компании «МегаФон».

Конференцию посетило рекордное количество участников – 3200 человек из России и стран зарубежья. Tech Week прошел в формате четырех тематических дней: pre-party вечер «Epic Fail», на котором известные российские предприниматели рассказали о своих самых больших провалах в бизнесе; двухдневная мультимедийная конференция и выставка; прикладной день обучения руководителей компаний – «Управленец 2.0».

Основная часть мероприятий проходила с 30 по 31 октября на базе Технопарка «Сколково».

Конференцию открыла управляющая по инновациям «ВкусВилл» Олеся Машкина, которая рассказала о будущих трендах развития retail-сектора в России, а также представила в докладе инновационные кейсы компании для работы на продовольственном рынке. Всего на конференции работало 11 потоков: цифровая трансформация, новые методологии управления, HR-tech, дизайн и продакт менеджмент, финтех, блокчейн, виртуальная и дополненная реальность, искусственный интеллект и машинное обучение, диджитал маркетинг, бизнес-аналитика.

Одним из хедлайнеров мероприятия стал генеральный директор «АВВУУ Россия» Дмитрий Шушкин, который рассказал о том, как заставить искусственный интеллект продуктивно работать на компанию, и о перспективах развития данной технологии в России: «Россия по уровню проникновения искусственного интеллекта на глобальном рынке движется с уверенным опережением. И приятно то, что уже 2/3 российских компаний планируют внедрение искусственного интеллекта в свою работу в течение 1–2 лет. Основные приоритеты российского бизнеса в данном направлении: повышение производительности труда,

снижение затрат и повышение качества обслуживания клиентов. Поэтому нам не только как представителям бизнеса, но и как простым гражданам приятно, что компании проявляют интерес к данной технологии для заботы о нас. Отсюда можно сделать вывод, что перспективы России в области развития искусственного интеллекта очень хорошие».

Основатель компании «Эвотор» (один из лидеров рынка контрольно-кассовой техники) Андрей Романенко рассказал о том, как новые разработки компании меняют малый бизнес в России: «В России идет цифровая трансформация. Понятно, почему огромное количество цифровых продуктов идет в B2C, а для B2B их не так много. Однако государство предприняло реформу торговли, и одно из ключевых изменений – это закон 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники». В соответствии с ним все торговые точки при ведении расчетов с потребителями должны применять онлайн-кассы. Интересно, что всего 3 года назад в России существовало от 4 до 5 млн торговых точек, но всего лишь у 20 % из них стояли кассовые аппараты. Сегодня реформа обязывает все торговые точки иметь онлайн-кассу. Наша команда приняла вызов по созданию онлайн-касс для предпринимателей, и за 3 года мы построили большую IT-компанию для малого бизнеса. Сегодня мы можем гордиться, что с нами работает каждый четвертый предприниматель в стране».

Запоминающимся для участников стало харизматичное выступление популярного YouTube-блогера Алексея Картытника (канал «АйТиБорода»), который рассказал о развитии soft skills у сотрудников: «Последнее время у всех на слуху словосочетание «soft skills» – надпрофессиональные навыки, обойтись без которых сегодня невозможно. Работник, который не обладает soft skills, сегодня становится аутсайдером на рынке. Такой человек в команде не будет столь продуктивен. Поэтому сегодня развивать soft skills у членов команды не менее важно. Если вы хотите, чтобы ваша компания работала как единый механизм, то вы должны научить сотрудников адаптироваться и слаженно работать в команде. Они должны получать удовольствие от работы в коллективе. И тогда их производительность труда будет увеличиваться».

Участники мероприятия также отметили доклады исполнительного вице-президента по продажам и клиентскому сервису ПАО «ВымпелКом» («Билайн») Юрия Смагаринского, директора по цифровой трансформации ПАО «Банк ВТБ» Михаила Матвеева, главы отдела международных партнерств «Asana» Мэри-Пэттон Айзен, главы департамента по продажам в России и странах СНГ «Viber» Сергея Самородова, директора по продукту «Lamoda Group» Киры Матвеевой, исполнительного партнера «Gartner» Николая Бутвины, генерального директора «Waves Platform» Александра Иванова, инвестиционного партнера «REDangels» и экс-директора по развитию бизнеса на рынках России и СНГ «Alibaba» («AliExpress») Марка Завадского, директора центра компетенций Fintech & Blockchain IT-кластера Фонда «Сколково» Павла Новикова, президента Свободной республики Либерленд Вита Едлички.

Параллельно в выставочной зоне конференции были представлены более 120 экспонентов. Среди интересных стендов стоит выделить: «Банк Хоум Кредит», который продемонстрировал процесс выдачи кредита с помощью удаленной идентификации, а также свой уникальный маркетплейс с товарами в рассрочку; компанию «Asana», продемонстрировавшую свой таск-менеджер для управления проектами; компанию «Dbrain», которая показала свои продукты на базе машинного обучения для автоматизации бизнес-процессов и работы с документами; компанию «Ивентишес», продемонстрировавшую свое мобильное приложение для event-рынка; доставку еды «Баланс Вкуса» и её готовые рационы здорового питания бизнес-класса.

Также в рамках мероприятия было подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве между Фондом «Сколково» и компанией «НЛМК». Интересным нововведением стала работа менторской гостиной, где участники могли получить индивидуальную 30-минутную сессию с разбором их бизнес-проектов от экспертов в области цифровых технологий. Финалом мероприятия стало проведение инвестиционного питча, на котором крупнейшие венчурные фонды и акселераторы заслушали презентации 20 отобранных стартап-проектов.

Партнерами мероприятия выступили: компания «Konica Minolta», «Университет Иннополис», маркетинговое агентство «Биплан», компания «Mandarin Solutions», платформа «AboutBrand», сервис «ClickChat», ООО «Казначейские системы», агентство наружной рекламы «Восток-Медиа», компания «Unitpay», компания «InterActive Media Group», телеканал «Царьград», телеканал «Точка отрыва», регистратор доменных имен «REG.RU», «Национальный банковский журнал», проект «All-Events».

Участники Tech Week 19 отметили высокий уровень организации, подбора спикеров и вынос на обсуждение актуальных вопросов, связанных с развитием инновационных цифровых технологий в России и в мире.

Организаторы мероприятия сообщают, что уже открыта ранняя продажа билетов на весенний Tech Week 2020.

Материал подготовила Е. Душкина

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую	Почерковедческую
Землеустроительную	Подлинности документов
Инженерно-технологическую	Оценочную
Пожарно-техническую	Товароведческую
Автотехническую	Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Платинум
группа компаний

📍 м. Электrozаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321

✉ oценка-m.com • info@oценка-m.com

☎ 8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Каса И.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В ЕВРОПЕ

Цель: Изучение истории становления и развития нормативно-правовой базы деятельности третейского суда в Европе.

Методология: Использовались сравнительно-правовой и исторический методы.

Результаты: В статье рассмотрена история развития нормативно-правовой базы института третейского суда. Установлено, что развитие нормативно-правовой базы института третейского суда в Европе тесно связано с формой правления государства и всегда зависело от интересов представителей власти. Это подтверждает эффективное функционирование третейского суда в республиканском Риме, неэффективность работы третейского суда в средневековой Европе и пр.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной ценностью, поскольку автор, анализируя историю развития нормативно-правовой базы третейского суда, обосновывает частный характер института третейского суда и неэффективность его деятельности в случаях ее ограничения государством. Также данная статья содержит ряд авторских выводов, имеющих значение для юридической науки.

Ключевые слова: третейские суды, государственные суды, третейское разбирательство.

Kasa I.

THE HISTORY OF LEGAL REGULATION DEVELOPMENT OF THE ACTIVITY OF THE ARBITRATION COURT IN EUROPE

Purpose: To study the history of the formation and development of the regulatory framework of the activities of the arbitration court in Europe.

Methodology: The comparative legal method and the historical method were used.

Results: The article discusses the history of the development of the regulatory framework of the institution of arbitration since ancient times. It was established that the development of the regulatory framework of the institution of arbitration in Europe is closely related to the form of the government and has always depended on the interests of representatives of the authorities. This confirms the effective functioning of the arbitration court in republican Rome, the inefficiency of the arbitration court in medieval Europe, etc.

Novelty/originality/value: The article has a scientific value, since it, analyzing the history of the development of the regulatory framework of the arbitration court, confirms the private nature of the institution of arbitration and the inefficiency of its activities in cases of its restriction by the state. Also, this article contains a number of author's conclusions that are important for legal science.

Keywords: arbitration courts, state courts, arbitration.

Вся история развития нормативно-правовой базы, регулирующей организацию и деятельность третейских судов, представляет собой движение к унификации норм права, которые регулируют данные правоотношения [22].

Третейский суд известен на протяжении многих веков, начиная с древнего мира. Например, в Вавилоне люди начали использовать такой метод разрешения споров с начала II тысячелетия до н. э., в Древней Греции – с эпохи Гомера. В Древнем Риме в Законах XII таблиц 451 г. до н. э. уже были указаны различия между государственным судьей и судьей, избираемым сторонами. В качестве одного из древнейших примеров использования третейского суда можно вспомнить известную библейскую легенду о суде царя Соломона.

С возникновением государства система разрешения споров и осуществления правосудия усложнилась. Это выразилось в формировании специальных, крайне различных по порядку создания, составу, структуре и формам деятельности

государственных органов, включая и те, которые весьма условно можно охарактеризовать как третейско-судебные [20].

В границах греческих городов-государств существовал межгосударственный и внутренний арбитраж [11]. Разные историки, например Плутарх [5], подтверждают, что очень часто города-государства разрешали споры между собой в третьем нейтральном городе. С другой стороны, Солон рассказывает, что Демосфен Афинский издал законы об арбитраже между гражданами [10], которые предусматривали возможность сторон выбрать арбитра, а также закрепили окончательный характер решения арбитра (его решение не подлежало обжалованию).

В республиканском Риме римляне могли обращаться к третейскому суду. К тому же римские юристы всегда отступали от строгости права, утверждая, что в случае, когда право противоречит справедливости, следует применять решение в соответствии с последней [18].

Историю возрождения института третейского суда в Европе можно связать с периодом распространения христианства. Как правило, третейскими судьями были представители христианских общин, в большинстве случаев епископы. Первое время решение епископов скорее носило характер *amicabilis compositio* (дружеское посредничество) при добровольном подчинении сторон, чем действительно являлось решением третейского суда. Такой порядок посредничества, как третейский суд епископов, рассматривался в двух указах Константина: от 318 (или 321 г.) и от 331 г. Решения епископов обладали целью объединить право и юридические основания с требованиями справедливости.

Данный период был расцветом третейского суда, решения которого основывались на нравственных заповедях христианства. При этом процедура третейского разбирательства соблюдалась не всегда строго.

Даже императоры через издаваемые ими акты признавали юридическую силу решений епископов, арбитров.

В императорском периоде такая политика императоров повлекла упадок престижа третейского суда, так как с течением времени начали обнаруживаться злоупотребления третейскими судьями полномочиями, и стороны разбирательства стали тоже недобросовестно относиться к третейскому суду.

Проблемным стал вопрос избрания третейских судей. Часто в третейские судьи избирали лиц, которые не заслуживали доверия людей и не знали законов. Стороны клялись третейскому судье, что будут исполнять его решение, но, будучи недовольными исходом спора, не придерживались своей клятвы.

Только *Corpus Iuris Civilis*, а более точно, восьмой титул четвертой книги Дигест, активно вмешался в решение вопроса о трансформации третейского суда в форму, близкую к нынешней. Если арбитражное соглашение сопровождалось клятвой, и это надлежащим образом было документально зафиксировано, то решение третейского суда имело обязательную силу: выигравшей дело стороне претор мог предоставить защиту (*actio praetorium*) только на основании факта (*actio in factum*). Полномочия арбитра и иные вопросы рассматривались арбитражным соглашением *com-promissum* (двойное согласие: первое – на заключение договора, второе – для принятия на себя обязанности нести ответственность за неисполнение). Через 10 лет Юстиниан отменил клятву при заключении компромисса

и ввел механизм *compromissum sub poena*, в соответствии с которым, если проигравшая сторона не будет добросовестно исполнять решение третейского суда, то она уплатит другой стороне крупный штраф [17].

Было установлено, что участники спора, избирая третейских судей, делали это *cum poenae stipulatione* (с условием договорной неустойки), однако в то же время стороне, недовольной решением, было дозволено прибегать к другим судьям для изменения предыдущего решения (при уплате установленного штрафа). Этим был изменен существенный пункт классического устройства института третейского суда. Таким образом, «институт третейского суда, основанный на свободных отношениях, по мере развития императорского режима и укрепления абсолютной власти императоров сначала искажается, а потом и почти исчезает вместе с республиканской свободой» [16].

В период феодализма кризис государственной власти и дух рабской зависимости повлияли на деятельность третейских судов [15]. Последние стали весьма редкими и почти невозможными [21]. Указания об осуществлении арбитража в этот период имеются в разных средневековых источниках. Например, Вестготская правда прямо предусматривает изучаемый нами институт [12], Бrevиарий Алариха предусматривает арбитраж Юстиниана в качестве обязательного для исполнения [3].

Третейские суды превратились в форму особой привилегии, которая была дарована частным лицам как возможность судить свободных людей, поселившихся на землях феодала. В этот период только король и представители высшей знати могли рассматривать свои дела в третейских судах путем компромисса. Но, как отмечает А.Ф. Волков, эти третейские суды относились к международной правовой области [16].

Со временем отдельные свободные люди начали предпринимать попытки смягчить их зависимость от феодалов путем создания союзов, которые добивались права на обращение в третейский суд для рассмотрения своих споров. Именно эти попытки являются первыми шагами в процессе демократизации арбитража того периода. И после таких попыток король и вассалы позволяли членам союзов обращаться в третейские суды для разрешения своих споров, сравнивая решения третейских судов с приговорами курий. Несмотря на это, право заключения компромисса о передаче спора на рассмотрение третейского суда носило характер привилегии.

В средние века при разрешении споров третейское разбирательство чаще всего применялось в приморских странах, где была развита торговля, например в Италии [7], Франции, а также и в других государствах, в частности, в Германии.

В апреле 1560 г. Франциском II был издан эдикт, который делал арбитраж обязательным для разрешения споров между купцами [1]. Коммерческие споры разрешались тремя и, при необходимости, более третейскими судьями. В случае, если спорящие стороны не могли прийти к соглашению относительно выбора третейских судей, местный королевский судья устанавливал им срок, а по окончании этого срока сам назначал третейских судей. Попытка Франциска II создать в XVI веке принудительный арбитраж успеха не имела. Такой вид арбитража появился слишком рано, так как он нарушал большое число привилегий влиятельных лиц. А в марте 1673 г. ордонансом Людовика XIV во Франции был учрежден принудительный третейский суд между торговцами. Согласно этому ордонансу любое торговое товарищество включало в свой устав запись об обращении в третейский суд. В другом случае судебный орган назначал третейских судей. При невозможности прийти к соглашению третейские судьи, независимо от желания сторон, избирали суперарбитра.

После Французской революции традиционно к арбитражу относились с недоверием, так как «в государстве, где применяется принцип верховенства закона, только государственный суд вправе решать вопросы права и правосудия» [13]. Только в конце XIX века такое отношение стало меняться. В 1899 г. Кассационный суд Франции решил, что решение, принятое во Франции, но использующее английское право, будет рассматриваться как «английское решение», и поэтому оно не подлежит апелляции во Франции [14]. В первой половине XX века многими судебными решениями было установлено, что французский закон не применяется в «иностранной» арбитражной оговорке, если она содержит элементы международной торговли [4].

В швейцарских кантонах и германских княжествах третейский суд начал активно развиваться только в XII веке. Римское и каноническое право оказывали особое влияние на развитие третейского суда. В германском средневековье на развитие института третейского суда повлияли три элемента: из римского права – стремление обеспечить преобладание писанного права; из канонического права – тенденция придать преимущественное значение принципу справедливости;

из древнего германского обычного права – требование разрешения споров при содействии родных.

В Швейцарии третейский суд, как институт для разрешения споров между гражданами и представителями власти, регулировался тремя уставами Фельдкирх – 1367 г., 1377 г. и 1381 г. [2].

Швейцария стала местом для разрешения споров, возникших между другими государствами. В первую очередь, это подтверждает дело «Алабамы», которое является первым формальным делом, рассмотренным третейским судом в дипломатической истории [19].

В соответствии с общей тенденцией к глобализации на определенном этапе была отмечена тяга к унификации существовавшего права, а также практики международного арбитража в мире [8]. Было принято множество международно-правовых актов, как, например, Женевский протокол 1923 г., Женевская конвенция о внешне-торговом арбитраже 1927 г., Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. и пр.

Одновременно с этим были приняты и первые современные национальные законы об арбитраже, такие как Декрет Французской республики 1981 г. и раздел XII Швейцарского закона о международном частном праве 1987 г. [9], который также влиял на развитие права международного арбитража. Примерно в то же время основные арбитражные учреждения приняли свои регламенты, которые также помогли гармонизации практики международных арбитражных (третейских) судов.

С 2011 г. в Швейцарии внутренний арбитраж регулируется статьями 353–399 (часть 3) ГПК Швейцарии, а международный арбитраж – главой 12 Федерального закона о международном частном праве 1987 года [6].

Подводя итоги, можно сказать, что третейский суд был создан как институт справедливости. Исторический анализ нормативно-правовой базы организации и деятельности третейского суда указывает на разнообразие правового регулирования данного института с древних времен по сегодняшний день. Развитие нормативно-правовой базы деятельности института третейского суда в Европе тесно связано с формой правления государства и всегда зависело от интересов представителей власти. Это подтверждает эффективное функционирование третейского суда в республиканском Риме, неэффективность работы третейского суда в средневековой Европе и пр.

Пристатейный библиографический список

References (transliterated)

1. Abulafia D. Italy in the Central Middle Ages 1000–1300. Oxford University Press, 2004. P. 39.
2. Blessing M. Introduction to Arbitration – Swiss and International Perspectives // Swiss Commercial Law Series / ed. by Nedim Peter Vogt. Vol. 10. 1999. P. 63.
3. Chillón Medina J.M., Merino Merchan J.F. Tratado de arbitraje privado nacional e internacional. Pub. da Editorial Civitas. Madrid, 1991. P. 47.
4. Cour de Cassation, 10 February 1930 and similarly of 27 January 1931.
5. Fiore P. Sul problema internazionale della societa juridica degli stati. Torino: Stamperia Reali, 1878. P. 87.
6. Fouchard Ph., Goldman B. Fouchard, Gaillard, Goldman on International Commercial Arbitration / ed. by E. Gaillard, J. Savage. Kluwer Law International. The Hague, 1999. P. 879.
7. Heywood W. A History of Pisa: Eleventh and Twelfth Centuries. Cambridge University Press, 1921. P. 265.
8. Kaufman-Kohler G., Rigozzi A. International Arbitration: Law and Practice in Switzerland. Oxford University Press, 2015. P. 2.
9. Klein F.E. La nouvelle réglementation française de l'arbitrage international et les lois suisses // Recueil de travaux suisses sur l'arbitrage International / C. Reymond and E. Bucher (eds). Zurich: Schulthess, 1984. P. 57–70.
10. Morrone M. Il diritto marittimo del regno d'Italia. Napoli, 1886. P. 150.
11. Piccirilli L., Magnetto A. Gli arbitrati interstatali greci, pubblicato da Marlin. Pisa, 1973. P. 15.
12. Saitta B. L'antisemitismo nella Spagna visigotica. Pub. da L'Erma di Bretschneider, 1995. P. 8.
13. The Internationalisation of International Arbitration: The LCIA Centenary Conference / Ed. by M. Hunter, A. Marriott, V.V. Veeder. London: Graham & Trotman/Martinus Nijhoff, 1995. P. 37.
14. Weigang F.B. Practitioner's Handbook on International Commercial Arbitration. Second Edition. Oxford University Press, 2010. P. 13.
15. Zappala F. Memoria storica dell'arbitrato. Sevilla, 1995. P. 11.
16. Волков А.Ф. Торговые третейские суды // Третейский суд. 2000. № 2. С. 60.
17. Карабельников Б.Р. Международный коммерческий арбитраж: учебник. 2-е изд. М., 2013. С. 19.
18. Каса И. Правовое регулирование деятельности третейского суда в Российской Федерации и в Швейцарской Конфедерации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 34.
19. Каса И. Арбитраж (третейский суд): история создания и правовая природа // Вестник РУДН. Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 269–288.
20. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России; прошлое, настоящее, будущее. М., 2006. С. 14.
21. Никифоров В.А. Международный коммерческий арбитраж в системе третейских судов: История и современное состояние: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 19.
22. Ситкарева Е.В. Международный коммерческий арбитраж: Оспаривание решений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 17.
1. Abulafia D. Italy in the Central Middle Ages 1000–1300. Oxford University Press, 2004. P. 39.
2. Blessing M. Introduction to Arbitration – Swiss and International Perspectives // Swiss Commercial Law Series / ed. by Nedim Peter Vogt. Vol. 10. 1999. P. 63.
3. Chillón Medina J.M., Merino Merchan J.F. Tratado de arbitraje privado nacional e internacional. Pub. da Editorial Civitas. Madrid, 1991. P. 47.
4. Cour de Cassation, 10 February 1930 and similarly of 27 January 1931.
5. Fiore P. Sul problema internazionale della societa juridica degli stati. Torino: Stamperia Reali, 1878. P. 87.
6. Fouchard Ph., Goldman B. Fouchard, Gaillard, Goldman on International Commercial Arbitration / ed. by E. Gaillard, J. Savage. Kluwer Law International. The Hague, 1999. P. 879.
7. Heywood W. A History of Pisa: Eleventh and Twelfth Centuries. Cambridge University Press, 1921. P. 265.
8. Kaufman-Kohler G., Rigozzi A. International Arbitration: Law and Practice in Switzerland. Oxford University Press, 2015. P. 2.
9. Klein F.E. La nouvelle réglementation française de l'arbitrage international et les lois suisses // Recueil de travaux suisses sur l'arbitrage International / C. Reymond and E. Bucher (eds). Zurich: Schulthess, 1984. P. 57–70.
10. Morrone M. Il diritto marittimo del regno d'Italia. Napoli, 1886. P. 150.
11. Piccirilli L., Magnetto A. Gli arbitrati interstatali greci, pubblicato da Marlin. Pisa, 1973. P. 15.
12. Saitta B. L'antisemitismo nella Spagna visigotica. Pub. da L'Erma di Bretschneider, 1995. P. 8.
13. The Internationalisation of International Arbitration: The LCIA Centenary Conference / Ed. by M. Hunter, A. Marriott, V.V. Veeder. London: Graham & Trotman/Martinus Nijhoff, 1995. P. 37.
14. Weigang F.B. Practitioner's Handbook on International Commercial Arbitration. Second Edition. Oxford University Press, 2010. P. 13.
15. Zappala F. Memoria storica dell'arbitrato. Sevilla, 1995. P. 11.
16. Volkov A.F. Torgovy'e tretejskie sudy` // Tretejskij sud. 2000. № 2. S. 60.
17. Karabel'nikov B.R. Mezhdunarodny`j kommercheskij arbitrazh: uchebnik. 2-e izd. M., 2013. S. 19.
18. Kasa I. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti tretejskogo suda v Rossijskoj Federacii i v Shvejczarskoj Konfederacii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2019. S. 34.
19. Kasa I. Arbitrazh (tretejskij sud): istoriya sozdaniya i pravovaya priroda // Vestnik RUDN. Yuridicheskie nauki. 2018. T. 22. № 2. S. 269–288.
20. Kleandrov M.I. E'konomicheskoe pravosudie v Rossii; proshloe, nastoyashhee, budushhee. M., 2006. S. 14.
21. Nikiforov V.A. Mezhdunarodny`j kommercheskij arbitrazh v sisteme tretejskix sudov: Istoriya i sovremennoe sostoyanie: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2002. S. 19.
22. Sitkareva E.V. Mezhdunarodny`j kommercheskij arbitrazh: Osparivanie reshenij: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. S. 17.

Урядов Ю.Ю.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Цель: Исследование вопросов исторической важности возникновения межгосударственных отношений в правоохранительной сфере.

Методология: Использовались системный и нормативно-правовой методы исследования.

Результаты: Выявлена социально-правовая закономерность возникновения необходимости в урегулировании расхождений в законодательстве различных государств по вопросам уголовного и уголовно-процессуального права, направленного на борьбу с преступностью всех видов противоправных посягательств.

Новизна/оригинальность/ценность: В статье рассматривается историческая важность возникновения межгосударственных отношений в правоохранительной сфере, образовавшихся на основе взаимовыгодных условий сосуществования различных национальных традиций, языковых и религиозных разногласий. Исследуется необходимость осуществления совместных мероприятий, направленных на раскрытие преступлений, имеющих транснациональный характер, связанных с противодействием преступным посягательствам (от общеуголовных преступлений до преступлений, связанных с нарушением прав и свобод народов различных государств, демократических основ, преступлений, связанных с торговлей наркотиками, оружием и людьми, а также с осуществлением террористической и экстремистской деятельности); выявление сокрытых от органов расследования денежных средств, предметов и ценностей, полученных преступным путем. Это, в свою очередь, стало основанием заключения международных соглашений между странами – участницами подобных договорных отношений. Раскрываются проблемы осуществления оперативно-розыскных мероприятий на территории других государств. Подробно описываются формы международного правоохранительного сотрудничества, практика их применения.

Актуальность и ценность исследуемых в статье вопросов обусловлена важностью урегулирования нормативно-правовых коллизий, затрудняющих осуществление компетентными правоохранительными органами различных государств функций в сфере оперативно-розыскной деятельности, направленной на раскрытие преступлений транснационального характера.

Статья содержит информацию об авторском анализе сложившихся международных отношений, новизна и актуальность которого представляет научно-практическое значение для дальнейшего совершенствования международного права.

Ключевые слова: международное право, межгосударственное сотрудничество, соглашения, транснациональная преступность, оперативно-розыскная деятельность.

Uryadov Yu.Yu.

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF INTER-STATE RELATIONS IN THE LAW ENFORCEMENT

Purpose: To study of issues of historical importance of the emergence of interstate relations in the law enforcement sphere.

Methodology: Systemic and regulatory research methods were used.

Results: The socio-legal pattern of the need for resolving issues of differences in the laws of various states on criminal and criminal procedure law aimed at combating crime of all types of unlawful attacks was revealed.

Novelty/originality/value: The article considers the issues of historical importance of the emergence of interstate relations in the law enforcement sphere, formed on the basis of mutually beneficial conditions for the coexistence of national traditions, linguistic and religious differences, which in some cases are different. The issues of the need for joint measures aimed at the disclosure of crimes of transnational nature related to combating criminal attacks (from ordinary crimes to crimes related to the violation of the rights and freedoms of peoples of different states, violation of democratic principles, crimes related to the sale of drugs, weapons and people, as well as related to the implementation of terrorist and extremist activities), the identification of money, items and valuables obtained from the criminal means hidden from the investigating authorities, which in turn became the basis for concluding international agreements between countries - participants in these contractual relationships. Issues of the implementation of operational-search measures on the territory of other states, and the emergence of problematic issues are disclosed. The forms of international law enforcement cooperation, the practice of their application are described in detail.

The relevance and value of the issues investigated in the article is due to the importance of resolving regulatory conflicts that make it difficult for the competent law enforcement authorities of various states to carry out functions in the field of operational-search activities aimed at solving transnational crimes.

The article contains information about the author's analysis of established international relations, the novelty and relevance of which are of scientific and practical importance for the further improvement of international law.

Keywords: international law, interstate cooperation, agreements, transnational crime, operational-search activity.

Понимание необходимости построения взаимоотношений между государствами как субъектами международного права на основе доверительного партнерства и их содействия друг другу при разрешении проблем, в том числе таких наболевших, как нестыковка и различие наций, национальностей и народностей по своей структуре и национальным традициям, является исторически важным. Еще с древних времен такое, в ряде случаев взаимовыгодное, сотрудничество, основанное на разрешении вопросов торговли и военных действий, являлось единственным способом урегулирования конфликтных ситуаций, связанных с завоеванием новых территорий и, как следствие, обогащением отдельных государств, экономическим их развитием и улучшением благосостояния в целом.

В связи с этим еще в древности начали формироваться основные черты всеобщего международного права. Они обусловлены территориальным военным порабощением одними, более могущественными, государствами (империями – Рим, Египет, Вавилон, Греция, государства индокитайского полуострова и т. д.) других государств, менее значимых на политической арене, а также неоднократным переделом сфер влияния, непостоянством, а в ряде случаев – эпизодичностью отношений между государствами, связанных с удовлетворением текущих потребностей в торговых связях, которые, в свою очередь, также характеризовались непостоянством и непродолжительностью в масштабе прошедших тысячелетий [9].

Важнейшей движущей силой внешнеполитического развития древних государств были военные действия, в результате которых начала формироваться общая примитивная, но все же структура, характерная для международных отношений.

Стали формироваться первые институты международного права, в том числе и в виде «Греческой дипломатии», согласно которой послу (посланцу-«проксену») передавались две покрытые тонким слоем воска дощечки с нанесенными на них текстами. При этом определялась позиция неприкосновенности этих послов (*proxenia*, от «pro» – в защиту и «xenos» – чужеземец) [11]. Таким образом, устанавливались первичные признаки посольских отношений, а стало быть, зарождалось первое дипломатическое право.

В результате возникло подобие международного договорного права, которое включало в себя различные формы и способы заключения договоров (соглашений), а именно: совместные союзные, военно-оборонительные, торгово-обменные,

о взаимной помощи и о сотрудничестве, о перемирии и о капитуляции, а также о выдаче преступников с сопряженных государственных территорий.

Постепенно возникла необходимость в регулировании соответствующих международных (межгосударственных) взаимоотношений, направленных на совместное противодействие всякого рода преступным посягательствам на интересы страны. Уровень такой преступности, как правило, определялся внешними факторами, так как наиболее опасные преступления, в ряде случаев, совершались (и совершаются в настоящее время) на территориях двух и более государств, а незаконно нажитое преступным путем имущество, как правило, скрывалось (и скрывается в настоящее время) за пределами территории государства, на котором преступление совершено.

Таким образом, эволюционное развитие международных отношений постепенно привело к разрешению правовых (юридических) споров между законодательными коллизиями различных государств в сфере уголовного и уголовно-процессуального права, направленного на борьбу со всеми видами противоправных посягательств (от общеуголовных транснациональных преступлений до преступлений, связанных с нарушением прав и свобод народов различных государств, нарушением демократических основ, с торговлей наркотиками, оружием и людьми, а также с осуществлением террористической и экстремистской деятельности), выявление сокрытых от органов расследования денежных средств, предметов и ценностей, полученных преступным путем, что, в свою очередь, стало основанием заключения международных соглашений между странами – участницами этих договорных отношений.

Первоначально в таких процессах международных урегулирований и согласований совместной правоохранительной деятельности участвовали только «наиболее сильные» государства (среди которых была и Российская империя) [2]. Такое объединение государств было вынужденной мерой реагирования на преступления, связанные с пиратством и работоторговлей, которые совершались за пределами территориальных юрисдикций стран-участниц (Венский конгресс 1815 года, Ахенский конгресс 1818 года и Лондонский договор 1841 года).

Но на первичных этапах межгосударственных договоренностей страны-участницы лишь определили указанные противоправные действия как преступления, и уже позднее, на рубеже XIX–XX веков, понимание важности совместной

деятельности достигло соответствующего уровня развития уже по различным направлениям преступных посягательств.

В настоящее время можно выделить несколько форм международного сотрудничества (взаимодействия), направленных на осуществление борьбы с преступностью, таких как подписание и реализация международных соглашений и договоров по борьбе с преступностью; оказание помощи друг другу по делам уголовного, гражданского и семейного права; исполнение решений государств – участников (сторон) соглашений в рамках уголовно-процессуальных производств, связанных с уголовным расследованием, преследованием преступников, исполнением решений судебных инстанций и наказаний по принятым решениям; проведение совместных экспертно-криминалистических и научных исследований в области противодействия преступности; а также осуществление обмена прогрессивным передовым опытом по указанному направлению правоохранительной работы и обоюдных (всесторонних) консультаций.

В связи с тем, что преступность как негативное явление в целом не существует сама по себе, а является индикатором здоровья всей системы международных контактов (и в ряде случаев каждого государства в отдельности), зачастую возникают различные затруднения в урегулировании общих сложных стратегических вопросов по противодействию этому явлению. Разрешение таких общих вопросов осуществляет Организация Объединенных Наций (ООН), на сессиях Генеральной Ассамблеи которой неоднократно указывалось на рост транснациональной преступности, что влечет за собой угрозу внутренней безопасности каждого отдельного государства, входящего в состав данной организации.

При этом еще в 1945 году Уставом ООН (в преамбуле которого сказано о решимости создания условий, «при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права») определены функции данной международной организации как мирового организатора борьбы с преступностью. ООН в своей деятельности руководствуется Международным пактом о гражданских и политических правах, а также Всеобщей декларацией прав человека, являющимися основными важными компонентами сформировавшихся принципов и стандартов в сформированных международных нормах, в том числе и по защите лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также

лиц, лишенных свободы или в отношении которых приняты процессуальные решения об ограничении их права на свободное перемещение [8].

За время существования Генеральная Ассамблея ООН задекларировала ряд документов, направленных на всеобщую организацию борьбы с мировой преступностью.

Так, в декабре 1991 года Генеральной Ассамблеей ООН принята Программа по предупреждению преступности и уголовного правосудия, основной задачей которой является оказание помощи мировому сообществу в деле предупреждения криминальных проявлений и правосудия, а также объединение усилий государств – членов ООН в предупреждении транснациональной преступности [7].

В связи с этим для актуализации проблематики борьбы с преступностью в 1992 году создана Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, в которую входит сорок государств – членов ООН (в соответствии с резолюцией от 6 февраля 1992 г. № 1992/1) [5]. Основными направлениями деятельности данной Комиссии являются разработка проектов принципов предупреждения преступности и мирового уголовного правосудия, а также планирование предстоящих мероприятий ООН по борьбе с преступностью.

В 1996 году данной Комиссией подготовлен к рассмотрению проект Декларации о преступности и общественной безопасности (утвержденный Генеральной Ассамблеей ООН), в котором указано, что все государства, входящие в состав ООН, обязуются сотрудничать в целях предупреждения «опасной транснациональной, в том числе организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и оружия, контрабанды других незаконных товаров, организованной торговли людьми, террористических преступлений, коррупции и отмывания преступных доходов».

В сложной системе координирующих органов ООН Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию является не единственной структурой, деятельность которой направлена на борьбу с преступностью.

Так, научными исследованиями, изучением квалификационных кадровых вопросов различных национальных органов правоохранительной системы государств – членов ООН (и иных стран), а также проблемами информационного обеспечения сведениями о состоянии преступности в мировых масштабах, обмене информацией, а также мерах борьбы с такой преступностью, занимается ряд других научных, научно-исследо-

вательских и аналитических организаций ООН. К их числу относятся: Межрегиональный научно-исследовательский институт ООН по вопросам преступности и правосудия (Рим), Азиатский и Дальневосточный институт ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Токио), Африканский институт ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Арабский исследовательский и учебный центр по вопросам безопасности (Эль-Рияд), Хельсинский институт по предупреждению преступности и борьбе с ней, Австралийский институт криминологии (Канберра), Канадский Международный центр по реформам уголовного законодательства и политике по уголовному правосудию (Ванкувер), Центр по международному предупреждению преступности (Венский центр) и др. [1].

Таким образом, обширные организационные возможности ООН позволяют оперативно и качественно реагировать на возникающие в мире осложнения и повышение уровня преступности, получать количественные и качественные ее показатели, своевременно разрабатывать эффективные средства противодействия криминогенной ситуации в отдельных регионах (государствах), а также новым видам преступлений в мире в целом.

Однако ООН как структура и административный инструмент в борьбе с преступностью исследует вопросы разрешения, как правило, глобальных задач стратегического характера.

При этом еще в 1923 году в качестве средства борьбы с преступностью (а именно для разрешения конкретных задач противодействия транснациональным преступлениям) с целью обеспечения разностороннего взаимодействия всех правоохранительных органов (криминальной полиции) в рамках действующего законодательства создана Международная организация уголовной полиции – Интерпол, которая категорически исключает возможность вмешательства во внутренние дела государств – членов Интерпола, а также любую деятельность военного, политического, религиозного или расового характера.

В настоящее время Интерпол как международная межправительственная организация в качестве равноправных членом объединяет 192 государства (Россия в качестве правопреемника Союза Советских Социалистических Республик принята в Интерпол 27 сентября 1990 г.). В структуре их национальных правоохранительных органов созданы Национальные центральные бюро (НЦБ), являющиеся органами по взаимодействию национальных правоохранительных органов с НЦБ

Интерпола других стран и Генеральным секретариатом Интерпола [7], фактически осуществляющим текущую его работу [4].

После распада СССР в 1991 году с целью урегулирования отношений сотрудничества между государствами – бывшими республиками, входившими в его состав, была образована международная организация Содружество Независимых Государств (СНГ), которая не является надгосударственным образованием, а функционирует на добровольной основе [6].

При этом одной из основных целей образования СНГ, наряду с всесторонним развитием государств-участников в рамках общего экономического пространства, межгосударственной их кооперацией и интеграцией, сотрудничеством их в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях, является обеспечение прав и свобод человека, сотрудничество в обеспечении международного мира и безопасности, достижение всеобщего и полного разоружения, а также взаимная их правовая помощь.

Таким образом, в числе важных и приоритетных сфер совместной деятельности государств – участников СНГ можно выделить обеспечение прав и основных свобод человека, вопросы социальной и миграционной политики, сотрудничество в области оборонной политики и охраны внутренних и внешних границ, а также борьбу с организованной преступностью [3].

Однако, несмотря на разносторонность направлений правоохранительной деятельности образовавшихся международных организаций и равенство прав каждого из участников (в том числе и стран постсоветского пространства), действующих в рамках подписанных договоров, конвенций и разного рода соглашений, которыми регламентировано полное или частичное их взаимодействие, остаются проблемными вопросы урегулирования организационно-правовых механизмов осуществления оперативно-розыскной деятельности на территории других государств и координации этой деятельности. Это является основным фактором, оказывающим негативное воздействие на результативность деятельности правоохранительных органов в данной сфере, так как законодательство Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности ограничивает территориальность проведения мероприятия оперативного характера исключительно по своей территориальной юрисдикции, исключая при этом реализацию своих оперативных возможностей на территории других государств.

Как следствие, эти обстоятельства не дают возможности исполнения полного комплекса мероприятий, направленных на получение доказательств по уголовным делам, преступления по которым имеют признаки транснациональности и результаты которых послужили бы основанием их использования в качестве доказательств.

Так, в настоящее время основной формой международного сотрудничества является направление и исполнение соответствующих запросов о правовой помощи, оформленных в соответствии с требованиями международных договоров в порядке, определенном ст. 453 и 454 УПК РФ (о необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, а именно процессуальных следственных действий).

При этом практически не используются рычаги оперативно-служебной деятельности полиции (или органов досудебного расследования, как в ряде европейских государств – выходцев из состава Советского Союза) по привлечению агентурного аппарата, полезного в оперативном отношении для раскрытия транснациональных преступлений.

Не привлекаются и не используются квалифицированные в оперативном отношении специалисты, кадровый аппарат, а также специальные технические средства.

Взаимодействие на межгосударственном уровне при обеспечении проведения оперативно-розыскных мероприятий регламентировано некоторыми вышеуказанными совместными договорными актами. Оперативные подразделения правоохранительных ведомств Российской Федерации, информируя руководство правоохранительных органов принимающих государств, обязаны предоставить информацию о цели и сроках, а также о перечне проводимых (запланированных) оперативно-розыскных мероприятий, определив при этом степень участия в этих мероприятиях оперативных подразделений принимающего государства (степень взаимодействия).

Непосредственное проведение оперативно-розыскных мероприятий на территории другого государства в рамках международных соглашений предусмотрено только в рамках действующего законодательства этого принимающего государства. В ряде случаев из-за длительности согласований таких мероприятий, расхождений в криминализирующих понятиях стран-участниц по отдельным преступлениям, а также по причине возможных идеологических или политиче-

ских расхождений во взглядах на обстоятельства совершенных преступных посягательств (что усложняет наступательный характер применения оперативно-розыскных мероприятий) затрудняется последующее использование полученных результатов оперативно-розыскных мероприятий в судебных инстанциях.

Таким образом, вопросы организации международного (межгосударственного) сотрудничества в правоохранительной сфере и, в частности, в оперативно-розыскной деятельности требуют дальнейшего урегулирования и, как следствие, дальнейшего совершенствования правового регулирования и практического применения.

Пристатейный библиографический список

1. Деятельность институтов, входящих в сеть Программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Доклад Генерального секретаря на Четырнадцатой сессии Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию, Вена, 23–27 мая 2005 года.
2. Иващук В.К. К вопросу об истории формирования международных стандартов борьбы с преступностью // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3. С. 184.
3. Иващук В.К. Международное сотрудничество органов внутренних дел в борьбе с преступностью: учебник. М.: Академия управления МВД России, 2015. С. 254.
4. Интерпол: штаб-квартира, государства-члены, функции // Сайт FB [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/401347/interpol-shtab-kvartira-gosudarstva-chleny-funktsii>.
5. Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // ConsulMir. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://konsulmir.com/komissiya-oon-po-preduprezhdeniyu-prestupnosti-ugolovnomu-pravosudiyu>.
6. Содружество Независимых Государств // Энциклопедия России. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=352/>.
7. Тамаев Р.С. Проблемы предупреждения преступлений в сфере международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью // Уголовное право. Автономная некоммерческая организация «Юридические программы». 2006. № 2. С. 107–114.
8. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945).
9. Ушаков Н.А. Международное право: учебник. М.: Юрист, 2000. С. 304.
10. Чернова О.А., Степенко В.Е. К вопросу о реализации международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / ООО «Научный мир». Одесса, 2009. Т. 12. № 3. С. 41–48.
11. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

References (transliterated)

1. Deyatel'nost' institutov, vxodyashhix v set' Programmy` Organizacii Ob``edinenny`x Nacij v oblasti preduprezhdeniya prestupnosti i ugovolnogo pravosudiya. Doklad General'nogo sekretarya na Chety`madczatoj sessii Komissii po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugovolnomu pravosudiyu, Vena, 23–27 maya 2005 goda.

2. Ivashhuk V.K. K voprosu ob istorii formirovaniya mezhdunarodny`x standartov bor`by` s prestupnost`yu // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 3. С. 184.

3. Ivashhuk V.K. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo organov vnutrennix del v bor`be s prestupnost`yu: uchebnik. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015. С. 254.

4. Interpol: shtab-kvartira, gosudarstva-chleny`, funkcii // Sajt FB [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://fb.ru/article/401347/interpol-shtab-kvartira-gosudarstva-chlenyi-funktsii>.

5. Komissiya OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugovolnomu pravosudiyu // ConsulMir. 2016 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://konsulmir.com/komis->

siya-oon-po-preduprezhdeniyu-prestupnosti-i-ugolovnomu-pravosudiyu.

6. Sodruzhestvo Nezavisimy`x Gosudarstv // E`nciklopediya Rossii. 2010 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=352/>.

7. Tamaev R.S. Problemy` preduprezhdeniya prestuplenij v sfere mezhdunarodnogo sotrudnichestva gosudarstv v bor`be s prestupnost`yu // Ugolovnoe pravo. Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya «Yuridicheskie programmy`». 2006. № 2. С. 107–114.

8. Ustav Organizacii Ob``edinenny`x Nacij (Prinyat v g. San-Francisko 26.06.1945).

9. Ushakov N.A. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik. M.: Yurist, 2000. С. 304.

10. Chernova O.A., Stepenko V.E. K voprosu o realizacii mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor`be s prestupnost`yu // Sbornik nauchny`x trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / OOO «Nauchny`j mir». Odessa, 2009. Т. 12. № 3. С. 41–48.

11. E`nciklopedicheskij slovar` F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. SPb.: Brokgauz-Efron, 1890–1907.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- ✓ Законопроекты
- ✓ Принятые законы
- ✓ Судебная практика
- ✓ Пресс-релизы
- ✓ Юридические статьи
- ✓ Юридические вузы
- ✓ Юридическая школа в лицах
- ✓ Новости
- ✓ Наши партнеры
- ✓ Институт законодательства
- ✓ Бесплатная юридическая консультация

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Сарычев Д.В.

АДВОКАТУРА В РЕСПУБЛИКЕ ХОРВАТИЯ

Цель: Рассмотреть правовой статус адвокатуры в Республике Хорватия.

Методология: В ходе исследования автор использовал формально-юридический, хронологический методы, метод сравнительного правоведения.

Результаты: Исследовано законодательство, на основании которого функционирует хорватская адвокатура. Рассматривается, кто и как может стать адвокатом в Хорватии. Описывается процесс становления адвокатуры в современной Хорватии.

Новизна/оригинальность/ценность: Впервые в отечественной науке изучена история возникновения хорватской адвокатуры. Выявлены тенденции развития современной адвокатуры в Хорватии. Сформулированы выводы о возможности участия в хорватских судах адвокатов из иностранных государств.

Ключевые слова: ЕС, Республика Хорватия, Конституция, адвокатура Хорватии, Закон об адвокатуре Хорватии.

Sarychev D.V.

LEGAL PROFESSION OF THE REPUBLIC OF CROATIA

Purpose: Review the legal status of the bar in the Republic of Croatia.

Methodology: In the course of the study, the author used the formal legal method of comparative law, a chronological method.

Results: The legislation on the basis of which the Croatian bar works is investigated. It considers who and how can become a lawyer in Croatia. The process of the formation of the legal profession in modern Croatia is described.

Novelty/originality/value: For the first time in domestic science, the history of the emergence of Croatian advocacy has been studied. Trends in the development of modern advocacy in Croatia are identified. Conclusions are formulated about the possibility of participation in Croatian courts of lawyers from foreign countries.

Keywords: The EU, the Republic of Croatia, the Constitution, Croatian bar, The act on the bar of Croatia.

Профессия адвоката в Хорватии имеет давние традиции, зародившиеся много веков назад. Первым историческим документом, в котором упоминаются адвокаты (хорв. odvjetnici), является Кодекс Винодела (Vinodolski zakon) 1288 года. В прибрежном регионе Далмация корни юридической профессии уходят еще глубже и простираются до времен Римской империи [1].

Первые письменные положения о полномочиях и обязанностях адвокатов были приняты в 1769 и 1804 годах. В 1852 году начал функционировать так называемый Орден адвокатов (Odvjetnicki red) [2], учрежденный австро-венгерским правительством. Обязательными предварительными условиями для назначения адвокатом были докторская степень по праву, успешно сданный экзамен и три года юридической практики. Число адвокатов было ограничено. Адвокаты были аккредитованы в Высшем суде. Были сформированы две палаты адвокатов для восточной и западной частей Хорватии. Они также находились под государственным контролем.

С другой стороны, в Далмации, которая находилась под прямым австрийским правлением, в 1868 году было принято отдельное распоряжение об адвокатах (нем. Advokatenordnung), которое впервые предоставило возможность стать адво-

катом кандидатам, отвечающим необходимым требованиям, без права правительства отклонять заявление. В современной Хорватии это событие считается выделением юридической профессии в качестве самостоятельной.

В 1929 году в Королевстве Югославия Законом об адвокатах (Zakon o advokatura) было признано, что адвокатура является самостоятельной и профессиональной [3]. Согласно этому королевскому закону было создано восемь автономных палат адвокатов, одной из которых была Хорватская адвокатская палата. С тех пор каждый человек, который мог доказать, что он выполнил обязательные предварительные условия, имел право быть включенным в Реестр адвокатов (его вела соответствующая коллегия адвокатов) без дальнейшего подтверждения со стороны государственных органов. Эти условия были, в принципе, такими же, что и сегодня: юридическое образование, юридическая практика и прохождения проверки в соответствующем апелляционном суде.

Хотя юристы находились под давлением со стороны режима во времена Югославии, коммунистические законы практически не повлияли на эту систему. Иногда предпринимались попытки подчинить адвокатов и адвокатские коллегии го-

сударственному контролю, но они оказались безуспешными.

Однако в некоторых случаях имело место индивидуальное преследование адвокатов по политическим мотивам. В этом отношении хорватские и другие адвокаты Югославии оказались в уникальной ситуации во всей Восточной Европе, где действующие на тот момент законы смогли в гораздо большей степени уничтожить независимость адвокатуры [4].

В настоящий момент Хорватская адвокатская палата является профессиональной независимой ассоциацией адвокатов, которые осуществляют юридическое сопровождение и получают за это вознаграждение. Все адвокаты, действующие на территории Хорватии, должны быть членами этой адвокатской ассоциации [5].

По данным на апрель 2019 г., в Хорватии насчитывается около 6000 адвокатов и стажеров [6]. Местные адвокатские ассоциации существуют в следующих городах (каждая палата для соответствующего окружного суда): Загреб, Сплит, Пула, Риека, Осиек, Бьеловар, Вараждин, Пожега, Сисак, Карловац, Дубровник, Шибеник и Задар. Указанные палаты решают проблемы адвокатов на местном уровне [7]. Через своих представителей членами адвокатской палаты Хорватии также являются представители местных палат. Все они имеют свои уставы, однако местные палаты не имеют статуса юридического лица.

Статья 27 Конституции Республики Хорватия [8] говорит о том, что адвокат является независимым и имеет право на оказание возмездной и безвозмездной юридической помощи каждому на территории страны.

18 февраля 1994 года хорватский парламент (Сабор) принял новый Закон об адвокатуре [9]. Согласно этому закону Хорватская адвокатская палата является главным органом адвокатского сообщества Хорватии. Адвокатская палата уполномочена осуществлять мониторинг и изучение отношений и событий, представляющих интерес для защиты прав и свобод граждан и юридических лиц, а также для содействия развитию адвокатской профессии. Палата занимается ведением Реестра адвокатов (*odvjetnici*) и Реестра стажеров адвоката (*odvjetnicki vjezbenici*). Палата несет ответственность за проведение разбирательств в отношении регистрации и нахождения в этих реестрах, а также вопросов исключения из них (ст. 43 Закона).

В соответствии со ст. 46 Закона каждый адвокат становится уполномоченным представлять интересы клиентов после принятия присяги пе-

ред президентом Палаты или уполномоченным им лицом и внесения сведений о нем в реестр.

Палата проводит дисциплинарные разбирательства, контролирует работу адвокатов и стремится к повышению профессиональных стандартов для адвокатов и стажеров. Основная задача палаты состоит в том, чтобы продвигать адвокатскую профессию как независимую и автономную службу, отстаивать права и интересы адвокатов и их стажеров.

Согласно ст. 5 Устава Палаты [10] в ее состав входят следующие органы: Ассамблея, Конференция, Совет Директоров, Исполнительный комитет, Президент палаты, Комитет по мониторингу, Дисциплинарный трибунал, Высший Дисциплинарный Трибунал, Дисциплинарный совет, комитеты.

Срок полномочий указанных органов составляет три года. Основными документами, на основании которых функционирует Палата, являются Закон об адвокатуре, ее Устав и Этический кодекс адвоката [11]. Устав палаты принимается ее Ассамблеей. Само голосование является тайным.

Из-за различных сфер деятельности Палата нуждается в ряде профессиональных комитетов, рабочих групп и комиссий. Некоторые из них являются постоянными, а другие создаются по мере необходимости. Из членов этих комитетов избираются члены Правления.

Палата информирует государственные органы о ситуации в области регулирования профессии адвоката, защиты прав и свобод человека и гражданина. Палатой принимается решение о сотрудничестве с национальными ассоциациями адвокатов других стран и другими профессиональными организациями и учреждениями.

В соответствии со ст. 21 Закона об адвокатуре и разделом 3 Кодекса этики Палаты адвокатов возможно предоставление бесплатной юридической помощи социально незащищенным лицам и жертвам Отечественной войны в правовых вопросах, в которых эти лица осуществляют свои права, связанные с их положением. Бесплатная юридическая помощь предоставляется по назначению.

Согласно ст. 48 Закона об адвокатуре, чтобы быть внесенным в реестр адвокатов и осуществлять адвокатскую практику на территории Хорватии, необходимо: а) быть гражданином Хорватии, гражданином государства – члена ЕС или другого государства – участника Соглашения о Европейском экономическом пространстве; б) иметь диплом о высшем юридическом образовании, полученный на территории Хорватии;

в) сдать экзамен на право заниматься адвокатской деятельностью и т. д.

После вступления Хорватии в 2013 году в ЕС [12] появилась возможность и для иностранных адвокатов – граждан ЕС или другого государства – участника Соглашения о Европейском экономическом пространстве [13] осуществлять свою практическую деятельность на территории Хорватии [14].

В рамках гармонизации законодательства Хорватии с правом ЕС были приняты две важнейшие директивы: Директива Совета Европейских Сообществ 77/249/ЕЭС от 22 марта 1977 г. [15] о содействии эффективному осуществлению свободного предоставления услуг адвокатами, Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 98/5/ЕС от 16 февраля 1998 г. [16] об упрощении порядка осуществления на постоянной основе адвокатской профессии в ином государстве-члене, нежели то, где была приобретена квалификация. Они значительно облегчили процедуру признания адвокатом в Хорватии для граждан ЕС и привели к изменениям в национальном законодательстве, которые упростили эту процедуру.

В соответствии со ст. 36а и 36б Закона об адвокатуре адвокат из государства – члена ЕС должен быть внесен в реестр иностранных юристов, которые на территории Хорватии могут осуществлять адвокатскую деятельность со всеми правами и обязанностями для адвоката. Условием для этого являлись: а) выполнение всех требований, указанных в ст. 3, 8, 10–13 Закона об адвокатуре; б) успешная сдача экзамена на знание национального права Хорватии.

Согласно ст. 36с после успешного выполнения этих требований данный адвокат может осуществлять консультации по вопросам законодательства страны его происхождения, права ЕС, международного права и законодательства Хорватии и осуществлять представительство в судах. Однако согласно этой же статье данное лицо не вправе быть избранным в органы Хорватской адвокатской палаты и не вправе обучать адвоката-стажера.

В данный момент Хорватская адвокатская палата является членом Международной Ассоциации адвокатов. Ее президентом является Йосип Шурьяк [17]. Адвокатура в Хорватии проделала огромный путь и смогла сохранить свою самостоятельность [18]. Ее опыт по гармонизации и взаимодействию с правом ЕС может быть использован странами – кандидатами в члены ЕС для более успешной интеграции в ЕС.

Пристатейный библиографический список

1. Hrvatska odvjetnička komora [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/povijest-odvjetni%C5%A1tva-u-hrvatskoj>.
2. Margetić. Lujo. Srednjovjekovni zakoni i opći akti na Kvarneru. Zagreb, Rijeka, 2012. S. 28–30.
3. Engelsfeld Neda. O zakonu o odvjetništvu iz 1929. Vladavina prava. Godina III. Broj 1. Zagreb, 1999. S. 26.
4. Jonaitis. Marius. Žaleniene. Inga. The concept of bar and fundamental principles of an advocates activity in Roman law [Электронный ресурс]. URL: https://www.mruni.eu/upload/iblock/6db/jonaitis_zaleniene.pdf.
5. Hrvatska odvjetnička komora. Povijest odvjetništva u Hrvatskoj [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/povijest-odvjetni%C5%A1tva-u-hrvatskoj>.
6. Hrvatska odvjetnička komora. Odvjetnici [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/odvjetnici>.
7. Vlahović Mirna. O reklamiranju odvjetnika [Электронный ресурс]. URL: <http://legaltie.com/blog/index.php/o-reklamiranju-odvjetnika>.
8. Ustav Republike Hrvatske. Narodne novine. br. 56/90., 135/97., 8/98., 113/00., 124/00., 28/01., 41/01., 55/01., 76/10., 85/10., 05/14.
9. Zakon o odvjetništvu [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.hr/z/176/Zakon-o-odvjetni%C5%A1tva>.
10. Statut Hrvatske odvjetničke komore [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/statut-0>.
11. Kodeks odvjetničke etike. Narodne novine. br. 64/07. i Dopune Kodeksa odvjetničke etike. Narodne novine, br. 72/08., čl. 1.
12. Law of the European Union: a Textbook for Master Students / ed. P. Biriukov and V. Tuliakov. Voronezh: VSU Publishing House, 2016. P. 47.
13. Agreement on the european economic area [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efta.int/sites/default/files/documents/legal-texts/eea/the-eea-agreement/Main%20Text%20of%20the%20Agreement/EEAAgreement.pdf>.
14. Vlahović. Mirna. Primjena pravila tržišnog natjecanja na odvjetničku profesiju – teorijski i regulatorni aspekti, uz težište na pravu Europske unije i Republike Hrvatske (objavljeni diplomski rad iz prava tržišnog natjecanja). Pravni fakultet Sveučilišta J.J. Strossmayera u Osijeku. Osijek, 2013. S. 1–53.
15. Direktiva Vijeća 77/249/EEZ od 22. ožujka 1977. o olakšavanju učinkovitog ostvarivanja slobode pružanja odvjetničkih usluga.
16. Direktiva Europskog parlamenta i Vijeća 98/5/EZ od 16. Veljače 1998. o olakšavanju stalnog obavljanja odvjetničke djelatnosti u državi članici različitoj od one u kojoj je stečena kvalifikacija.
17. Predsjednik Hrvatske odvjetničke komore [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/predsjednik-hok>.
18. Kos Mario. Život u odvjetništvu. Zagreb, 2006.

References (transliterated)

1. Hrvatska odvjetnička komora [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/povijest-odvjetni%C5%A1tva-u-hrvatskoj>.

2. Margetić. Lujo. Srednjovjekovni zakoni i opći akti na Kvarneru. Zagreb, Rijeka, 2012. S. 28–30.
3. Engelsfeld Neda. O zakonu o odvjetništvu iz 1929. Vladavina prava. Godina III. Broj 1. Zagreb, 1999. S. 26.
4. Jonaitis. Marius. Žaleniene. Inga. The concept of bar and fundamental principles of an advocates activity in Roman law [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.mruni.eu/upload/iblock/6db/jonaitis_zaleniene.pdf.
5. Hrvatska odvjetnička komora. Povijest odvjetništva u Hrvatskoj [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/povijest-odvjetni%C5%A1tva-u-hrvatskoj>.
6. Hrvatska odvjetnička komora. Odvjetnici [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/odvjetnici>.
7. Vlahović Mirna. O reklamiranju odvjetnika [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://legaltie.com/blog/index.php/o-reklamiranju-odvjetnika>.
8. Ustav Republike Hrvatske. Narodne novine. br. 56/90., 135/97., 8/98., 113/00., 124/00., 28/01., 41/01., 55/01., 76/10., 85/10., 05/14.
9. Zakon o odvjetništvu [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.zakon.hr/z/176/Zakon-o-odvjetni%C5%A1tva>.
10. Statut Hrvatske odvjetničke komore [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/statut-0>.
11. Kodeks odvjetničke etike. Narodne novine. br. 64/07. i Dopune Kodeksa odvjetničke etike. Narodne novine, br. 72/08., čl. 1.

12. Law of the European Union: a Textbook for Master Students / ed. P. Biriukov and V. Tuliakov. Voronezh: VSU Publishing House, 2016. P. 47.

13. Agreement on the european economic area [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.efta.int/sites/default/files/documents/legal-texts/eea/the-eea-agreement/Main%20Text%20of%20the%20Agreement/EEAagreement.pdf>.

14. Vlahović. Mirna. Primjena pravila tržišnog natjecanja na odvjetničku profesiju – teorijski i regulatorni aspekti, uz težište na pravu Europske unije i Republike Hrvatske (objavljeni diplomski rad iz prava tržišnog natjecanja). Pravni fakultet Sveučilišta J.J. Strossmayera u Osijeku. Osijek, 2013. S. 1–53.

15. Direktiva Vijeća 77/249/EEZ od 22. ožujka 1977. o olakšavanju učinkovitog ostvarivanja slobode pružanja odvjetničkih usluga.

16. Direktiva Europskog parlamenta i Vijeća 98/5/EZ od 16. Veljače 1998. o olakšavanju stalnog obavljanja odvjetničke djelatnosti u državi članici različitoj od one u kojoj je stečena kvalifikacija.

17. Predsjednik Hrvatske odvjetničke komore [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.hok-cba.hr/hr/predsjednik-hok>.

18. Kos Mario. Život u odvjetništvu. Zagreb, 2006.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Кудрявцев В.Л.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 305 УК РФ «ВЫНЕСЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕПРАВОСУДНЫХ ПРИГОВОРА, РЕШЕНИЯ ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА»

Цель: Исследование проблем окончания преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта».

Методология: Использовались формально-юридические методы.

Результаты: В статье раскрыты уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы окончания такого преступления, как вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Установлено, что проблемы определения окончания основного состава преступления связаны с разным пониманием момента, когда неправосудный судебный акт вынесен. Данная проблема рассмотрена на примерах особенностей «вынесения приговора» или «постановления приговора» в уголовном судопроизводстве. Сделан вывод, что основной состав преступления является формальным и считается оконченным с момента подписания неправосудного судебного акта судьей (судьями). Квалифицированный состав преступления является формально-материальным.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной ценностью и представляет собой комплексный анализ окончания такого преступления, как вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, через уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы, существующие как в теории, так и на практике.

Ключевые слова: уголовное право, преступления против правосудия, состав преступления, окончание преступления, вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, уголовный процесс, постановление приговора, суд, судебная практика.

Kudryavtsev V.L.

CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINAL-PROCEDURAL PROBLEMS OF THE TERMINATION OF THE CRIME PROVIDED BY ARTICLE 305 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «PRONOUNCEMENT OF OBVIOUSLY UNJUST SENTENCE, DECISION OR OTHER JUDICIAL ACT»

Purpose: Research of problems of the termination of the crime provided by article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation «Pronouncement of obviously unjust sentence, decision or other judicial act».

Methodology: The formal-legal methods were used.

Results: The article reveals the criminal-legal and criminal-procedural problems of the end of such a crime as the imposition of a deliberately unjust sentence, decision or other judicial act. It is established that the problems of determining the end of the main corpus delicti are associated with a different understanding of the moment when an unjust judicial act is rendered. This problem is considered on the features of «sentencing» or «ruling of sentence» in criminal proceedings. It is concluded that the main part of the crime is formal and is considered to be completed from the moment of signing of the unjust judicial act by the judge (judges). The qualified structure of a crime is formal-material.

Novelty/originality/value: The article has a scientific value, representing a comprehensive analysis of the end of such a crime as the imposition of obviously unjust sentence, decision or other judicial act through criminal law and criminal procedure problems existing both in theory and in practice.

Keywords: criminal law, crimes against justice, a crime, end crime, making a knowingly unjust sentence, decision or other judicial act, criminal process, sentencing judgment, court, trial practice.

Момент окончания основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, в литературе раскрывается по-разному, и это несмотря на то, что особых расхождений в вопросе конструкции объективной стороны данного состава преступления как формального, когда преступление считается оконченным с момента вынесения неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, не встречается.

Проблема здесь в разном понимании момента, когда неправосудный судебный акт является вынесенным [о предмете преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, см.: 11, с. 70–84].

В зависимости от понимания категории «вынесение» как процессуального действия (в собственном смысле слова) или процесса (в широком понимании слова) можно выделить две точки зрения на момент окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ.

Согласно первой точке зрения, преступление считается оконченным с момента подписания неправосудного судебного акта судьей (судьями) [см., напр.: 3, с. 196; 5, с. 36–41; 7, с. 8, 15; 9, с. 1355; 12, с. 620, 622; 14, с. 385]. Вторая точка зрения исходит из того, что преступление окончено с момента провозглашения (оглашения) судебного

акта [см., напр.: 1, с. 1070–1071; 2, с. 65; 4, с. 78; 6, с. 17–18; 10].

Подобное различие между этими двумя точками зрения приводит к тому, что одно и то же обстоятельство, такое как момент подписания неправомерного судебного акта судьей (судьями) без его провозглашения (оглашения), будет квалифицироваться по-разному: согласно первой точке зрения, как оконченное преступление, согласно второй – как неоконченное преступление на стадии покушения.

В силу того, что уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК РФ), уголовная ответственность за приготовление к преступлению средней тяжести, к которым относится ч. 1 ст. 305 УК РФ, невозможна.

Правильное определение момента окончания преступления позволяет верно его квалифицировать и в дальнейшем назначить справедливое наказание. В литературе проблему окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, прежде всего, рассматривают на примере «вынесения приговора» в уголовном судопроизводстве, используя в качестве равнозначного ему словосочетание «постановление приговора» [см., напр.: 1, с. 1070–1071; 12, с. 622].

Как следует из толкового словаря русского языка, понятие «вынести» в контексте слов «вынести приговор», «вынести постановление» означает «приняв решение, объявить (офиц.)» [13, с. 115].

Согласно одному из правил грамматического (языкового) толкования, «словам и выражениям закона следует придавать то значение, которое они имеют в соответствующем литературном языке, если нет оснований для иной интерпретации» [8, с. 347].

В нашем случае складывается как раз та ситуация, когда анализ УПК РФ позволяет прийти к выводу об использовании категории «вынесение» или «постановление» в двух значениях: в широком, соответствующем результату грамматического (языкового) толкования, и в собственном смысле слова.

Представители широкого понимания категории «вынесение приговора» или «постановление приговора» за основу берут его составные элементы, предусмотренные и раскрываемые Главой 39 «Постановление приговора» (ст. 296–313 УПК РФ), и указывают, в частности: «из анализа ст. 310 УПК РФ следует, что постановление приговора заканчивается его провозглашением» [1, с. 1070].

Следовательно, вынесение или постановление приговора заканчивается его провозглашением.

Исходя из этого, только подписание судебного акта без его провозглашения должно квалифицироваться как покушение на преступление, то есть по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 305 УК РФ.

Критерием истины является практика, в нашем случае – судебная практика.

Обращение к опубликованной судебной практике (СПС «КонсультантПлюс», сайт Верховного Суда РФ и т. п.) приводит к следующим выводам: во-первых, судебная практика не содержит примеров квалификация по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 305 УК РФ вообще; во-вторых, в том случае, когда речь идёт о не провозглашённом (оглашённом), но подписанном судьёй (судьями) заведомо неправомерном судебном акте, деяние квалифицируется как оконченное преступление, то есть категория «вынесение» в судебной практике рассматривается в собственном смысле слова.

Вот пример из судебной практики, когда приговор был подписан судьёй, но не провозглашён, и деяние было квалифицировано как оконченное преступление. Согласно приговору Фрунзенского районного суда г. Иваново от 5 сентября 2017 г. по делу № 1-123/2016 Лушпай Д.В. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ: «...В нарушение ч. 1 ст. 310, ст. 312 УПК РФ мировой судья судебного участка № 5 Фрунзенского судебного района г. Иваново Лушпай Д.В. приговор по делу в отношении Потерпевшей № 1 не провозгласил и его копию в установленный законом срок участникам уголовного судопроизводства не вручил».

Есть также судебная практика, когда прямо указан момент окончания преступления, соответствующий пониманию категории «вынесение» в собственном смысле слова.

Как следует из кассационного определения Верховного Суда РФ от 11 мая 2010 года по делу № 46-О10-39, «Поскольку преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, является окончательным с момента подписания неправомерного решения, то не имеет значение время вступления его в законную силу или время его отмены».

В приговоре Верховного Суда Удмуртской Республики с участием присяжных заседателей от 01 ноября 2010 года (вступил в законную силу 16.05.2011) отражено, что: «При квалификации действий подсудимого суд принимает во внимание следующие обстоятельства. Иванов В.В., являясь судьёй, вынес четыре заведомо незаконных постановления о прекращении уголовных дел по четырем уголовным делам. Постановления отнесены законодателем к иным судебным актам. Заведомость неправомерности судебных актов

по уголовным делам заключается в очевидном и грубом нарушении судьей Ивановым В.В. требований уголовно-процессуального закона. Данные преступления считаются оконченными с момента подписания судебного акта, при этом не требуется вступления судебного акта в законную силу, в связи с чем последующие действия подсудимого Иванова В.В., якобы предпринятые им после вынесения четырех неправосудных актов, не имеют значения для юридической квалификации содеянного им».

Как следует из приговора Верховного Суда РФ от 18 февраля 2011 г. № УКПИ10-11, «...Сидоренко А.В. с целью недопущения дальнейшего нарушения сроков рассмотрения представления, находящегося в его производстве более 3-х месяцев, без проведения судебного заседания 21 мая 2004 года в помещении <...> районного суда <...> области по адресу: <...> область, г. <...> вынес (изготовил и подписал) заведомо неправосудный судебный акт – постановление <...> районного суда от 21 мая 2004 года об отказе в удовлетворении ходатайства начальника уголовно-исполнительной инспекции М. об отмене в отношении П. условной меры наказания и исполнении реальной в виде лишения свободы».

Таким образом, с точки зрения опубликованной судебной практики нет основания рассматривать применительно к ч. 1 ст. 305 УК РФ понимание «вынесения» в широком смысле слова, напротив, как видно из приведённых выше примеров, практика стоит на позиции понимания категории «вынесение» в собственном смысле слова; соответственно, преступление должно считаться оконченным с момента подписания неправосудного судебного акта судьей (судьями).

Подобную позицию можно подкрепить следующими рассуждениями на основе анализа норм УПК РФ.

Апелляционные жалоба, представление на приговор или иное решение суда первой инстанции могут быть поданы в течение 10 суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда... (ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ). Из данной законодательной формулировки следует, что категории «постановление» и «вынесение» используются как равнозначные; во-вторых, день постановления приговора или вынесения иного судебного решения суда первой инстанции имеет юридическое значение для обжалования в апелляционном порядке и вступления в законную силу.

Приговор постановляется судом в совещательной комнате (ч. 1 ст. 298 УПК РФ).

Согласно п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» «датой постановления приговора следует считать день подписания приговора составом суда независимо от даты его провозглашения», то есть дата подписания приговора с его провозглашением может совпадать, а может и нет.

После подписания приговора суд возвращается в зал судебного заседания, и председательствующий провозглашает приговор (ч. 1 ст. 310 УПК РФ).

Следовательно, с точки зрения рассмотрения категории «вынесение» в собственном смысле слова через анализ норм УПК РФ, во-первых, постановление (вынесение) приговора и провозглашение приговора – это два разных процессуальных действия, предусмотренных Главой 39 УПК РФ; во-вторых, постановление (вынесение) приговора заканчивается его подписанием, иначе приговор считается вынесенным с момента его подписания судьёй (судьями).

На основе вышеизложенного можно сделать однозначный вывод, что категория «вынесение» в контексте ст. 305 УК РФ рассматривается в собственном смысле слова, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 305 УК РФ, является формальным, и, соответственно, преступление считается оконченным с момента вынесения неправосудного приговора, решения или иного судебного акта, то есть с момента его подписания судьёй (судьями).

Для квалификации не имеет значения, будет или нет провозглашён (оглашён) судебный акт, вступит или нет он в законную силу и т. д.

Объективная сторона квалифицированного состава преступления, предусмотренная ч. 2 ст. 305 УК РФ: «То же деяние, связанное с вынесением незаконного приговора суда к лишению свободы или повлекшее иные тяжкие последствия».

В ч. 2 ст. 305 УК РФ указаны два альтернативных квалифицированных признака состава преступления: а) вынесение незаконного приговора суда к лишению свободы или б) повлекшее иные тяжкие последствия. Разберём их по отдельности:

а) «То же деяние, связанное с вынесением незаконного приговора суда к лишению свободы...» (ч. 2 ст. 305 УК РФ).

В данном случае речь идёт о назначении судом в приговоре наказания в виде лишения свободы на определённый срок (п. «л» ч. 1 ст. 44 УК РФ, ст. 56 УК РФ) или пожизненного лишения свободы (п. «м» ч. 1 ст. 44 УК РФ, ст. 57 УК РФ).

Уголовный кодекс РФ содержит только два вида наказания в виде лишения свободы, а ч. 2

ст. 305 УК РФ не связывает лишение свободы с какими-либо условиями, обстоятельствами.

Как следствие, будет ли лицо реально отбывать наказание в виде лишения свободы или к нему будет применено условное осуждение (ст. 73 УК РФ) либо отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) и т. п., значения для квалификации по ч. 2 ст. 305 УК РФ «То же деяние, связанное с вынесением незаконного приговора суда к лишению свободы...» иметь не будет.

Квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 305 УК РФ, в части «То же деяние, связанное с вынесением незаконного приговора суда к лишению свободы...» является формальным и, соответственно, считается оконченным с момента вынесения незаконного приговора суда к лишению свободы на определённый срок или пожизненно, то есть с момента подписания такого приговора судьёй (судьями);

б) «То же деяние,... повлекшее иные тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 305 УК РФ).

Квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 305 УК РФ, в части «То же деяние,... повлекшее иные тяжкие последствия» является материальным составом преступления, то есть считается оконченным с момента наступления «иных тяжких последствий». Данный состав предполагает наличие причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями. Отсутствие такой связи исключает квалификацию по ч. 2 ст. 305 УК РФ в части «То же деяние,... повлекшее иные тяжкие последствия».

К «иным тяжким последствиям» для материального состава преступления можно отнести, в частности, самоубийство, психическое заболевание, крупный имущественный ущерб, банкротство и т. д.

Судебная практика содержит примеры установления причинно-следственной связи между судебным актом и «иными тяжкими последствиями», а также раскрывает категорию «иные тяжкие последствия».

Первый пример.

Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 февраля 2008 г. по делу № 45-О08-6.

«Доводы жалоб об отсутствии в действиях Деменко квалифицирующего признака совершённого им преступного деяния как повлекшего тяжкие последствия являются несостоятельными.

По делу установлено, что, вынося заведомо неправосудные судебные решения, Деменко действовал по просьбе и в интересах других лиц, имевших своей целью незаконный захват управ-

ления предприятием и передел собственности. Копии незаконных судебных решений и исполнительные листы по ним с вехом Деменко были переданы указанным лицам.

Последние, используя неправосудные решения и исполнительные документы как правовую основу в своих действиях, осуществили насильственный захват территорий предприятий ООО «...» и ОАО, сопровождавшийся массовыми беспорядками, причинением различной степени тяжести телесных повреждений гражданам, повреждением и уничтожением имущества предприятий на сумму, превышающую ... рублей, вооружённым сопротивлением, призывами к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к насилию над гражданами, что в результате привело к дестабилизации нормальной деятельности предприятий в течение всего последующего года.

При указанных обстоятельствах суд пришёл к правильному выводу о том, что фактически наступившие тяжкие последствия повлекли именно вынесенные Деменко неправосудные решения, и верно квалифицировал действия Деменко по ч. 2 ст. 305 УК РФ».

Второй пример.

Как следует из приговора Верховного Суда РФ от 22 декабря 2010 г. № УК-ПИ10-8, «Рассматривая вопрос о доказанности причинной связи между действиями подсудимого и наступившими последствиями, суд учитывает, что принятые заведомо неправосудные судебные решения были использованы другими лицами в качестве правового основания для перехода права собственности государства.

По эпизоду вынесения заведомо неправосудного решения в пользу Р., датированному 06.12.2002, размер ущерба на сумму <...> рубль <...> копеек надлежит рассматривать как причинение тяжких последствий. Вывод суда о стоимости объектов обоснован заключением экспертов, ставить под сомнение которое нет оснований.

Вместе с тем по эпизоду вынесения заведомо неправосудного решения в пользу Г., датированного 23.08.2002, размер ущерба составил <...> рублей <...> копеек, который не может рассматриваться как причинивший тяжкие последствия для государства, что подлежит исключению из этого обвинения.

Указание в обвинении в качестве тяжких последствий на подрыв авторитета судебной власти отражает объект преступного посягательства, а не характер последствий, а потому также подлежит исключению».

Пристатейный библиографический список

References (transliterated)

1. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ) // Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.

2. Водяная В.Ю., Досаева Г.С., Серегина Е.В. О некоторых уголовно-правовых и процессуальных аспектах привлечения к уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 11 (30).

3. Голоднюк М.Н. Преступления, совершаемые в процессе отправления правосудия должностными лицами – работниками правоохранительных органов // Курс уголовного права: в 5 т. Т. 5: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002.

4. Емеева Н.Р. Уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые судьями и должностными лицами правоохранительных органов. Казань: Познание, 2008.

5. Зенина Л.С. Содержание объективной стороны вынесения заведомо неправосудного судебного решения (статья 305 УК РФ) // Российский судья. 2018. № 2.

6. Калашникова С.В. Правовые последствия вынесения заведомо незаконных приговора, решения и иного судебного акта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

7. Карташов А.Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

8. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М.: Эксмо, 2007.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2019.

10. Кондратов П.Е. Комментарий к статье 305 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2018.

11. Кудрявцев В.Л. Правовые и процессуальные проблемы определения предмета преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 70–84.

12. Кудрявцев В.Л. Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта // Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия. СПб., 2017.

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

14. Чучаев А.И. Преступления, посягающие на реализацию конституционных принципов правосудия // Уголовное право. Особенная часть: учеб. / под ред. проф. А.И. Рарога. М.: Институт международного права и экономики: Триада, Лтд, 1996.

1. Brilliantov A.V., Kosevich N.R. Vy`nesenie zavedomo nepravosudny`x prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta (st. 305 UK RF) // Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshhaya i Osobennaya: uchebnik / pod red. A.V. Brilliantova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2016.

2. Vodyanaya V.Yu., Dosaeva G.S., Seregina E.V. O nekotory`x ugolovno-pravovy`x i processual`ny`x aspektax privlecheniya k ugolovnoj otvetstvennosti za vy`nesenie zavedomo nepravosudny`x prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta // Nauka i obrazovanie: xozyajstvo i e`konomika; predprinimatel`stvo; pravo i upravlenie. 2012. № 11 (30).

3. Golodnyuk M.N. Prestupleniya, sovershaemy`e v processe otpravleniya pravosudiya dolzhnostny`mi liczami – rabotnikami pravooxranitel`ny`x organov // Kurs ugolovnogo prava: v 5 t. T. 5: Osobennaya chast` / pod red. G.N. Borzenkova, V.S. Komissarova. M., 2002.

4. Emeeva N.R. Ugolovnaya otvetstvennost` za prestupleniya protiv pravosudiya, sovershaemy`e sud`yami i dolzhnostny`mi liczami pravooxranitel`ny`x organov. Kazan`: Poznanie, 2008.

5. Zenina L.S. Soderzhanie ob`ektivnoj storony` vy`neseniya zavedomo nepravosudnogo sudebnogo resheniya (stat`ya 305 UK RF) // Rossijskij sud`ya. 2018. № 2.

6. Kalashnikova S.V. Pravovy`e posledstviya vy`neseniya zavedomo nezakonny`x prigovora, resheniya i inogo sudebnogo akta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2011.

7. Kartashov A.Yu. Ugolovnaya otvetstvennost` za vy`nesenie zavedomo nepravosudny`x prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Stavropol`, 2004.

8. Kshanina T.V. Yuridicheskaya texnika: uchebnik. M.: E`ksmo, 2007.

9. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (nauchno-prakticheskij) / pod red. A.I. Chuchava. M.: Prospekt, 2019.

10. Kondratov P.E. Kommentarij k stat`e 305 UK RF // Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 4 t. T. 4. Osobennaya chast`. Razdely` X–XII / отв. red. V.M. Lebedev. M.: Yurajt, 2018.

11. Kudryavcev V.L. Pravovy`e i processual`ny`e problemy` opredeleniya predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 305 UK RF «Vy`nesenie zavedomo nepravosudny`x prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta» // Evrazijskaya advokatura. 2017. № 5 (30). S. 70–84.

12. Kudryavcev V.L. Vy`nesenie zavedomo nepravosudny`x prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta // E`nciklopediya ugolovnogo prava. T. 28. Prestupleniya protiv pravosudiya. SPb., 2017.

13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka: 80000 slov i frazeol. vy`razhenij / Ros. akad. nauk, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 1999.

14. Chuchav A.I. Prestupleniya, posyagayushhie na realizaciyu konstitucionny`x principov pravosudiya // Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast`: ucheb. / pod red. prof. A.I. Raroga. M.: Institut mezhdunarodnogo prava i e`konomiki: Triada, Ltd, 1996.

Булычев Е.Н.

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ ЗА ПОЛОВОЕ СНОШЕНИЕ С ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГШИМ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА (ст. 134 УК РФ)

Цель: Провести подробный анализ условий освобождения от наказания лица, совершившего половое сношение с лицом, не достигшим возраста 16 лет, сформулированных в Примечании 1 к ст. 134 УК РФ, и выявить возможные проблемы применения данной нормы.

Методология: В статье использовались метод анализа, сравнительный и формально-юридические методы.

Результаты: В результате проведенного исследования сделаны выводы о наличии в рассматриваемой норме дискриминации по признаку места проживания, в связи с чем автором выдвинуто научно обоснованное предложение по совершенствованию законодательства о браке.

Новизна/оригинальность/ценность: Научная ценность статьи заключается в том, что автором проведен анализ условий освобождения лица, совершившего преступление по ч. 1 ст. 134 УК РФ, от наказания. Сделан вывод о наличии в рассматриваемой норме дискриминации по признаку места проживания, в связи с чем выдвинуто научно обоснованное предложение по совершенствованию законодательства о браке.

Ключевые слова: половое сношение, лицо, не достигшее 16 лет, брак, брачный возраст, освобождение от наказания.

Bulychev E.N.

MARRIAGE WITH THE VICTIM AS GROUNDS FOR EXEMPTION FROM PUNISHMENT FOR SEXUAL INTERCOURSE WITH A PERSON UNDER SIXTEEN YEARS OF AGE

Purpose: Analysis of the conditions for exemption from punishment the perpetrators of sexual intercourse with a person under the age of 16, formulated in the note 1 to article 134 of the criminal code.

Methodology: Methods of analysis, comparative and formal-legal methods were used in the article.

Results: In the study, the conclusions about the presence of the norm of discrimination on the basis of residence, in this connection, the author put forward a scientifically reasoned proposal for improving the legislation on marriage.

Novelty/originality/value: The scientific value of the article lies in the fact that the authors analyzed the conditions of release of a person who committed a crime under part 1 of article 134 of the criminal code from punishment. The authors concluded that there is discrimination on the basis of place of residence in the considered norm, in this connection, the authors put forward a scientifically based proposal to improve the legislation on marriage.

Keywords: sexual intercourse, a person under 16 years, marriage, the age of marriage, exemption from punishment.

В целях защиты половой неприкосновенности детей в Уголовном кодексе РФ установлена уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ). Данная статья не раз претерпевала изменения. В первоначальной редакции Уголовного кодекса законодатель предусматривал ответственность за половое сношение, мужеложство или лесбиянство, совершенное лицом, достигшим 18-летнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим 16-летнего возраста. С июня 1998 года возраст потерпевшего был снижен до 14 лет, а в 2003 году его вновь повысили до 16 лет. Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ ст. 134 УК РФ была дополнена примечанием, в соответствии с которым лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим).

Как видим, законодатель предусмотрел возможность освободить лицо от наказания только в случае, если имеет место совокупность следующих условий: совершено преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ; данное преступление совершено впервые; виновный вступил в брак с потерпевшим(-ей); виновное лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи с вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим).

Рассмотрим подробнее данные условия.

Первое условие освобождения от наказания заключается в том, что оно может применяться к лицу, совершившему преступление исключительно по ч. 1 ст. 134 УК РФ, которая предусматривает ответственность только за добровольное половое сношение, то есть за естественный половой акт между женщиной и женщиной, который произошел между совершеннолетним и лицом старше 14 лет, но не достигшим 16 лет.

Отсюда следует, что в случае совершения лицом, достигшим 18-летнего возраста, добровольных действий сексуального характера с лицом

того же пола (квалифицируются по ч. 2 ст. 134 УК РФ) или совершения им добровольного полового акта с лицами от 12 до 14 лет (квалифицируется по ч. 3 ст. 134 УК РФ) освобождение от наказания не может применяться.

Второе условие освобождения от наказания: преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, должно быть совершено впервые.

Понятие лица, впервые совершившего преступление, дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.13 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Согласно Постановлению таким следует считать лицо: совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности; предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.

Третье условие освобождения от наказания: вступление в брак с потерпевшим (-ей).

Данное условие, на наш взгляд, является ключевым при решении вопроса об освобождении от наказания, поскольку тут проявляется воля виновного(-ой) и потерпевшего(-ей). При этом рассматриваемое условие может вызвать сложности при его реализации.

Изучим это условие подробнее. В нашей стране согласно ст. 13 Семейного кодекса брачный возраст наступает в 18 лет. Органы местного самоуправления при наличии уважительных причин (беременности, рождения общего ребенка, непосредственной угрозы жизни одной из сторон и др.) могут разрешить вступить в брак лицам, достигшим 16 лет. В то же время субъектам РФ той же статьей предоставлено право в соответствующем законе устанавливать порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста 16 лет. Однако далеко не все субъекты РФ воспользовались этим правом. Так, вступить в брак в 14 лет можно в Чеченской Республике, Республи-

ке Адыгея, Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Владимирской, Вологодской, Калужской, Магаданской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Сахалинской, Тамбовской, Тульской, Тюменской областях, Еврейской автономной области, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах. Брачный возраст с 15 лет установлен в Челябинской, Рязанской, Мурманской, Тверской областях, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках [2].

Таким образом, мы видим, что минимальный брачный возраст в различных регионах России неодинаков. Как следствие, заключить брак с лицом в возрасте 14–15 лет не везде представляется юридически возможным. В связи с этим можно обоснованно предположить, что положение, содержащееся в приложении 1 к ст. 134 УК РФ, может применяться не на всей территории России, что является явным нарушением конституционного принципа равенства всех перед законом и судом [1, с. 58].

Полагаем, что установление на всей территории Российской Федерации единого минимально допустимого брачного возраста в 14 лет, а также единого порядка и условий, при которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста 16 лет, устранив имеющуюся дискриминацию лиц по месту жительства и будет способствовать единообразному применению ст. 134 УК РФ во всех субъектах нашей страны.

Заметим, что законодатель не предусмотрел возможности освобождения от наказания за совершение деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 134 УК РФ, т. е. мужеложство и лесбиянство с лицом, не достигшим 16-летнего возраста. Следует также отметить, что однополые браки в России находятся вне закона, а заключённые за границей однополые браки в России не имеют юридической силы, следовательно, подобные браки не являются основанием для освобождения от наказания. Такую позицию законодателя мы признаем оправданной. Гомосексуальные контакты между лицами, не достигшими 16-тилетнего возраста, в наибольшей степени причиняют вред как их физическому (физиологическому), так и моральному (психическому) здоровью в связи с тем, что представляют собой опасность для несформировавшейся личности, искажают predetermined природой и физиологией человека понимание половых отношений.

Четвертое условие состоит в том, что виновное лицо и совершенное им преступление перестали

быть общественно опасными в связи с вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим).

Существующей возможностью избежать наказания, заключив, по сути, фиктивный брак, фигуранты дел по ст. 134 УК РФ активно пользуются. Поэтому законодатель установил, что сам факт заключения брака между лицами, вступавшими в недозволенные половые связи, недостаточен для освобождения от наказания, кроме этого необходимо, чтобы виновный перестал быть общественно опасным. Данное обстоятельство является оценочным и представляется нам весьма расплывчатым. Непонятно, на каком основании можно считать, что лицо и само преступное деяние перестали быть общественно опасными?

Мы считаем, что при рассмотрении вопроса об освобождении от наказания по ст. 134 УК РФ судьи не должны применять формальный подход, а сам факт заключения брака не должен автоматически влечь освобождение от наказания. Судьям необходимо обязательно устанавливать факт добровольного согласия потерпевшего на заключение брака, отсутствие со стороны подсудимого психологического воздействия, подкупа, угроз.

Рассмотрев условия освобождения от наказания, указанные в примечании 1 к ст. 134 УК РФ, считаем необходимым исследовать с точки зрения права посткриминальные взаимоотношения таких супругов.

В этой связи возникают следующие вопросы:

1. Должен ли совершеннолетний супруг воздерживаться от сексуальных контактов со своей «половинкой», или после заключения брака половые отношения между лицом, совершившим преступление, и его несовершеннолетним партнером, по сути, легализуются и могут продолжаться без всяких ограничений?

2. Следует ли привлекать к уголовной ответственности взрослого человека, вступающего в добровольный половой контакт с лицом моложе 16 лет, которое состоит (или состояло) в браке?

Следуя простой логике действующей редакции УК РФ, на поставленные вопросы вытекают следующие ответы:

1. Примечание 1 к ст. 134 УК РФ освобождает лишь от наказания, а не от уголовной ответственности, следовательно, любой очередной половой акт с лицом, не достигшим возраста 16 лет, – это преступление. При этом закон не делает никаких

исключений ни для супругов, ни для иных лиц, главное, что их возраст старше 18 лет.

2. Если у не достигшего 16 лет лица, состоящего в браке, произойдут половые контакты с иными лицами, то они уже, не имея возможности вступить с ним в брак без предварительного расторжения брака потерпевшим, должны будут понести неизбежное наказание.

Однако такая трактовка закона не может претендовать на исключительность или безальтернативность. Дело в том, что рассматриваемая норма стоит на страже половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 16-летнего возраста, т. е. возраста сексуального согласия, при этом законодательство не закрепляет детально понятие половой неприкосновенности, ограничивая ее лишь возрастными пределами.

Мы считаем факт вступления лицом, не достигшим 16-летнего возраста, в зарегистрированный в органах ЗАГС брак легитимированным государством юридическим фактом наступления возраста сексуального согласия, то есть своего рода фактом сексуальной эмансипации. В связи с чем с такого лица, состоящего / состоявшего в браке, должна сниматься уголовно-правовая защита его сексуальной неприкосновенности, а защищаться должна только его сексуальная свобода.

Полагаем, что установление единых подходов к условиям освобождения от уголовного наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, будет соответствовать реализации конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

Пристатейный библиографический список

1. Бульчев Е.Н. Принцип равенства и проблемы его закрепления в Конституции Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2016. № 2 (21). С. 58–62.
2. Попов Н.В. Человек и закон. Совершеннолетие и эмансипация несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 208–211.

References (transliterated)

1. Buly`chev E.N. Princip ravenstva i problemy` ego zakrepleniya v Konstitucii Rossijskoj Federacii // Evrazijskaya advokatura. 2016. № 2 (21). S. 58–62.
2. Popov N.V. Chelovek i zakon. Sovershennoletie i e`mansipaciya nesovershennoletnix // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2016. № 5. С. 208–211

Ветрова Г.Н.

УЧЕНИЕ М.С. СТРОГОВИЧА О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ)

Цель: Раскрыть содержание основных положений гуманистического учения М.С. Строговича о правовом положении обвиняемого в уголовном процессе, показать его значение для теории уголовно-процессуального права, а также влияние на развитие современного уголовно-процессуального законодательства.

Методология: Использовались историко-правовой и формально-логический методы.

Результаты: М.С. Строгович считал фигуру обвиняемого центральной в уголовном процессе, поскольку в отношении нее ведётся уголовное преследование. Через законодательное определение статуса обвиняемого могут быть раскрыты цели и задачи уголовного судопроизводства. М.С. Строгович рассматривает вопрос о правовом положении обвиняемого в плоскости взаимоотношений сторон обвинения и защиты на основе принципа состязательности. В его работах раскрывается значение процессуального оформления обвинения для обеспечения обвиняемому права на защиту. Обвиняемому должны быть предоставлены гарантированные права для оспаривания обвинения. Он имеет право на представление следствию и суду новой информации с целью опровержения обвинения. Гарантиями прав обвиняемого служат принципы презумпции невиновности и состязательности.

Согласно учению М.С. Строговича, в системе прав обвиняемого наиважнейшими являются право на добровольную дачу показаний и право отказаться от дачи показаний. Он считал недопустимым стремление должностных лиц каким-либо образом закрепить признательные показания обвиняемого, будь то проверка показаний на месте или аудиозапись таких показаний. УПК РФ 2001 г. развил гуманистические традиции российского уголовного судопроизводства относительно правового положения обвиняемого. Были расширены возможности защиты на этапе расследования по противостоянию уголовному преследованию.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает научной ценностью, поскольку является первым исследованием, в котором освещаются основные положения целостного учения о правовом положении обвиняемого в уголовном процессе, которые были сформулированы и развиты в работах М.С. Строговича – крупнейшего представителя советского периода уголовно-процессуальной науки.

Ключевые слова: обвиняемый, презумпция невиновности, показания обвиняемого, принцип состязательности и равноправия сторон.

Vetrova G.N.

THE DOCTRINE OF M.S. STROGOVICH ON THE LEGAL STATUS OF THE ACCUSED PERSON IN CRIMINAL PROCEEDINGS (TRADITIONS IN MODERN REFRACTION)

Purpose: To define the content of the main provisions of the humanistic studies of M. S. Strogovich on the legal status of the accused in criminal proceedings, to show its importance for the theory of the law of criminal procedure, as well as the impact on the development of modern law of criminal procedure.

Methodology: The legal historical and formal logical methods were used.

Results: M.S. Strogovich considered the accused person as a central figure in the criminal process since the person is being prosecuted. Through the legislative definition of the status of the accused, the goals and objectives of criminal proceedings may be brought to light. M.S. Strogovich considered the question of the legal status of the accused in the dimension to the relationship between the prosecution and the defence based on the principle of adversarial proceedings. The author's works reveal the importance of the procedural formalization of the prosecution to guarantee the accused's right to defence. The accused person must be provided guaranteed rights to challenge the conviction. The accused person has the right to provide the investigation and the court with new information to rebut the charges. The principles of presumption of innocence and adversarial proceedings serve as guarantees of the rights of the accused.

According to the doctrine of M.S. Strogovich in the system of rights of the accused, the most important ones are the right to voluntary deposition and the right to refuse to testify. The author considered inadmissible the official's concern to establish the confession of the accused, whether it be a verification of the testimony on the scene or an audio recording of such testimony. The 2001 Code of Criminal Procedure developed the humanistic traditions of the Russian criminal procedure concerning the legal status of the accused. The possibilities of protection at the stage of investigation on confrontation to criminal prosecution were expanded.

Novelty/originality/value: The article has scientific value, due to the fact that it is the first study that highlights the main provisions of the holistic doctrine of the legal status of the accused in criminal proceedings, which were formulated and developed in the studies of M.S. Strogovich, the largest scientist of the Soviet period of criminal procedure.

Keywords: the accused, the presumption of innocence, testimony of the accused, the principle of adversarial proceedings and equality of the parties.

Михаил Соломонович Строгович считал вопросом о правовом положении обвиняемого важнейшим для уголовно-процессуального законодательства. Правовой статус лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, предопределяет тип и форму процесса. По тому, как решается этот вопрос, можно судить о целях и задачах уголовного судопроизводства в тот или иной исторический период.

Обвиняемый как субъект процессуальной деятельности появляется в процессе, когда собраны достаточные данные, дающие основание сформулировать обвинение и предъявить его конкретному лицу. По мнению М.С. Строговича, появление обвиняемого в уголовном деле означает возбуждение уголовного преследования, что свидетельствует о возникновении в рамках предварительного расследования процессуальной функции обвинения (уголовного преследования) [1, с. 28; 2, с. 232]. И хотя М.С. Строгович считал, что деятельность следователя есть сосредоточение трёх процессуальных функций, сама постановка вопроса о наличии процессуальной функции обвинения в деятельности следователя была важнейшим шагом в обосновании введения института защиты на предварительном следствии.

В УПК РСФСР 1923 г. не предусматривалось участие защитника в стадиях предварительного расследования и предания суду. Но уже в работе 1939 г. «Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности» М.С. Строгович пишет о том, что «...вполне назревшим и актуальным является вопрос о допущении участия защитника и в этих стадиях процесса, в которых он до сих пор не допускался» [3, с. 146–147]. И далее он предлагает определить в законе те случаи, когда участие защитника признавалось бы обязательным.

К вопросам обеспечения обвиняемому права на защиту исследователь обращается неоднократно в работах разных лет [4, с. 163–164]. Принятые в 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а в 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, работа над проектом которого осуществлялась под руководством М.С. Строговича, предусматривали допуск защитника к участию в деле на этапе окончания предварительного следствия при ознакомлении обвиняемого с материалами дела, и только в отдельных случаях – с момента предъявления обвинения. Но М.С. Строгович считал, что следует допустить участие защитника на предварительном следствии по всем делам с момента предъявления обвинения. В своём Курсе советского уголовного

процесса он писал: «Опыт, накопленный за время, истёкшее после принятия Основ, показал полезность и эффективность участия защиты на предварительном следствии, и сейчас нет никаких оснований ограничивать участие защитника с момента предъявления обвинения только определённой категорией дел» [1, с. 241]. И только через десятилетия данная мысль воплотилась в законе. В 1992 г. в ст. 47 УПК РСФСР Законом от 23 мая 1992 г. были внесены изменения, определившие допуск защитника к участию в деле по всем делам с момента предъявления обвинения, а также и в отношении подозреваемого – с момента приобретения лицом соответствующего статуса.

Для реализации права на защиту важны два момента: обоснованность обвинения и его процессуальное оформление. В этой связи приобретает актуальное звучание вопрос о необходимости вынесения процессуального решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, или, иными словами, вопрос о сохранении на предварительном следствии такого участника процесса, как обвиняемый. К современным дискуссиям по данной проблеме подвигло расширение спектра прав подозреваемого в ходе расследования, формальное уравнивание в правах подозреваемого и обвиняемого. Было высказано предложение оставить в досудебном производстве только фигуру подозреваемого.

Вынесение процессуального акта, которым лицо ставилось бы в положение обвиняемого, предполагалось ещё в период действия Устава уголовного судопроизводства. Правда, в его тексте мы не найдём упоминания о таком документе. Его необходимость была признана судебной практикой. Сначала Сенат указывал, что призывать к допросу лицо в качестве обвиняемого следует тогда, когда есть данные (основание) для обвинения этого лица в преступлении. Особым Наказом Санкт-Петербургского окружного суда 1887 г. судебные следователи обязывались составлять специальное постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого. Позднее Определением Высшего дисциплинарного присутствия Правительствующего Сената от 23.03.1898 предписывалось судебным следователям выносить постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, когда в отношении этого лица будет основание для обвинения его в преступлении. Данную традицию восприняли и принятые в советский период УПК РСФСР 1923 г. (ст. 128) и УПК РСФСР 1960 г. (ст. 143).

М.С. Строгович придавал важное значение вынесению процессуального решения о привле-

чении лица в качестве обвиняемого. Такое решение, которое выносится на основании веских, проверенных доказательств, М.С. Строгович рассматривал в числе важнейших процессуальных гарантий прав обвиняемого, а также как гарантию объективного исследования обстоятельств дела. «Чтобы убедиться в том, что обвинение, предъявленное обвиняемому, обосновано, что он действительно виновен в инкриминируемом ему преступлении, необходимо получить и проверить все доводы против обвинения, собрать и исследовать все доказательства, которые могут быть представлены в пользу обвиняемого. Как бы ни были сильны улики, подтверждающие обвинение, пока неизвестно, имеются ли какие-либо данные обратного порядка, опровергающие обвинение или в той или иной мере изменяющие его, нет уверенности, что это обвинение правильно» [4, с. 165]. Таким образом, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, имеющее основанием проверенные доказательства, в котором изложены конкретные факты и обстоятельства, инкриминируемые лицу и составляющие содержание выдвинутого против него обвинения, создаёт возможность для выработки определённой линии защиты, для опровержения как обвинения в целом, так и его отдельных частей.

С точки зрения обеспечения объективного исследования обстоятельств дела и недопустимости обвинительного уклона, имеет значение вопрос о характере внутреннего убеждения следователя при вынесении такого постановления. Оно не должно рассматриваться как окончательный вывод о виновности, в том числе и самим следователем, который должен продолжить расследование, прежде всего проверить все доводы защиты. По мнению М.С. Строговича, точка зрения о том, что на момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого следователь должен быть твёрдо убеждён в виновности лица, не способствует объективности расследования [5, с. 84–85]. Следует различать достаточную совокупность доказательств, чтобы поставить лицо в положение обвиняемого, и достаточную совокупность доказательств, чтобы считать лицо полностью изобличённым в совершении преступления [1, с. 33–35]. О последнем следователь высказывается по завершении расследования в обвинительном заключении.

Следовательно, нежелательно и «недопустимо» «искусственное оттягивание привлечения в качестве обвиняемого до того момента, когда предварительное следствие по существу будет уже закончено» [5, с. 86]. В таком случае обвиня-

емый лишается возможности защищать свои интересы путём активного участия в расследовании через опровержение обвинения, представление доказательств и т. д.

Принципиальное значение для теории уголовно-процессуального права имеет развитая М.С. Строговичем теория процессуальных правоотношений. В 1934 г. вышла его небольшая работа «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде», в определённом смысле как предвестник его более фундаментальной работы о природе уголовного процесса. В данной работе М.С. Строгович впервые пишет об «отношениях, которые в определённых процессуальных формах складываются между органом обвинения и обвиняемым», и определяет элементы этих отношений. Важной является мысль, что полномочиям должностных лиц, осуществляющих действия («меры») по уголовному преследованию, противостоят процессуальные права лица, в отношении которого эти действия совершаются [6, с. 45].

Выдвинутую им и пока ещё детально не оформленную концепцию процессуальных правоотношений М.С. Строгович разовьёт в более поздних работах, но принципиальный подход к проблеме был намечен уже здесь. Он полагал, что именно с позиций теории правоотношений следует определять правовое положение обвиняемого, «характер и природу его процессуальных прав». Должностные лица и государственные органы, задачей которых является уголовное преследование, наделены полномочиями, в соответствии с которыми они совершают действия, обязывающие обвиняемого подчиниться и выполнить законные требования должностных лиц. В свою очередь, у обвиняемого есть права, которые должны неукоснительно соблюдаться. Обвиняемый имеет законное право требовать уважения и соблюдения предоставленных законом прав. Отсюда с непреклонностью должно следовать право обжалования возможных нарушений предоставленных прав.

М.С. Строгович выступал за предоставление обвиняемому более широких прав по обжалованию процессуальных действий и решений следователя. Он предлагал предусмотреть в законе право обвиняемого обжаловать непосредственно в суд санкционированное прокурором решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку считал неэффективным обжалование такого решения прокурору, осуществляющему надзор за следствием, или вышестоящему прокурору [1, с. 39–40].

Но гораздо раньше, в работе 1966 г., посвящённой вопросам социалистической законности, и позднее, в Курсе советского уголовного процесса 1968 г., он признавал, что, с точки зрения усиления гарантий от неправильного заключения под стражу, было бы правильнее «...установить такой порядок, чтобы при избрании заключения под стражу на предварительном следствии этот вопрос решался судом, в особом заседании, с вызовом обвиняемого» [2, с. 284]. Данная мысль учёного претворилась в жизнь лишь с принятием УПК РФ 2001 г.

Для правового положения обвиняемого имеет значение, как определяется сущность уголовного процесса, его задачи. Начиная с ранних работ, М.С. Строгович возражал против определения уголовного процесса только как деятельности государственных органов и должностных лиц, против того, чтобы рассматривать обвиняемого как объект воздействия на него обладающих властными полномочиями участников уголовного процесса. Согласно его позиции, обвиняемый – активный субъект уголовно-процессуальной деятельности, который, реализуя предоставленные ему права, отстаивает свои интересы.

Точка зрения М.С. Строговича относительно сущности и содержания уголовного процесса состоит в следующем. Уголовный процесс – это деятельность всех участников, как наделённых властными полномочиями, так и граждан (обвиняемого, защитника, потерпевшего, его представителя), и правоотношения, возникающие при осуществлении этой деятельности [7, с. 15–20; 2, с. 29–36]. Ценность именно такого понимания уголовного процесса заключается в том, что можно совершенствовать уголовно-процессуальную форму с опорой на гарантии прав участников процесса, обеспечивать в соответствующих правоотношениях корреляцию прав и обязанностей. Напротив, интерпретация процесса, главным образом, как процедуры «затеняет» его содержательную сторону и позволяет оправдывать практически любые упрощения процессуальной формы.

М.С. Строгович был противником упрощения процессуальной формы, считая, что особый порядок производства по делам о преступлениях небольшой тяжести, не представляющих значительной общественной опасности, происходит, как правило, за счёт ограничения прав личности, в основном обвиняемого. Он писал: «По любому уголовному делу решается вопрос о виновности гражданина в совершении уголовного преступления, о его уголовной ответственности за это пре-

ступление, и ему грозит применение уголовного наказания. ...Поэтому по всякому уголовному делу, каково бы ни было существо обвинения, должны быть соблюдены все процессуальные гарантии, обеспечены все права привлечённого лица, предоставлены ему все возможности защиты от предъявленного обвинения» [8, с. 79].

По мнению М.С. Строговича, простота и ясность уголовных дел всегда условна, нередко только кажущаяся. С его точки зрения, противоречит нравственным принципам отношение к отдельным категориям дел как несложным, не требующим соблюдения всех процессуальных гарантий, к которым можно применить упрощение процедуры расследования и судебного разбирательства.

Деятельность обвиняемого как участника процесса заключается в защите им своего законного интереса. Законный интерес обвиняемого, охраняемый уголовно-процессуальным законом, состоит в том, чтобы ему была предоставлена возможность оспаривать обвинение, «представлять доводы и доказательства в своё оправдание или для смягчения своей ответственности». С этой целью он наделяется правами: знать, в чём он обвиняется, представлять доказательства, знакомиться с материалами дела, иметь защитника и т. д. Законный интерес обвиняемого заключается также в том, чтобы его права не были нарушены, чтобы они были обеспечены. Законный интерес состоит также в том, чтобы расследование и судебное разбирательство осуществлялись объективно и беспристрастно; все доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, были собраны и приняты во внимание при оценке обстоятельств дела, учтены все смягчающие ответственность обстоятельства. Определение законного интереса обвиняемого не зависит от того, совершил он в действительности инкриминируемое ему деяние или нет [1, с. 52–53].

Законный интерес, понимаемый в изложенном виде, охраняется законом, и для его защиты могут использоваться все средства и способы, данным законом не запрещённые. Из такого понимания законного интереса следует, что защитник осуществляет защиту законных интересов обвиняемого, являясь его представителем, независимо от того, совершил ли в действительности преступление обвиняемый или нет (на этот вопрос может ответить только суд своим приговором). Защитник ни при каких обстоятельствах не может занять позицию, противоречащую интересам обвиняемого. Если обвиняемый свою вину не признаёт, то защитник при выстраивании своей линии защиты никак не может исходить из дока-

занности вины обвиняемого, независимо от того, какое мнение по этому вопросу сложилось у него при ознакомлении с материалами дела. «Всё, что в какой-либо мере благоприятствует обвиняемому, служит его оправданию или смягчению ответственности, – писал М.С. Строгович, – любое слабое место обвинения, сомнительность обвинительного доказательства, недостаточная аргументированность того или иного утверждения обвинителя... – всё это должно быть предметом внимания защитника» [1, с. 53].

М.С. Строгович был категорически против так называемой альтернативной защиты, когда защитник отстаивает в суде две позиции. В одном случае он просит суд об оправдании подсудимого, поскольку обвиняемый свою вину в преступлении не признаёт, и одновременно просит суд о смягчении участи обвиняемого, если суд вынесет обвинительный приговор. При этом ни одна из позиций защиты не выглядит убедительной. По мнению учёного, «альтернативная защита лишена тех качеств, которые обязательны для защиты: принципиальности, решительности, настойчивости, смелости» [1, с. 59].

Показательны взгляды М.С. Строговича по вопросу законности средств защиты, которые созвучны современному подходу. Закон закрепляет право обвиняемого и его защитника представлять доказательства. Обязан ли защитник подтверждать их достоверность? Должен ли он сам прежде убедиться в их достоверности? По мнению М.С. Строговича, требование достоверности не должно предъявляться к доказательствам, которые представляет сторона защиты. Даже если защитник сам не уверен в достоверности сведений, он должен их представить следователю, суду, которые и должны их проверить [6, с. 254–255].

М.С. Строгович пишет о том, что любое сомнительное доказательство должно быть проверено. Если есть сомнение, что оно достоверно, значит, также не установлено, что оно недостоверно. И если путём всесторонней проверки данного доказательства сомнение устранить не удаётся, а доказательство по своему содержанию является благоприятным для обвиняемого, то оно не должно быть отвергнуто, поскольку любое неустранимое сомнение в силу презумпции невиновности толкуется в пользу обвиняемого.

Защитник для осуществления своей процессуальной функции должен иметь возможность поиска новой информации и представления её следователю и в суд в интересах своего доверителя (например, выяснять круг осведомлённых лиц, которые могут выступать свидетелями по

делу, получать предметы и документы). Мнение М.С. Строговича на этот счёт однозначно. Это вполне законные способы защиты. И нет оснований не доверять адвокатам, полагая, что при собирании необходимых ими сведений они будут действовать с нарушением закона [1, с. 55].

В числе прав обвиняемого особое место принадлежит праву давать показания. Это исключительно право. Обвиняемый не обязан давать показания, соответственно, он и не несёт ответственности за отказ от дачи показаний.

Отношение М.С. Строговича к такому виду доказательств, как показания обвиняемого, выражено в его работах, характеризуется нижеприведёнными положениями. Во-первых, показания обвиняемого – это рядовое доказательство независимо от содержания показаний. Их особенность обусловлена особым процессуальным статусом обвиняемого. Показания обвиняемого – средство защиты им своего интереса. Они даются в связи и по поводу предъявленного обвинения. Обвиняемый может соглашаться с обвинением, признавать свою вину, но может и отрицать предъявленное ему обвинение полностью и частично. Кроме того, обвиняемый в своих показаниях может излагать собственную версию событий. Во всех случаях показания обвиняемого подлежат проверке, как и прочие доказательства, собранные по делу.

Во-вторых, показания обвиняемого должны быть добровольными. Недопустимо ни в какой форме принуждение к даче показаний. «Признание обвиняемым своей виновности не может и не должно быть получено в результате психического воздействия на обвиняемого, угроз его, нажима на него, обещаний смягчения наказания, если он сознается ...» [2, с. 420]. По мнению М.С. Строговича, неправомерно и непозволительно с нравственной точки зрения побуждать обвиняемого к даче признательных показаний обещанием, что суд учтёт это при постановлении приговора.

Как психическое воздействие на обвиняемого, побуждающее его к даче признательных показаний, могут расцениваться многократные вызовы на допрос об одних и тех же обстоятельствах, а также длительные, не ограниченные во времени допросы. В УПК РФ 2001 г. были введены не существовавшие до этого нормы, имеющие целью исключить оказание на обвиняемого воздействия, чтобы получить от него показания. Закон ограничил время допроса без перерыва (4 часа), установил время перерыва для отдыха и приёма пищи в один час (ст. 187 УПК РФ). Часть 4 ст. 173 УПК РФ содержит запрет на повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению, если он отказался

от дачи показаний на первом допросе. В последующем обвиняемый может дать показания по предъявленному обвинению только в случае собственного волеизъявления.

Поскольку показания обвиняемого являются для него средством защиты, постольку он свободен в выборе линии своего поведения в ходе производства по делу, «и от него зависит, придерживаться данных им показаний в дальнейшем или изменить их, дать другие показания. Это право обвиняемого, и лишить его этого права нельзя» [8, с. 129]. М.С. Строгович считал неправомерными попытки должностных лиц вернуть обвиняемого к ранее данным признательным показаниям. Все изменения в показаниях, по его мнению, должны оцениваться по общим правилам на основе совокупности доказательств с учётом всех обстоятельств дела.

Заслуга М.С. Строговича в том, что в уголовно-процессуальном законодательстве появилась норма, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР). С небольшими редакционными изменениями это принципиальное положение закреплено и в действующем УПК РФ (ч. 2 ст. 77 УПК РФ).

М.С. Строгович считал, что переоценка признательных показаний обвиняемого всегда ведёт к обвинительному уклону в практике уголовного судопроизводства. Он возражал против любых попыток каким-либо образом закрепить признание, чтобы психологически затруднить для обвиняемого возможность впоследствии от него отказать. На этом основании он выступал против введения в уголовно-процессуальное законодательство такого следственного действия, как проверка показаний на месте, против аудиозаписи показаний обвиняемого с такой же целью.

Однако современный законодатель не удержался в строгих рамках такого отношения к данному виду доказательств, которое определено в трудах М.С. Строговича. Пример тому – нормативное предписание, содержащееся в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, о том, что показания обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтверждённые в суде, являются недопустимым доказательством.

Нельзя не признать, что мотивы введения данного правила – гуманные: воспрепятствовать оказанию давления на обвиняемого при допросе. Однако на практике это стало формой закрепле-

ния показаний обвиняемого, данных в ходе следования. Во-первых, право иметь защитника превратилось в свою противоположность. Следователи всегда стремятся обеспечить участие защитника в допросе обвиняемого, даже когда обвиняемый явно отказывается от него [9, с. 249]. И если обвиняемый в суде отказывается от этих показаний, то суд оглашает их и, как правило, принимает именно оглашённые показания за достоверные, поскольку они даны в присутствии защитника. А изменение показаний расценивает как стремление подсудимого уйти от ответственности.

Другой пример, связанный с переоценкой признательных показаний обвиняемого в современном законодательстве, – это особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ). Не касаясь вопроса о соотношении понятий «признание вины» и «согласие с предъявленным обвинением», заметим, что согласие с предъявленным обвинением невозможно, когда обвиняемый в ходе допроса отрицает свою вину в предъявленном ему обвинении. Несмотря на то, что производство по правилам главы 40 основывается на свободном волеизъявлении обвиняемого, сложно не признать, что признанию обвиняемым вины при этом придаётся существенное значение. Если учесть масштаб распространения данной процедуры в практике судопроизводства, при которой судебное решение основывается на данных расследования, то, несмотря на ряд условий, такое упрощение судебного разбирательства, в основе которого лежит признание обвиняемым своей вины, – не лучший выбор законодателя.

Гуманистическая направленность научных воззрений М.С. Строговича хорошо видна из содержания тех предложений, которые он считал необходимым отразить в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в 1974 г. в книге о проблемах судебной этики М.С. Строгович предлагал дополнить законодательную регламентацию института реабилитации указанием на меры по ликвидации отрицательных последствий, связанных с необоснованным привлечением лица в качестве обвиняемого и необоснованным осуждением [8, с. 102–104]. Он предлагал расширить перечень прав обвиняемого предоставлением ему права на обжалование действий и решений следователя, и не только по линии прокурорского надзора, но в ряде случаев и в суд; права обжаловать в суд решение о заключении под стражу.

В момент написания работ такие предложения казались несвоевременными и не были под-

держаны законодателем. Но эти идеи дали толчок развитию научной мысли, находили отклик в работах единомышленников, становились той теоретической базой, на основе которой рождалось новое законодательство. Можно с уверенностью сказать, что гуманистические идеи, высказанные на страницах научных трудов М.С. Строговича, явились предтечей колоссального сдвига уголовно-процессуального законодательства в направлении расширения прав личности в уголовном процессе и закрепления в УПК многих демократических принципов, в том числе презумпции невиновности и состязательности.

Пристатейный библиографический список

1. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М.: Наука, 1984.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.
3. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Юриздат НКЮ Союза ССР, 1939.
4. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970.
6. Строгович М.С. Избранные труды: в 3 т. Т. 2. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1992.

7. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

8. Проблемы судебной этики / под ред. чл.-корр. АН СССР М.С. Строговича. М.: Наука, 1974.

9. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М.: Высшее образование, 2009.

References (transliterated)

1. Strogovich M.S. Pravo obvinяемого na zashhitu i prezumpciya nevinovnosti. M.: Nauka, 1984.

2. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovalnogo processa. T. 1. M.: Nauka, 1968.

3. Strogovich M.S. Priroda sovetskogo ugovalnogo processa i princip sostyazatel'nosti. M.: Yurizdat NKYu Soyuzа SSR, 1939.

4. Strogovich M.S. Material'naya istina i sudebny'e dokazatel'stva v sovetskom ugovalnogo processе. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955.

5. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovalnogo processa. T. 2. M.: Nauka, 1970.

6. Strogovich M.S. Izbranny'e trudy: v 3 t. T. 2. Garantii prav lichnosti v ugovalnom sudoproizvodstve. M.: Nauka, 1992.

7. Strogovich M.S. Ugovalnoe presledovanie v sovetskom ugovalnogo processе. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951.

8. Problemy` sudebnoy e'tiki / pod red. chl.-korr. AN SSSR M.S. Strogovichа. M.: Nauka, 1974.

9. Lazareva V.A. Dokazy`vanie v ugovalnom processе. M.: Vy`shee obrazovanie, 2009.

Московская городская коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов»

Moscow city Bar Collegium's «Moscow Guild of lawyer and legal advisers»

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

– правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);

– уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);

– гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО)).

Вы можете обратиться к нам по адресу:

Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402.

Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88.

Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55

Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

Великая Е.В.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОДСУДИМОГО НА ЗАЩИТУ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

Цель: Изучить теоретические и практические аспекты обеспечения права подсудимого на защиту в судебном заседании; сформулировать определение права на защиту, выявить сложности при обеспечении права подсудимого на защиту, выработать соответствующие рекомендации по их разрешению.

Методология: Использовались формально-юридический метод, методы анализа и синтеза.

Результаты: В статье рассмотрено понятие права на защиту, сделан вывод о том, что данное понятие включает в себя не только право лица на получение юридической помощи, но и комплекс иных прав, направленных на защиту от предъявленного обвинения; определен круг лиц, обязанных обеспечивать реализацию подсудимым права на защиту, в том числе защитник; обращено внимание на необходимость обеспечения прав подсудимого при рассмотрении уголовного дела судом, а также на недопустимость злоупотребления стороной защиты предоставленными правами.

Новизна/оригинальность/ценность: По результатам проведенного исследования сформулировано определение права на защиту; выявлены сложности, возникающие при реализации подсудимым такого права, а также факты злоупотребления стороной защиты правом на защиту, предложены пути решения возникающих при обеспечении права подсудимого на защиту проблем.

Ключевые слова: подсудимый, право на защиту, суд, судебное заседание, прокурор, адвокат, злоупотребление правом.

Velikaya E.V.

ENSURING THE RIGHT OF THE DEFENDANT TO PROTECTION IN COURT SESSION

Purpose: To study the theoretical and practical aspects of ensuring the defendant's right to defense in court; to formulate a definition of the right to defense, to identify difficulties in ensuring the defendant's right to defense, to develop appropriate recommendations for their resolution.

Methodology: Methods of analysis, comparative and formal-legal methods were used in the article.

Results: The article considers the concept of the right to defense, concludes that this concept includes not only the right of a person to receive legal assistance, but also a set of other rights aimed at defending against the charges; defines the circle of persons obliged to ensure the realization of the defendant's right to defense, including the defender; draws attention to the need to ensure the rights of the defendant in criminal proceedings by the court, as well as the inadmissibility of abuse of the rights granted by the defense.

Novelty/originality/value: The study helps to identify the difficulties arising in the implementation by the defendant of such a right, and abuse of the facts by the defense right to protection, the proposed solutions arising from the right of a defendant to protection problems.

Keywords: the defendant, the right to counsel, court hearing; attorney, lawyer, abuse of the right.

Понятие права на защиту и его содержание

Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав. Особое значение это приобретает в уголовном судопроизводстве, где права и свободы граждан, особенно привлеченных к участию в деле в качестве подозреваемого или обвиняемого (подсудимого), ограничиваются сильнее всего. Следует отметить, что далеко не все граждане, вовлеченные в уголовный процесс, имеют знания (в том числе юридические), необходимые для осуществления защиты своих прав, свобод и законных интересов. Все без исключения непрофессиональные участники процесса: потерпевший, свидетель, но особенно подозреваемый, обвиняемый (подсудимый) – безусловно нуждаются в квалифицированной юридической помощи с целью надлежащей защиты своих прав и законных интересов. Согласно статье 16 УПК РФ подозреваемому и обвиня-

емому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя. Но закон не раскрывает, что именно понимается под таким правом. Если исходить из буквального толкования закона, то право на защиту можно расценивать как право пользоваться помощью защитника. Однако нельзя ограничивать право на защиту только правом пользоваться помощью защитника, хотя оно является одним из ключевых. О содержании права на защиту можно судить и по международным нормам, в частности, Международному пакту «О гражданских и политических правах» от 16.12.1966 и Конвенции «О защите прав и основных свобод человека и гражданина» от 04.11.1950. Смысл и содержание этих ключевых международных актов применительно к обеспечению права на защиту заключается в том, что подсудимому должны быть предоставлены мак-

симально возможные средства и способы защиты от предъявленного обвинения. К таким возможностям относятся право защищать себя лично, а также с помощью защитника, в случае же отсутствия такового – право иметь назначенного защитника, в том числе безвозмездно, в случае если у подсудимого недостаточно средств для оплаты работы защитника; право задавать вопросы показывающим против него свидетелям, право на то, чтобы эти свидетели были допрошены; право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него и т. д. (статья 14 Международного пакта «О гражданских и политических правах», принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

К российским правовым нормам, закрепляющим право на защиту, относятся Конституция Российской Федерации, а также УПК РФ. Так, статья 45 Конституции РФ гарантирует право лица защищаться всеми способами, не запрещенными законом, часть 1 статьи 48 – получение квалифицированной юридической помощи, а часть 3 статьи 123 – разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон. В УПК РФ права подсудимого закреплены в части 4 статьи 47: пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно (п. 8); знать, в чем он обвиняется (п. 1); возражать против обвинения (п. 3), представлять доказательства (п. 4) и др.

Однако ни Конституция Российской Федерации, ни УПК РФ напрямую не относят вышеперечисленные права к праву на защиту. Лишь в постановлении Пленума от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» Верховный Суд Российской Федерации разъясняет, что именно понимается под правом на защиту. Под правом на защиту понимается не только непосредственно право защищаться лично и (или) с помощью законного представителя. Составляющими являются права: защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами, в том числе давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний; возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; давать объяснения и показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика бесплатно

в случаях, когда обвиняемый не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство; участвовать в ходе судебного разбирательства в исследовании доказательств и судебных прениях; произносить последнее слово; приносить жалобы на действия, бездействие и решения органов, осуществляющих производство по делу; знакомиться в установленном законом порядке с материалами дела (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»).

В юридической науке также немало внимания уделялось понятию права на защиту. Еще М.С. Строгович писал о важности права на защиту: право обвиняемого иметь защитника не только одно из процессуальных прав обвиняемого, наряду с другими его правами, но в то же время процессуальная гарантия всех прав обвиняемого [1, с. 146]. Указывал на особое значение этого права и Л.Д. Кокорев: право на защиту способствует всестороннему, полному и объективному исследованию всех материалов уголовного дела, правильному познанию всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, установлению истины [2, с. 173].

Не утихает интерес к этому вопросу и в современной науке. В частности, понятию права на защиту посвящены работы И.А. Насоновой [3], И.Д. Мальцагова и Б.Р. Накаева [4], праву подсудимого пользоваться помощью защитника – работа О.А. Зайцева и Д.В. Емельянова [5], соотношению права подсудимого на квалифицированную юридическую помощь и права на защиту – работа С.В. Юношева [6].

Соблюдение права на защиту неоднократно являлось предметом рассмотрения Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации.

Все это свидетельствует о значимости предоставления подсудимому права на защиту и его надлежащего обеспечения.

Как уже отмечалось, право на защиту носит комплексный характер, не ограничиваясь только правом пользоваться помощью защитника. Безусловно, для надлежащей защиты подсудимому необходимо знать, в чем он обвиняется (невозможно защищаться от того, чего не знаешь). Данному праву корреспондирует обязанность правоохранительных органов вручить обвиняемому сначала копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого, где изложено существо

обвинения, а по окончании предварительного расследования – копию обвинительного заключения, утвержденного прокурором, где изложено обвинение и приведены доказательства, его подтверждающие. Подсудимому также необходимо участвовать в судебном разбирательстве (личное участие как нельзя лучше позволяет реализовать принцип состязательности сторон и донести до суда свою позицию) – этому праву соответствует обязанность суда уведомить подсудимого о дате и времени судебного заседания; давать показания (УПК РФ содержит статью 275 – допрос подсудимого); представлять доказательства (такая возможность позволяет подсудимому доказывать свою невиновность, опровергать предъявленное обвинение); заявлять ходатайства и отводы; задавать вопросы иным участникам судебного разбирательства и т. д.

По нашему мнению, право подсудимого на защиту включает в себя все предоставленные государством права, позволяющие защищаться от предъявленного обвинения и отстаивать свои права, свободы и законные интересы, а также гарантии реализации этих прав в их совокупности и взаимосвязи.

Обеспечение права подсудимого на защиту

Говоря о праве подсудимого на защиту, нельзя не отметить, что ему коррелируют определенные обязанности со стороны профессиональных участников процесса. Согласно части 2 статьи 16 УПК РФ суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами. В судебном заседании при рассмотрении уголовного дела право подсудимого на защиту обеспечивается в первую очередь судом. Согласно статье 267 УПК РФ председательствующий разъясняет подсудимому права, предусмотренные статьей 47 УПК РФ и статьей 821 УК РФ. Однако предоставленные подсудимому в судебном заседании права не ограничиваются статьей 47 УПК РФ. Кроме данной нормы о правах подсудимого говорят положения части 6 статьи 247 УПК РФ (подсудимый вправе пригласить нескольких защитников), части 2 статьи 292 УПК РФ (право участвовать в прениях сторон), статьи 293 УПК РФ (право на последнее слово) и др.

Представляется, что разъяснение судом подсудимому всего объема прав способствует реализации им своего права на защиту. На наш взгляд, деятельность суда по обеспечению подсудимому права на защиту включает в себя несколько аспектов. Это не только разъяснение подсудимому его

прав, но и приглашение для участия в деле защитника, если сам подсудимый не заключил соглашение с защитником, и предоставление возможности заявить ходатайства и отводы и т. д., т. е. любые действия, направленные на реализацию подсудимым предоставленных ему государством прав. Однако из числа лиц, обеспечивающих реализацию подсудимым своего права на защиту, нельзя исключать прокурора, а также защитника подсудимого. Деятельность прокурора по обеспечению права подсудимого обусловлена его положением в уголовном судопроизводстве, направленным на обеспечение законности производства по уголовному делу. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства» ориентирует прокурора всемерно способствовать принятию судом законного, обоснованного и справедливого решения, соблюдению требований закона о разумном сроке уголовного судопроизводства. При этом законным и обоснованным решением будет только в том случае, если оно было постановлено в соответствии с предусмотренной законом процедурой и с соблюдением прав всех участников уголовного судопроизводства. Потому в случае каких-либо нарушений прав подсудимого в судебном заседании прокурор вправе обратиться в суд на это, заявив суду соответствующее ходатайство, реализуя тем самым свою правозащитную функцию. Если же, по мнению прокурора, суд принял незаконное и (или) необоснованное решение (как итоговое, так и промежуточное), он вправе принести на него представление.

Участие защитника в судебном разбирательстве

Рассматривая вопрос обеспечения права подсудимого на защиту, необходимо особое внимание уделить реализации права пользоваться помощью защитника. Одной из процессуальных гарантий права подсудимого на защиту является участие защитника в судебном разбирательстве [2, с. 177]. Значительная роль защитника в обеспечении права подсудимого на защиту несомненна. Именно оказание им квалифицированной юридической помощи на протяжении всего судебного разбирательства позволяет подсудимому максимально защитить свои права и законные интересы, а кроме того, во многом влияет на то, какое решение примет суд. Невиновному надлежащая помощь защитника позволит добиться оправдания, отвергнув предъявленное обвинение, а лицу, совершившему преступление, – получить справедливое наказание.

Следует отметить, что в уголовном процессе защитником не может являться любое лицо. УПК РФ устанавливает, что им могут выступать адвокаты, а по определению или постановлению суда, наряду с адвокатом, – и другое лицо, о допуске которого ходатайствует подсудимый, в частности, близкий родственник последнего. В то же время, если уголовное дело рассматривается мировым судьей, такое лицо может быть допущено в качестве защитника и вместо адвоката (часть 2 статьи 49 УПК РФ). Если же сам подсудимый не приглашает адвоката для защиты своих интересов, в том числе в связи с материальными трудностями, но при этом не отказывается от помощи защитника, государство обязано обеспечить его защитником в соответствии со ст. 51 УПК РФ, регламентирующей обязательное участие защитника в уголовном процессе.

Как верно отмечал Л.Д. Кокорев, процессуальное положение защитника, его права и обязанности, взаимоотношение с подсудимым и судом определяют, насколько его участие в процессе станет реальной гарантией защиты прав и законных интересов подсудимого [2, с. 177–178].

Полномочия адвоката в уголовном процессе предусмотрены статьей 53 УПК РФ и реализуются путем совершения действий, направленных на защиту подсудимого от предъявленного обвинения.

В ходе оказания подсудимому юридической помощи защитник вправе собирать и представлять доказательства, заявлять ходатайства, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора, суда и участвовать в их рассмотрении судом, приглашать по своей инициативе свидетелей защиты и специалистов в суд и ходатайствовать об их допросе (при этом суд согласно части 4 статьи 271 УПК РФ не вправе отказать в удовлетворении таких ходатайств). В судебном же заседании защитник участвует в исследовании представленных доказательств, излагает суду свое мнение относительно существа и доказанности обвинения, правильности юридической квалификации действий его подсудимого, обстоятельств, смягчающих наказание подсудимого или оправдывающих его, меры наказания, а также иных вопросов, возникающих в ходе судебного заседания [7, с. 27].

Однако не исключены случаи, когда участие защитника в судебном заседании формально (чаще всего это происходит, когда защитник участвует по назначению и занимает пассивную позицию в процессе): защитник не задает вопросы участникам уголовного судопроизводства, не представля-

ет доказательства или документы, которые могли бы повлиять как на решение суда в целом, так и на размер и вид наказания, не заявляет необходимых ходатайств, суть его выступления в прениях сводится к обращению к суду с просьбой не наказывать подсудимого строго и т. д. Такое бездействие защитника нарушает права подсудимого и может привести к постановлению судом незаконного и (или) необоснованного решения. Возникает вполне логичный вопрос: как должен в данной ситуации поступить суд, должен ли прокурор заявить суду ходатайство о вынесении частного определения председателю адвокатской палаты в связи с нарушением права подсудимого на защиту? Если сам подсудимый не заявляет никаких ходатайств суду, не отказывается от защитника, вправе ли суд, прокурор вмешиваться во взаимоотношения подсудимого и защитника?

Ответ на данные вопросы не может быть однозначным. С одной стороны, сама по себе недостаточно активная, по мнению прокурора или суда, деятельность защитника не может служить основанием для внесения частного определения председателю адвокатской палаты. С другой – суд обязан обеспечить соблюдение права подсудимого на защиту. Представляется, что вмешательство суда или прокурора допустимы лишь в исключительных случаях, когда действия защитника явно противоречат интересам подсудимого (например, подсудимый не признает себя виновным в совершении преступления, а адвокат в прениях просит квалифицировать действия подсудимого в соответствии с иной статьей УК РФ или назначить максимально мягкое наказание). В иных же случаях полагаем возможным разъяснить подсудимому право отказаться от защитника, принимающего участие в деле, в соответствии со статьей 52 УПК РФ. При этом суд обязан предложить подсудимому пригласить другого защитника, а в случае отказа подсудимого – принять меры по назначению защитника (если при этом подсудимый не заявляет отказ от любого защитника, а уголовное дело подлежит рассмотрению с обязательным участием защитника, либо если отказ от защитника не был принят судом).

При участии в судебном заседании нескольких защитников подсудимого также могут возникать сложности. В частности, это может быть связано с расхождением позиций защитников, явкой в судебное заседание всех защитников одновременно.

Злоупотребление правом на защиту

Как известно, закон предоставляет подсудимому право защищаться всеми не запрещенными

законом способами (пункт 21 части 4 статьи 47 УПК РФ). Защитник также вправе использовать все не запрещенные законом средства и способы защиты (пункт 11 части 1 статьи 53 УПК РФ).

Однако в некоторых случаях подсудимые и защитники воспринимают данные положения буквально, что приводит к злоупотреблениям правом на защиту. Понятие «злоупотребление правом на защиту» действующее законодательство не содержит. Тем не менее, согласно понятию, данному в толковом словаре русского языка, «злоупотребление» – это проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав, возможностей [8]. Под злоупотреблением же правом понимается особый тип гражданского правонарушения, совершаемого уполномоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм (осуществление права в противоречии со смыслом правовой формы, с выходом за пределы его содержания, с использованием недозволенных способов его реализации) в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения [9, с. 173]. Соответственно, злоупотреблением правом в рамках производства по уголовному делу будут являться такие действия участника уголовного судопроизводства, которые формально осуществляются в рамках УПК РФ, однако, по своей сути, противоречат его положениям.

В то же время следует отличать «злоупотребление правом» от «нарушения закона». К примеру, неоднократное заявление защитником неоправданно большого количества ходатайств (или отводов) об одном и том же по одним и тем же основаниям будет злоупотреблением правом в рамках реализации предоставленных законом прав на заявление ходатайств и отводов. В то время как доведение до сведения присяжных заседателей тех обстоятельств, о которых они не должны быть проинформированы и которые не подлежат исследованию с учетом особенностей такого порядка рассмотрения уголовных дел, предусмотренных частью 7 статьи 335 УПК РФ, будет являться нарушением права [10, с. 106–107]. В таких случаях суд вправе принять меры по ограничению прав стороны, ненадлежащим образом реализующей предоставленные законом права. Соответственно, можно предположить, что такие действия суда нарушат право подсудимого на защиту. Однако это не так. Определенную ясность в понимание того, нарушают ли такие действия суда права подсудимого, внес Верховный Суд Российской Федерации. Так, в постановлении Пленума от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами

законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» он указал на полномочия суда не признавать право обвиняемого на защиту нарушенным и отказывать в удовлетворении ходатайств либо иным образом ограничивать реализацию отдельных правомочий обвиняемого или его защитника. Это допустимо в тех ситуациях, когда защитник недобросовестно использует свои правомочия в ущерб интересам других участников процесса, так как осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц.

Злоупотреблять правом в уголовном судопроизводстве может как сторона обвинения, так и сторона защиты, т. е. сам подсудимый, а также его защитник (защитники). В данной статье хотелось бы обратить внимание на вопросы соотношения злоупотребления правом на защиту подсудимым и (или) его защитником (защитниками). Такие действия (бездействия) направлены на избежание подсудимым уголовной ответственности или (в случае признания его виновным) наказания в виде реального лишения свободы, т. е. любых неблагоприятных последствий, связанных с привлечением к уголовной ответственности.

Применительно к подсудимому следует отметить, что его действия (бездействие) по злоупотреблению правом, направленные на затягивание рассмотрения уголовного дела, могут выражаться в следующем:

- неоднократное заявление отводов судье по различным основаниям (притом надо учитывать, что отвод судье рассматривается в совещательной комнате с вынесением определения или постановления);

- неоднократное заявление отводов защитникам, в том числе в связи с ненадлежащим оказанием юридической помощи (данное обстоятельство влечет за собой вступление в уголовное дело нового защитника, которому необходимо время для ознакомления с материалами уголовного дела);

- неоднократное заявление необоснованных отводов государственному обвинителю, секретарю судебного заседания (каждый раз по разным основаниям);

- повторное заявление ходатайств, одинаковых по своей сути, при отсутствии новых фактических обстоятельств, позволяющих их заявить;

- заявление подсудимым о необходимости предоставления переводчика, так как он недостаточно владеет русским языком, в связи с чем не понимает предъявленного обвинения, не понимает юридических терминов (учитывая, что Россия многонациональная страна, в которой кроме рус-

ского языка используется множество других: ингушский, адыгейский, башкирский, марийский и др., вопрос предоставления подсудимому права пользоваться переводчиком, равно как и злоупотребление этим правом, очень актуален);

– ненадлежащее поведение подсудимого в судебном заседании, препятствующее его проведению (различные выкрики, реплики и высказывания во время допроса или выступления участников судебного разбирательства, симулирование заболевания и т. д.).

Говоря о злоупотреблениях со стороны защитников, в первую очередь следует отметить неявку в судебное заседание. Неявка защитника в судебное заседание приводит к отложению судебного разбирательства. Если же адвокат не является неоднократно, то с каждым последующим судебным заседанием сложнее организовать надлежащую явку всех участников уголовного судопроизводства, прежде всего свидетелей. Такая ситуация может привести к тому, что свидетели не смогут дать достоверные показания относительно произошедших событий, так как с момента совершения преступления пройдет длительное время.

Как и подсудимый, адвокат может злоупотреблять правами на заявление ходатайств и отводов, учитывая, что действующее законодательство не ограничивает участников уголовного судопроизводства количеством предъявленных ходатайств и отводов.

Чаще всего злоупотребления правом проявляются в суде с участием присяжных заседателей. Злоупотребления допускаются с целью оказания влияния на присяжных заседателей, так как именно от их вердикта зависит, оправдают подсудимого или он будет признан виновным.

Безусловно, злоупотреблению правом на защиту нужно и можно противодействовать. Представляется, что меры по пресечению злоупотребления правом на защиту принимаются прежде всего председательствующим, так как именно он руководит судебным заседанием и принимает меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон (часть 1 статьи 243 УПК РФ).

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает регламент судебного заседания. Нарушение порядка в судебном заседании недопустимо, об этом прямо говорит статья 258 УПК РФ. Председательствующий имеет полное право в соответствии с указанной нормой не только предупредить лицо, нарушившее порядок в судебном заседании, но и удалить его из зала судебного заседания. Кроме того, на него может быть наложено денежное взы-

скание. Если речь идет о подсудимом, то ему обязательно предоставляется возможность выступить с последним словом, что является безусловной процессуальной гарантией соблюдения его права на защиту. В случае нарушения порядка судебного заседания защитником суд вправе отложить уголовное дело (при условии, что не представляется возможным без ущерба для уголовного дела заменить данное лицо другим) с одновременным сообщением о нарушениях в адвокатскую палату.

На наш взгляд, в случае выявления фактов злоупотребления со стороны защитника или подсудимого суд должен обратить на это их внимание, а в протоколе судебного заседания должна быть сделана отметка о злоупотреблении правом и недопустимости такого поведения.

В то же время и государственный обвинитель в такой ситуации не может оставаться пассивным наблюдателем. Полагая, что имеет место злоупотребление правом, он вправе заявить суду ходатайство об удалении подсудимого из зала судебного заседания или объявлении адвокату замечания и вынесении частного определения в адрес председателя адвокатской палаты. В случае заявления необоснованных ходатайств и отводов государственный обвинитель вправе возражать против их удовлетворения.

В заключение необходимо отметить, что обеспечение права подсудимого на защиту безусловно очень важно, однако это не должно нарушать права и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, в том числе право на рассмотрение уголовного дела в разумный срок.

Пристатейный библиографический список

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968.
2. Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1973.
3. Насонова И.А. О соотношении понятий «защита», «право на защиту» и «обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту» // Научный портал МВД России. 2009. № 1.
4. Мальцагов И.Д., Накаев Б.Р. Право подсудимого на защиту в уголовном судопроизводстве // Фундаментальные основы правового государства и актуальные вопросы реформирования современного законодательства: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2018.
5. Зайцев О.В., Емельянов Д.В. Обеспечение подсудимому права пользоваться защитником в ходе судебного следствия по уголовному делу // Российское правосудие. 2018. № 5.
6. Юношев С.В. О соотношении права обвиняемо-

го на квалифицированную юридическую помощь и права на защиту // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Юридические науки. 2018. № 2 (33).

7. Великая Е.В. Право подсудимого на защиту как важнейшая составляющая справедливого судебного разбирательства // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сборник статей по материалам научно-практической конференции молодых ученых / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2011. С. 27.

8. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/10107-ZLOUPOTREBLENIE>.

9. JUS EST: Юридическая энциклопедия. Серия «Academia» / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. О.С. Капинус. Т. 3. М.: ООО «Буки Веди», 2017. С. 177.

10. Великая Е.В. Злоупотребление правом на защиту в судебном разбирательстве и способы его преодоления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 5.

References (transliterated)

1. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo processa. M.: Nauka, 1968.

2. Kokorev L.D. Podsudimyy`j v sovetskom ugovnom processe. Voronezh: Izdatel`stvo Voronezhskogo universiteta, 1973.

3. Nasonova I.A. O sootnoshenii ponyatij «zashhita», «pravo na zashhitu» i «obespechenie podozrevaemomu i obvinyaemomu prava na zashhitu» // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2009. № 1.

4. Mal`czagov I.D., Nakaev B.R. Pravo podsudimogo na zashhitu v ugovnom sudoproizvodstve // Fundamental`ny`e osnovy` pravovogo gosudarstva i aktual`ny`e voprosy` reformirovaniya sovremennogo zakonodatel`stva: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Penza, 2018.

5. Zajcev O.V., Emel`yanov D.V. Obespechenie podsudimomu prava pol`zovat`sya zashhitnikom v xode sudebnogo sledstviya po ugovnomu delu // Rossijskoe pravosudie. 2018. № 5.

6. Yunoshev S.V. O sootnoshenii prava obvinyaemogo na kvalificirovannuyu yuridicheskuyu pomoshh` i prava na zashhitu // Vektor nauki Tol`yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2018. № 2 (33).

7. Velikaya E.V. Pravo podsudimogo na zashhitu kak vazhnejshaya sostavlyayushhaya spravedlivogo sudebnogo razbiratel`stva // Aktual`ny`e problemy` yuridicheskoy nauki i praktiki: vzglyad molody`x ucheny`x: sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskoy konferencii molody`x ucheny`x / Akad. Gen. prokuratury` Ros. Federacii. M., 2011. S. 27.

8. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/10107-ZLOUPOTREBLENIE>.

9. JUS EST: Yuridicheskaya e`nciklopediya. Seriya «Academia» / Akademiya General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii; pod obshh. red. O.S. Kapinus. T. 3. M.: ООО «Buki Vedi», 2017. S. 177.

10. Velikaya E.V. Zloupotreblenie pravom na zashhitu v sudebnom razbiratel`stve i sposoby` ego preodoleniya // Vestnik Akademii General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2017. № 5.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Манаенков К.Л.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Цель: Целью данной статьи является анализ правовых проблем регистрации права собственности на объекты долевого строительства с позиции последних изменений действующего законодательства. Автором использован сравнительно-правовой метод действующих нормативно-правовых актов и юридической доктрины.

Методология: В статье были использованы различные методы научного познания. В частности, были задействованы сравнительный, исторический, аналитический и другие методы.

Результаты: По итогам проведенного исследования автором были сделаны следующие выводы. Участие в долевом строительстве жилья предоставило жителям РФ приобрести жилье без рисков, присущих договорам купли-продажи вторичной недвижимости. Институт государственной регистрации договора долевого участия лишил недобросовестных участников рынка возможности повторной продажи квартир.

Новизна/оригинальность/ценность: Автор приходит к заключению о том, что постоянное совершенствование законодательства в области долевого строительства, как показал анализ последних изменений в сфере регистрации права собственности на объекты долевого строительства, способствует должному правовому регулированию в данной области.

Ключевые слова: долевое строительство, риски, законодательство, застройщик, регистрация прав собственности, объект недвижимости, дольщик.

Manaenkov K.L.

LEGAL PROBLEMS OF REGISTRATION OF OWNERSHIP OF SHARED CONSTRUCTION OBJECTS

Purpose: The purpose of this article is to analyze the legal problems of registration of ownership of shared construction objects from the perspective of recent changes in the current legislation. The author uses the comparative legal method of existing legal acts and legal doctrine.

Methodology: Various methods of scientific identification were used in the article. In particular, comparative, historical, analytical and other methods were used.

Results: According to the results of the study the author made the following conclusions. Participation in equity construction of housing provided an opportunity for residents of the Russian Federation to purchase housing without the risks inherent in contracts of sale of secondary real estate. The Institute of state registration of the equity participation agreement deprived unscrupulous market participants of the possibility of re-sale of apartments.

Novelty/originality/value: The Author comes to the conclusion that the constant improvement of legislation in the field of shared construction and similar areas, as shown by the analysis of recent changes in the field of registration of ownership of objects of shared construction, contributes to the proper legal regulation in this area.

Keywords: equity construction, risks, legislation, developer, registration of property rights, real estate object, shareholder.

Участие в долевом строительстве стало в последние годы, пожалуй, одной из популярнейших для граждан нашего государства возможностей получения в собственность недвижимости либо же инвестирования в строительство собственных средств. Однако даже значительная правовая база не смогла полностью обезопасить участников долевого строительства от возможных проблем с получением желанной недвижимости как в области привлечения финансовых ресурсов, так и в области получения на строящиеся объекты недвижимости (чаще – квартиры в многоквартирных домах (МКД)) права собственности.

Причем в долевом строительстве участвуют и граждане, и юрлица, например компания-застройщик, обязующаяся по завершении создания объекта недвижимости передать его в собственность.

Привлекательность такого способа участия изначально, по словам К.С. Авакян, выражалась в том, что «цена на объект недвижимости значительно дешевле, чем подобные предложения вторичного рынка недвижимости (особенно при учете времени начала строительства), участником долевого строительства приобретается абсолютно новое жилье с новыми параметрами, такими как: планировка, площадь, конфигурация общеиспользуемых мест, этажность и т. п., ипотека на жилье, строящееся за счет различного вида госпрограмм, значительно меньше по стоимости, если сравнивать ее с ипотекой вторичного рынка недвижимости (от 7–8 % в год) [1, с. 93].

Однако, как было указано ранее, существует и ряд проблемных моментов. В условиях финансового кризиса мирового и государственного уровня, включая недобросовестность застройщиков,

различные форс-мажорные операции, а также санкций со стороны западных стран, можно отметить крайнюю рискованность увеличения сроков строительства либо вообще риск потери вложенных гражданами финансовых средств в связи с высокой возможностью разорения строительных компаний, а также их мошенническими действиями.

В связи с вышеизложенным актуальность темы данной статьи, посвященной правовым проблемам регистрации права собственности на объекты долевого строительства, не вызывает сомнений.

Д.С. Лукова отмечает, что, согласно п. 1 ст. 4 ФЗ от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ, «договор участия в долевом строительстве есть договор, согласно которому застройщик, как одна из сторон, берет на себя обязанность в конкретный срок, определенный договором, своими ли силами или же с помощью иных лиц создать (выстроить) МКД либо же другой объект из области недвижимости. После же получения разрешения на ввод в эксплуатацию данного объекта эта сторона должна передать соответствующий объект участнику долевого строительства, который, в свою очередь, берет на себя обязанности предоставить обусловленные договором финансовые средства и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию МКД или другого объекта недвижимости» [2, с. 44].

Но А.Н. Шулекин отмечает, что «договоры долевого участия в строительстве широко используются во всем мире. Эта практика получила распространение в связи со стремительным ростом цен на недвижимость и необходимостью сделать жилье более доступным для потребителей. Применительно к Российской Федерации приходится говорить об издержках ее реализации в конце прошлого – начале нынешнего тысячелетия в связи с тем, что дольщики, обманутые недобросовестными застройщиками, не получили своего жилья.

Негативные последствия применения долевого участия в строительстве были обусловлены отсутствием правового регулирования данных отношений. Основной причиной возникновения проблем в строительной отрасли в тот период явилось отсутствие контроля за деятельностью участников со стороны государства [3, с. 35].

А.Н. Шулекин отмечает неосведомленность и невнимание дольщиков к юридическим тонкостям заключаемых договоров и неосмотрительность застройщиков, надеявшихся на преодоление трудностей за счет новых дольщиков [3, с. 35].

Именно поэтому в нынешнем году в законодательстве о долевом строительстве произошли изменения. Теперь сделки по приобретению первичного жилья должны проводиться через эскроу-счета, что может привести к снижению числа застройщиков и росту стоимости жилья.

Владелец приобретенной недвижимости не становится полноправным собственником даже после внесения полной суммы и вселения в квартиру. Полноправным собственником он становится только после государственной регистрации прав собственности на недвижимость и получения удостоверяющего документа. Эта процедура предваряется выполнением прописанных условий и подготовкой пакета удостоверяющих документов застройщиком.

Регистрацию прав собственности на недвижимость регламентируют:

- 1) Федеральный закон № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»;
- 2) Гражданский и Жилищный кодексы (частично);
- 3) Федеральный закон № 214-ФЗ «Об участии собственников в долевом строительстве многоквартирного жилья и других объектов недвижимости».

По окончании строительства застройщик обязан способствовать регистрации покупателями приобретенных по договорам согласно № 214-ФЗ прав на недвижимость совершением следующих действий:

- 1) составить протокол о размещении жилых квартир и коммерческих помещений (если в соответствующем многоквартирном доме (МКД) предусмотрены последние);
- 2) оформить и получить в бюро технической инвентаризации технический паспорт на вновь построенное здание с указанием этажности, планировки, площади дома и площадей отдельно взятых помещений;
- 3) оформить акт приема-сдачи объекта и получить у соответствующего органа власти разрешение на его введение в эксплуатацию;
- 4) поставить МКД на учет в Росреестр;
- 5) присвоить почтовый адрес.

Во взаимоотношениях дольщиков с застройщиком на этом этапе события могут развиваться по двум вариантам:

- 1) застройщик способствует дольщикам в сборе документов, необходимых для регистрации права собственности на приобретенное по договору долевого участия (ДДУ) жилье, – в этом случае оформление указанного права проводится в общем порядке;

2) застройщик бездействует / препятствует в решении этого вопроса – и тогда оформление собственности производится в судебном порядке.

По введении МКД в эксплуатацию квартиры передаются дольщикам в присутствии обеих сторон договора: жилое помещение осматривается, проверяется функционирование коммуникаций, подписывается акт приема-сдачи, и новому владельцу, который после обязан получить кадастровый паспорт на жилье с план-схемой, вручаются ключи.

Постановка МКД на кадастровый учет осуществляется застройщиком вместе с каждым имеющимся в МКД помещением, поэтому дольщикам при оформлении прав собственности нет необходимости самостоятельно ставить объекты на кадастровый учет.

Но часто строительная компания допускает просрочку в оформлении данного паспорта по тем или иным причинам (или беспричинно). В этом случае заинтересованные в скорейшей регистрации прав на недвижимость дольщики вынуждены самостоятельно заказывать в БТИ технические планы жилых помещений и вместе с заявлениями, актами приема-сдачи и договорами направлять в Росреестр заявления о постановке жилья на кадастровый учет.

При регистрации права собственности на приобретенное по ДДУ жилье необходимы перечисленные в п. 11 ст. 48 «О государственной регистрации недвижимости» документы:

- 1) паспорт участвующего в долевой застройке гражданина;
 - 2) договор долевого участия;
 - 3) акт приема-сдачи жилья или иной подтверждающий передачу документ;
 - 4) разрешение органа власти на ввод МКД в эксплуатацию;
 - 5) квитанция об оплате госпошлины.
- Кроме того, могут потребоваться:
- 6) свидетельство о рождении при оформлении жилья на не достигшее совершеннолетия лицо;
 - 7) закладная или кредитный договор при приобретении жилья в кредит;
 - 8) нотариально заверенная доверенность на представителя интересов дольщика;
 - 9) заверенное у нотариуса согласие одного супруга на заключение ДДУ вторым супругом.

Право собственности на приобретенное по ДДУ жилье оформляется лично либо через действие строительной компании. В последнем случае услуга является платной. Кроме того, придется заплатить нотариусу за доверенность

на юриста компании-застройщика. Сама регистрация может занять намного больше времени, чем при личном обращении в соответствующую службу. В случае, когда дольщик принимает решение самостоятельно заняться госрегистрацией прав собственности на жилье, ему нужно напрямую обратиться в Многофункциональный центр (МФЦ) или воспользоваться услугой электронной регистрации права собственности на недвижимость.

Процедура регистрации идентична в обоих случаях, прием документов в МФЦ производится в присутствии представителя застройщика и всех собственников жилья. Регистратор сначала заполняет заявление на осуществление регистрации с внесением в него идентифицирующих новых собственников жилья, его адреса и технических характеристик данных с приложением перечня поданных для регистрации документов, а затем заявитель / заявители подписывают заявление.

Представитель застройщика заполняет отдельное заявление.

Регистратор при приеме документов на регистрацию права собственности выдает об их принятии расписку с указанием даты регистрации права собственности. В указанное время или в иной после этой даты день приобретателям недвижимости выдается их экземпляр ДДУ с надписью о регистрации и актом передачи жилья.

С данного момента бывшие участники ДДУ – дольщики становятся полноправными собственниками приобретенного жилья с правом любым законным способом им распоряжаться.

Согласно п. 1 ст. 16 № 218ФЗ сотрудники МФЦ / Росреестра обязаны произвести в течение семи дней регистрацию права собственности на любую, в том числе приобретенную по ДДУ квартиру, недвижимость.

В течение данного срока:

- 1) принимается заявление о государственной регистрации права на недвижимость;
- 2) проводится юридическая экспертиза поданных для регистрации документов;
- 3) проверяется подлинность последних;
- 4) проверяется законность осуществляемой сделки;
- 5) выявляются / исключаются препятствующие регистрации обстоятельства;
- 6) необходимые сведения вносятся в Единый государственный реестр недвижимости;
- 7) выдаются документы с регистрационной пометкой на ДДУ или другом правовом акте, устанавливающем право на недвижимость.

При необходимости собственник недвижимости может в дальнейшем получить выписку при обращении в Росреестр или многофункциональный центр на свое жилье из Единого государственного реестра недвижимости. И все же, несмотря на доработанную правовую базу, существуют факты нарушения прав и законных интересов гражданина, чьи денежные средства оказались привлечены для строительства МКД.

В заключение можно сделать следующие выводы. Участие в долевом строительстве жилья предоставило возможность жителям РФ приобрести жилье без рисков, присущих договорам купли-продажи вторичной недвижимости. Институт государственной регистрации договора долевого участия лишил недобросовестных участников рынка возможности повторной продажи квартир. Постоянное совершенствование законодательства в области долевого строительства и подобных областях, как показал анализ последних изменений в области регистрации права собственности на объекты долевого строительства, способствует совершенствованию процедуры купли-продажи недвижимости.

Пристатейный библиографический список

1. Авакян К.С., Шумилина А.Б. Защита прав граждан, участвующих в долевом строительстве жилья // Северокавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 92–98.
2. Лукова Д.С. Некоторые вопросы регистрации договора долевого участия в строительстве // Актуальные вопросы научных исследований: сб. статей. Иваново: Цветков, 2017. С. 42–45.
3. Шулекин А.Н. Анализ изменений законодательства в сфере жилищного строительства: переход от долевого строительства к проектному финансированию // Сибирская финансовая школа. 2018. № 4 (129). С. 34–37.

References (transliterated)

1. Avakyan K.S., Shumilina A.B. Zashhita prav grazhdan, uchastvuyushhix v dolevom stroitel'stve zhil'ya // Severokavkazskij yuridicheskij vestnik. 2018. № 2. S. 92–98.
2. Lukova D.S. Nekotory'e voprosy` registracii dogovora dolevogo uchastiya v stroitel'stve // Aktual'ny'e voprosy` nauchny`x issledovaniy: sb. statej. Ivanovo: Cvetkov, 2017. S. 42–45.
3. Shulekin A.N. Analiz izmenenij zakonodatel'stva v sfere zhilishhnogo stroitel'stva: perexod ot dolevogo stroitel'stva k proektnomu finansirovaniyu // Sibirskaya finansovaya shkola. 2018. № 4 (129). S. 34–37.

Монография доступна для скачивания в режиме свободного доступа на сайтах интернет-проекта «Голос адвоката» (<https://golosadvokata.ru/opinions/ragulin>) и журнала «Евразийская адвокатура» (http://www.eurasian-advocacy.ru/PDF/TRAKTAT_RAGULIN.pdf).

А.В. Рагулин

ТРАКТАТ
об Обращении 32-х, принципах,
дискриминации и демократии
в российской адвокатуре

монография

Москва, 2019

Султанов А.Р.

ЛОЖЬ, ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ПРОЦЕССЕ

Цель: Рассмотреть недопустимость лжи в процессе как продолжение принципа добросовестности в гражданском праве.

Методология: Использовались логический, системный, формально-юридический, а также сравнительно-правовой методы.

Результаты: Принцип добросовестности не допускает существования «права на ложь». В процессуальном законодательстве и правоприменительной практике должны быть произведены изменения, которые обеспечили бы эффективную защиту от лжи в процессе. В частности, по мнению автора, судебные акты, основанные на лжи, при вскрытии новых доказательств, свидетельствующих о лжи, должны быть пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья имеет высокую научную ценность и практическую значимость, поскольку в ней рассмотрена важная проблема, которая назрела давно и требует своего разрешения. Автор анализирует причины отставания процессуального законодательства от материального в части запрета лжи и обмана в правоотношениях. По мнению автора, вскрытие факта лжи должно вести к возможности пересмотра судебного акта.

Ключевые слова: ложь, добросовестность, соотношение материального и процессуального права, пересмотр, справедливость.

Sultanov A.R.

LIES, INTEGRITY IN CIVIL LAW AND PROCEEDINGS

Purpose: To consider the inadmissibility of lying in the process as a continuation of the principle of good faith in civil law.

Methodology: Logical, systemic, formal-legal, as well as comparative-legal methods were used.

Results: The principle of good faith does not allow the existence of a «right to lie.» Procedural law and practice should be amended to provide effective protection against lies in the process. In particular, according to the author, the judicial acts based on lies in the opening of new evidence of lies should be reviewed for newly discovered circumstances.

Novelty/originality/value: The article has high scientific value and practical significance, as it addresses an important problem that is long overdue and requires its resolution. The author analyses the reasons for the lag in procedural legislation from material legislation with regard to the prohibition of lies and deception in legal relations. According to the author, the discovery of the fact of lies should lead to the possibility of reviewing the judicial act.

Keywords: lies, integrity, ratio of material and procedural law, revision, justice.

Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божье, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад.

«Право и нравственность. Очерки прикладной этики»
В.С. Соловьев

Всем процессуалистам, получившим образование в советское время, была известна фраза К. Маркса из статьи «Дебаты по поводу закона о краже леса»: «...материальное право, однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы... Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растения связаны с растением, а формы животных – с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни» [13].

В настоящее время ссылка на К. Маркса в научной статье воспринимается как дурной тон. По всей видимости, после долгих лет обязательных цитирований классиков марксизма и ленинизма наука устала от этих цитат, не простив «силлогизм» «марксистское учение истинно, потому что верно» (в качестве редкого исключения можем назвать недавно опубликованную книгу «Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса») [18]. Однако мы полагаем уместным вновь вспомнить об этой цитате, поскольку она все же, на наш взгляд, заставляет задуматься о необходимости одновременного развития материального и про-

цессуального права, об их взаимосвязанности. Вполне возможно рассматривать материальное и процессуальное право как парные правовые категории, которые дополняют друг друга, обеспечивая действенность и всесторонность нормативного воздействия на формирование общественных отношений [6].

Можно смело утверждать, что материальное право России в последние годы развивается в направлении усиления принципа добросовестности. Мы можем видеть это в новых положениях Гражданского кодекса РФ, которые сделали принцип добросовестности основополагающим принципом гражданского права, подкрепленным установлением конкретных правовых последствий. Налоговое право также развивается в направлении противодействия злоупотреблениям в области налоговых правоотношений [3, 16, 17]. Отметим, что чаще всего идет речь лишь о злоупотреблениях налогоплательщиков, хотя бывают ситуации, когда можно и должно говорить о злоупотреблениях налоговых органов, об этом, в частности, говорит применение в налоговых спорах общеправового принципа добросовестности и его составляющей – принципа эстоппель, который предполагает недопустимость осуществления противоречивых действий и поведения.

Дискутируя со своими оппонентами в судебном процессе, ссылаясь, прежде всего, на положения ч. 2 ст. 125 АПК РФ, предусматривавшие возможность заявления ходатайств об истребовании доказательств от ответчика или других лиц, мы неоднократно сталкивались с тем, что стороны настаивали на якобы имеющемся у них праве предоставлять суду только то, что они считают нужным, и не раскрывать имеющиеся у них доказательства, если они этого не хотят, равно как и говорить об обстоятельствах дела так, как им выгодно, а не так, как на самом деле обстояли дела. Особое возмущение вызывало такое поведение представителей государственных органов.

Действительно, как ни удивительно, наше процессуальное законодательство, кроме общей нормы о том, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 2 ст. 41 АПК РФ), не содержит норм, как в других правовых порядках, обязывающих правдиво выступать перед судом и полностью раскрывать все доказательства. Как отмечает Д.Б. Абушенко, «Там, где законодатель полагает необходимым именно правдивое сообщение суду какой-либо информации, он на это прямо указывает (см., например,

нормы о показаниях свидетеля – ч. 1 ст. 70, ст. 176 ГПК РФ, ч. 4 ст. 56 АПК РФ)» [1, с. 158].

В ст. 2 АПК РФ закреплены задачи судопроизводства в арбитражных судах, в частности, задачи, которые безусловно не могут достигнуты при допущении сторонам лжи в процессе:

«ст. 2... 4) укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

5) формирование уважительного отношения к закону и суду;

6) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота».

Проблема лжи в процессе в разное время поднималась российскими учеными [5, с. 736; 8; 13; 19; 24 и др.], равно как и активно обсуждалась зарубежными юристами. Так, немецкий процессуалист Рихард Шмидт даже соглашался на наличие «права на ложь» в процессе, полагая, что главное – это полная свобода сторон и принцип состязательности [5, с. 736]. Его сторонники придерживались мнения о том, что в состязательном процессе, основанном на постулатах римского судопроизводства «*Nemo tenetur armare adversarium (suum) contra se*» (Никто не обязан вооружать своего противника против себя самого) и «*Nemo tenetur prodere seipsum (seipsum prodere)*» (Никто не обязан предавать себя самого), недопустимо вводить какие-либо ограничения в отношении сторон в части выбора ими средств нападения или защиты, в том числе путем запрещения представления суду информации, не соответствующей действительности, и установления за эти действия юридических санкций [14].

Данная точка зрения не возобладала, проиграв категорическому императиву, выведенному Иммануилом Кантом, требующему быть правдивым с другими и запрещающему ложь. В ст. 138 действующего Гражданского процессуального уложения Германии [9] закреплена обязанность сторон давать объяснения по фактам и обязанность говорить правду (сразу же акцентируем внимание на том, что «требуется так называемая субъективная правда; объективная правда не требуется. Только осознанная ложь нарушает данный принцип») [10]. Причем и у этого подхода можно найти римские корни: «*Fraus et jus nunquam cohabitant*» («Обман и правосудие никогда не совмещаются»).

Однако в российском гражданском процессуальном законодательстве даже в то время, когда от суда требовалось установить объективную истину, не было установлено требования о прав-

дивых показаниях сторон. Хотя надо отметить, некоторые ученые предлагали «введение процессуальной процедуры принятия перед судом клятвы-присяги сторонами говорить в суде правду и ничего кроме правды», «предоставить возможность применения судом таких процессуальных мер борьбы с ложью (в случаях доказательного разоблачения лжи), как предупреждение стороны о недопустимости использования ложных сведений и о возможных негативных последствиях злоупотребления (ложью), а также в виде наложения процессуального штрафа (по усмотрению суда в размере, кратном минимальному размеру оплаты труда), прекращения производства по делу, вынесения решения в пользу противоположной (добросовестной) стороны» [11].

Однако по настоящее время подобных мер законодатель в процессуальных кодексах не принял. Но, как справедливо отмечено, порок процессуальной нормы с позиций должного системно-правового функционирования не может «отменять» юридико-регламентируемое правило поведения материального толка [2].

В то же время в Гражданском кодексе РФ принцип добросовестности стал главенствующим и содержит достаточно много норм о негативных последствиях в случае лжи.

К сожалению, лжи в арбитражных судах и судах общей юрисдикции с появлением данных норм не стало меньше, хотя надо отметить, что данная проблема с определенной регулярностью поднимается научной общественностью [17]. Мы не можем не согласиться с тем, что «право на ложь в суде» является фактором, дестабилизирующим правосудие [21].

Допущение лжи в суде подрывает доверие к суду, к его способности выносить справедливые судебные акты. Суды, потеряв доверие, закономерно утрачивают легитимность [7].

Соответственно, ложь вредна, поскольку подрывает возможность выполнения функции правосудия.

Полагаем, что допущение лжи в судебном процессе противоречит самим основам правосудия. «Гражданский процесс является не зависящим от произвола; здесь действует неизменный закон, и произвол влияет на проявление закона только в частностях; всякие попытки организовать гражданский процесс в противность основному закону оказывались безуспешными...» [13, с. 5]. «Закон, вытекающий из природы человека, неизбежно требующей удовлетворения своих потребностей, в дальнейшем неизбежно порождающей между людьми столкновения в области част-

ноправовых отношений, с другой стороны – закон самосохранения государства, неизбежно требующий водворения спокойствия в правоотношениях граждан. Пока будет существовать государство, признающее личность человека, – этот основной закон гражданского процесса будет оставаться неизменным, определяющим процесс законом» [13, с. 8]. Современные философы также обращают внимание на то, что «если краткосрочная цель правосудия в том, чтобы прервать конфликт [19], то не состоит ли долгосрочная цель в том, чтобы восстановить социальные узы, положить конец конфликту, установить мир?».

Ложь, безусловно, является барьером в достижении этих целей. Вынесение несправедливого судебного решения, не основанного на правде, не способно сделать конфликтную ситуацию бесконфликтной. «Руководимая правдой личность отличается не только тем, что держится правил, исполняет обязанности и настойчива в правопритязаниях, но и тем, что берется не принимать фальши, даже если она узаконена» [4].

Наш Гражданский кодекс РФ предусматривает негативные правовые последствия в ситуации с прямым обманом при заключении сделки (ст. 179 ГК РФ), при даче заверений (ст. 431.2 ГК РФ) и даже сокрытии информации (обман путем умолчания) (ст. 179, ст. 431.2, ст. 10 ГК РФ). В.Ф. Яковлев, отмечал, что «метод гражданского процессуального регулирования является продолжением гражданско-правовой позвольтельности» [26]. Развитие принципа добросовестности в гражданском праве должно серьезнейшим образом повлиять на процессуальные кодексы и правоприменительную практику.

Очевидно, что принцип добросовестности не совпадает с запретом злоупотребления правом. Он шире, он не просто запрещает действия на причинение вреда. В частности, он предусматривает, что «при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию (ч. 3 ст. 307 ГК РФ)».

Соответственно, положения абз. 1 ч. 2. ст. 41 АПК РФ, требующие от лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, не должны восприниматься лишь как прелюдия к абз. 2 ч. 2 ст. 41, гласящему, что злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле,

влечет за собой для этих лиц предусмотренные АПК РФ неблагоприятные последствия.

Полагаем, что вскрытие факта, что сторона скрыла от суда и сторон существенное доказательство, обманув суд, должно влечь последствия в виде пересмотра судебного акта и лишения обманувшей стороны возможности ссылаться на принцип правовой определенности.

Если при заключении сделки сторона, добровольно вступая в договорные правоотношения, не вправе утаивать от другой стороны факты, относящиеся к предстоящей сделке, то и в суде она тем более не должна иметь права распоряжаться фактами, утаивая их от суда.

Полагаем логичным и справедливым, что сторона, обманувшая суд, будет жить в ожидании, что ложь вскроется, и дело будет пересмотрено.

Причем в процедуре пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам не должно быть искусственного разделения между обстоятельствами и доказательствами. Данное разделение отсутствует в других правопорядках. Не видим никакой логики в том, чтобы представление нового доказательства, имеющего важное значение для дела и скрытого от суда и лиц, участвующих в деле, могло бы не приниматься судом в качестве основания для пересмотра.

Когда доказательство было сокрыто и от суда, и от стороны, то оно, хотя и служит доказательством уже ранее заявлявшегося обстоятельства в суде, но если является важным для правильного и справедливого решения, должно быть принято, и дело должно быть рассмотрено заново с учетом этого доказательства [21]. Такой подход может обеспечить определенную защиту от лжи в процессе, делая ее невыгодной.

Безусловно, это лишь один из сравнительно легких способов повлиять на ситуацию с ложью в процессе, и он не является единственным действием, которое должно быть предпринято.

Однако реализация данного подхода может быть достаточно быстро осуществлена толкованием высших судебных инстанций, Верховного Суда РФ либо Конституционного Суда РФ [22], которое может заложить вектор искоренения лжи (безусловно, каждый шаг в этом направлении должен быть тщательно продуман) в гражданском процессе и повышения доверия к суду.

Благополучие страны, а также ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия [25].

Только наличие эффективных средств защиты от лжи в процессе соответствует принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства – все ждут от судов справедливости, а не поощрения лжи и обмана.

Пристатейный библиографический список

1. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. Тверь, 2013.
2. Азми Д.М. К вопросу о системном значении и соотношении материального и процессуального права // Законодательство и экономика. 2010. № 2. С. 24–30.
3. Анищенко Д.Е. Эстоппель в налоговом праве // Налоговед. 2019. № 4. С. 23–31.
4. Арановский К.В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право // Правоведение. 2003. № 6. С. 189.
5. Бугаевский А. Ложь в гражданском суде // Право: еженедельная юридическая газета. 1909. № 12.
6. Васильев А.М. Правовые категории. М., 1976. С. 20.
7. Гаджиев Г.А. Закон «О Конституционном Суде РФ»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 25.
8. Гедда А.Н. Недобросовестность сторон в гражданском процессе: Заметки из судебной практики // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 1. С. 7–8.
9. Гражданское процессуальное уложение Германии. М., 2006. С. 54.
10. Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 523.
11. Коваленко А.Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М., 2002. С. 200.
12. Малинин М.И. Теория гражданского процесса. Одесса, 1881.
13. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 158.
14. Молчанов В.В. Об ответственности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 10. С. 28–31.
15. Могут ли судебные представители или стороны в гражданском споре лгать суду о фактах спора? Научно-практический круглый стол [Электронный ресурс]. URL: http://m-logos.ru/publications/nauchno-prakticheskyy_kruglyy_stol_mogut_li_sudebnye_predstaviteli_ili_storony_v_gragdanskom_spore_lgat_sudu_o_faktah_spora/.
16. Определение ВС РФ от 21.02.2017 № 305-КГ16-14941/.
17. Определение СКЭС ВС РФ от 2 июля 2019 года № 310-ЭС19-1705.
18. Право, закон и суд в ранних трудах Карла Маркса (к 200-летию со дня рождения К. Маркса): сборник статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.С. Автономов и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019.
19. Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 259.

20. Розин Н. Ложь в процессе // Право: еженедельная юридическая газета. 1910. № 48. С. 2898.

21. Султанов А.Р. Как повысить уважение к суду, или пересмотр возможен // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Вып. IV. Казань, 2019. С. 210–217.

22. Султанов А.Р. О неконституционности толкования ст. 311 АПК РФ, не допускающего пересмотра при выявлении новых доказательств, скрытых от суда другой стороной // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 2 (25) С. 52–61.

23. Терехин В.А., Захаров В.В. Право на ложь в суде как фактор дестабилизации правосудия // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. 2015. Т. 3. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://esj.pnzgu.ru/>.

24. Фукуяма Ф. Доверие. М., 2004.

25. Юдин А.В. Имеют ли стороны право на «ложь» в гражданском процессе? // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 32–34.

26. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений // Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 2012.

References (transliterated)

1. Abushenko D.B. Problemy` vzaimovliyaniya sudebny`x aktov i yuridicheskix faktov material'nogo prava v civilisticheskom processe: monografiya. Tver`, 2013.

2. Azmi D.M. K voprosu o sistemnom znachenii i sootnoshenii material'nogo i processual'nogo prava // Zakonodatel'stvo i e`konomika. 2010. № 2. S. 24–30.

3. Anishhenko D.E. E`stoppel` v nalogovom prave // Nalogoved. 2019. № 4. S. 23–31.

4. Aranovskij K.V. Aksiologiya pravdy` v rusском mirovozzrenii i gosudarstvennoe pravo // Pravovedenie. 2003. № 6. S. 189.

5. Bugaevskij A. Lozh` v grazhdanskom sude // Pravo: ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta. 1909. № 12.

6. Vasil`ev A.M. Pravovy`e kategorii. M., 1976. S. 20.

7. Gadzhiev G.A. Zakon «O Konstitucionnom Sude RF»: novelty` konstitucionnogo sudoproizvodstva 2010 g. // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 10. S. 25.

8. Gedda A.N. Nedobrosovestnost` storon v grazhdanskom processe: Zametki iz sudebnoj praktiki // Zhurnal Ministerstva yusticii. 1910. № 1. S. 7–8.

9. Grazhdanskoe processual`noe ulozhenie Germanii. M., 2006. S. 54.

10. Zhalinskij A., Rerixt A. Vvedenie v nemeckoe pravo. M., 2001. S. 523.

11. Kovalenko A.G. Institut dokazy`vaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve. M., 2002. S. 200.

12. Malinin M.I. Teoriya grazhdanskogo processa. Odessa, 1881.

13. Marks K. Debaty` po povodu zakona o krazhe lesa // Marks K., E`ngel's F. Soch. T. I. S. 158.

14. Molchanov V.V. Ob otvetstvennosti v grazhdanskom sudoproizvodstve // Arbitrazhny`j i grazhdanskij process. 2010. № 10. S. 28–31.

15. Mogut li sudebny`e predstaviteli ili storony` v grazhdanskom spore l`gat` sudu o faktax spora? Nauchno-prakticheskij krugly`j stol [E`lektronny`j resurs]. URL: http://m-logos.ru/publications/nauchno-prakticheskyy_kruglyi_stol_mogut_li_sudebnye_predstaviteli_ili_storony_v_gragdanskom_spore_l`gat_sudu_o_faktah_spora/.

16. Opređenje VS RF ot 21.02.2017 № 305-KG16-14941/.

17. Opređenje SKE`S VS RF ot 2 iyulya 2019 goda № 310-E`S19-1705.

18. Pravo, zakon i sud v rannix trudax Karla Marksa (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa): sbornik statej / T.Ya. Xabrieva, V.V. Lazarev, A.S. Avtonomov i dr.; otv. red. V.V. Lazarev. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2019.

19. Riker P. Spravedlivoe. M., 2005. S. 259.

20. Rozin N. Lozh` v processe // Pravo: ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta. 1910. № 48. S. 2898.

21. Sultanov A.R. Kak povы'sit` uvazhenie k sudu, ili peresmotr vozmozhen // Aktual'ny`e problemy` teorii i praktiki konstitucionnogo sudoproizvodstva. Vy`p. IV. Kazan`, 2019. S. 210–217.

22. Sultanov A.R. O nekonstitucionnosti tolkovaniya st. 311 APK RF, ne dopuskayushhego peresmotra pri vy`yavlenii novy`x dokazatel'stv, skry`ty`x ot suda drugoj storonoy // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2019. № 2 (25) S. 52–61.

23. Terexin V.A., Zaxarov V.V. Pravo na lozh` v sude kak faktor destabilizacii pravosudiya // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal. 2015. T. 3. № 3 [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://esj.pnzgu.ru/>.

24. Fukuyama F. Doverie. M., 2004.

25. Yudin A.V. Imeyut li storony` pravo na «lozh`» v grazhdanskom processe? // Rossijskaya yusticiya. 2006. № 6. S. 32–34.

26. Yakovlev V.F. Grazhdansko-pravovoj metod regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij // Yakovlev V.F. Izbranny`e trudy`. T. 2. M., 2012.

Швец Ю.Ю.

СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Цель: Уточнение содержания конституционного права человека на охрану здоровья с позиций национального и международного законодательства и юридической науки.

Методология: Применялся метод конкретизации путем привязки нормативного формирования юридической мысли.

Результаты: Статья посвящена освещению проблемы уточнения содержания категории «право на охрану здоровья». Проанализированы содержательное и сущностное соотношение права на здравоохранение с другими конституционными правами. На основании проведенного анализа сделан вывод, что понятие «право на здоровье» семантически шире, чем понятие «право на охрану здоровья». Они соотносятся как общее и отдельное. Право на охрану здоровья касается специфических проблем здравоохранения. Использование подобного подхода определяет взаимосвязь системы конституционных прав и политической ситуации в стране.

Новизна/оригинальность/ценность: В статье выделены полноценные этапы развития системы подходов к определению части конституционного права.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, конституционные права, конституция, аннотация.

Shvets Yu.Yu.

CONTENTS OF THE HUMAN CONSTITUTIONAL RIGHT TO HEALTH

Purpose: The clarification of the content of the constitutional human right to health protection from the standpoint of national and international legislation and legal science.

Methodology: Concretization, by linking the normative formation of legal thought.

Results: The article is devoted to the coverage of the problem of clarifying the content of the category «right to health protection». The substantial and essential correlation of the right to healthcare with other constitutional rights is analyzed. Based on the analysis, it was concluded that the «right to health» is semantically broader than the concept of «right to health care»; they are correlated as general and separate; The «right to health care» swings specific health problems. The use of this approach determines the relationship of the system of constitutional rights depending on the political situation in the country.

Novelty/originality/value: Highlighting the full stages of the development of a system of approaches to determining part of constitutional law.

Keywords: right to health care, constitutional rights, constitution, abstract.

В Конституции Украины провозглашено, что жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность человека являются высшей ценностью (ст. 3) [1]. В этом конституционном предписании здоровье определено как ценность и первичная и исходная предпосылка жизнедеятельности каждого человека. Поэтому из многочисленных прав, которые предусматривает Основной Закон нашего государства, можно выделить право человека на охрану здоровья как право, которое гарантирует его физическое существование и является условием обеспечения всех других прав человека. Законодательство Украины определяет здоровье как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов (ст. 93 Основ законодательства Украины о здравоохранении) [2].

Такое понимание понятия здоровья соответствует преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения. Приведенное определение имеет абсолютный характер, то есть, согласно

этой позиции, формируется предел идеального здоровья, который, по понятным причинам, остается для большинства населения недостижимым. Но это не значит, что лица, которые не являются носителями такого идеального состояния, на практике не наделены благом здоровья. Итак, с этих позиций невозможно говорить о состоянии нездоровья. Больной также наделен благом здоровья, которое отличается от состояния болезни определенными качественными и количественными показателями. Так, М. Амосов считал, что определения здоровья как комплекса нормативных морфофункциональных показателей организма человека недостаточно, поскольку необходима еще и количественная оценка здоровья [3, с. 57]. Исходя из высказанных соображений, актуализируется потребность уточнения содержания конституционного права человека на охрану здоровья.

В основу статьи положены анализ норм международного и национального законодательства, а также результаты научных поисков таких уче-

ных, как М. Амосов, Р. Стефанчук, А. Пунда, В. Бегун, В. Москаленко, А. Соснина.

В современной юридической науке имеются различные взгляды и позиции относительно определения права человека на здоровье. Так, по мнению Р. Стефанчук, право на здоровье – это субъективное право физических лиц, которое возникает в отношении здоровья как нематериального блага и обеспечивает владение, пользование, распоряжение этим благом, а также его правовую охрану [4, с. 24].

А. Пунда считает, что право на здоровье можно определить как личное неимущественное право человека (физического лица), совокупность различного рода правомочий, связанных с регулированием отношений по осуществлению потребления блага здоровья, самостоятельно или с помощью других лиц в сфере частной жизни продолжающегося на протяжении всей жизни [5, с. 82]. Но при этом какие бы дефиниции ни предлагались учеными, право человека на здоровье является абсолютным неотъемлемым правом, которым он наделен от рождения. Оно занимает ведущее место во всей системе личных прав человека и гражданина.

Кроме различных подходов к толкованию дефиниции «право человека на здоровье» и дискуссий относительно правовой корректности использования этого термина актуальным является вопрос обеспечения такого права. По мнению В. Бегуна, обеспечить права человека – означает создать условия, при которых они уважаются и признаются как государством, так и лицом, а также эффективно реализуются, при необходимости защищаются, с помощью права [6, с. 18].

Статья 49 Конституции Украины недвусмысленно закрепляет, что «каждый имеет право на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование» [1]. При этом не определено, кто именно этот «каждый»: гражданин Украины, иностранный гражданин, апатрид или бипатрид, лицо без гражданства. Проведя анализ нормативно-правовых актов по вопросам правового положения иностранцев и многочисленных межгосударственных и международных актов, конвенций, соглашений, мы выяснили, что нормы Конституции по охране здоровья касаются всех лиц, независимо от их гражданства или отсутствия такового. Но вопрос их бесплатности гораздо сложнее. Все понятно относительно граждан Украины, проживающих в стране: именно им «в государственных и коммунальных учреждениях здравоохранения медицинская помощь предоставляется бесплатно» (ч. 3 ст. 49) [1]. Могут

ли неграждане Украины воспользоваться этим правом – вопрос открытый и дискуссионный.

Содержание конституционного права на охрану здоровья детализируется в главах I и II Конституции Украины. В ст. 3 Основного Закона четко указано: «Человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью».

Более того, Конституция гласит, что «права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Государство отвечает перед человеком за свою деятельность. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства».

Согласно этой статье жизнь и здоровье человека отнесены к главным национальным и социальным ценностям, ответственность за охрану которых берет на себя государство. Таким образом, право гражданина на жизнь и здоровье отождествляется с правом на охрану его жизни и здоровья государством. Можно полностью согласиться с В. Москаленко, который объединяет упомянутые понятия в формуле ПО / ПОЗ [7, с. 25].

Непосредственное отношение к реализации конституционного права человека на охрану здоровья имеет ст. 49 Конституции Украины, которой определено, что «каждый имеет право на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование». Конституцией также предусмотрено, что «охрана здоровья обеспечивается государственным финансированием соответствующих социально-экономических, медико-санитарных и оздоровительно-профилактических программ». Основной Закон не уточняет содержания этих программ, но в нем чувствуется стремление гарантировать реализацию такого права: «Государство создает условия для эффективного и доступного для всех граждан медицинского обслуживания. В государственных и коммунальных учреждениях здравоохранения медицинская помощь предоставляется бесплатно; имеющаяся сеть таких учреждений не может быть сокращена. Государство способствует развитию лечебных учреждений всех форм собственности» [1].

Эта же статья содержит положения, свидетельствующие о профилактической направленности здравоохранения, поскольку отмечает, что «государство заботится о развитии физической культуры и спорта, обеспечивает санитарно-эпидемическое благополучие».

Указанные направления реализации конституционного права на охрану здоровья дополня-

ются ст. 50 Конституции Украины, которой определено: «Каждый имеет право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение причиненного нарушением этого права вреда. Каждому гарантируется доступ к информации о состоянии окружающей среды», которая «никогда не может быть засекречена». Так, если сравнить действующие конституционные нормы, касающиеся профилактики здорового образа жизни, с похожими конституционными нормами других стран, то окажется, что Конституцией Украины не на должном уровне предусмотрены мероприятия по профилактике здорового образа жизни. Например, здравоохранение в Словакии определяется как система мероприятий, направленных на предупреждение возникновения и ограничения распространения нарушения здоровья, улучшение здоровья путем заботы о здоровом жизненном и рабочем пространстве, пропаганда здорового образа жизни заведениями по охране здоровья [8].

Хотя понятия «право человека на здоровье» и «право человека на охрану здоровья» семантически близкие, они имеют существенные смысловые оттенки и различия.

Право человека на здоровье охватывает широкий спектр явлений и практик, связанных со здоровьем. К этому спектру непосредственно относятся и право на охрану здоровья. Поэтому право человека на охрану здоровья целесообразно рассматривать как часть права человека на здоровье.

Конечно, можно еще предложить понятие «право на медицинский уход» или «право на адекватный уровень здоровья» и т. п., которые точно обозначат тот или иной узкий аспект права человека на здоровье. Или можно воспользоваться неудобной для использования формулировкой ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах: «Право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья» [9]. Однако такие неологизмы усилят терминологическую разноречивость и мало послужат для описания феномена здоровья.

Несмотря на этимологическую близость, как отмечает А. Соснина, юридическая теория различает понятия охраны и защиты прав человека [10, с. 42]. М. Воробьев определяет охрану как конституционный принцип, принцип деятельности государства, а защиту – как деятельность суда по реализации этого принципа в каждом конкретном случае [11, с. 24]. Понятие «защита прав» признается более узким по сравнению с «охраной прав». Институт защиты прав начинает применяться в случае нарушения этих прав. Охрана прав имеет

более широкий спектр конституционного воздействия и направлена на обеспечение и создание соответствующих условий их реализации.

Проведенный нами анализ позволяет определить в широком смысле охрану как совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание долголетия и активного образа жизни, предоставление ему медицинской помощи в случае утраты здоровья.

Согласно широкому толкованию этой общественной практики возможно определить комплекс базовых мероприятий, государственных, коллективно-групповых и личностных действий, направленных на защиту жизни и здоровья каждого человека и всего населения.

Узкий подход, который преимущественно был присущ советской правовой парадигме [12, 13], предполагает, что конституционное право на охрану здоровья – это обеспеченная (гарантированная) государством возможность лица получить медицинскую помощь или с помощью других медицинских мероприятий обеспечить поддержание своего здоровья на должном уровне или его восстановление в случае необходимости.

Считаем, что в узком смысле здравоохранение целесообразно рассматривать как систему правовых, социально-экономических и лечебно-профилактических средств, направленных на сохранение здоровья человека.

Конституцией Украины и международными документами предусмотрено: человек, независимо от расы, религии, политических убеждений, экономического и социального положения, имеет право на наивысший достижимый уровень здоровья. Каждый имеет право для сохранения своего здоровья, то есть для комплексного социального благополучия, на доступ к пище, одежде, жилищу, природным ресурсам, качественному и доступному в экономическом и географическом смысле медицинскому уходу и необходимому социальному обслуживанию. Государства должны принять меры для создания условий, способствующих реализации права человека на здоровье, и обеспечить возможность его судебной защиты в случае нарушения.

Право человека на здоровье включает в себя как свободы, так и права. К числу конституционных свобод относятся, например, свобода контроля за своим здоровьем и телом, включая половую

и репродуктивную свободу. Перспективными направлениями дальнейших научных исследований видим исследования взаимосвязи свобод и прав человека в сфере здравоохранения.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.
2. Основы законодательства Украины о здравоохранении: Закон Украины от 19 ноября 1992 г. № 2801 [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2801-12>.
3. Амосов Н. Раздумья о здоровье. М.: Мол. гвардия, 1978.
4. Стефанчук Г. Гражданское право Украины: учеб. пособ. Киев: Прецедент, 2005.
5. Пунда О. Понятие и содержание права на здоровье // Вестник Хмельницкого института регионального управления и права. 2003. № 3–4 (7–8). С. 79–84.
6. Бегун В. Судебное право понимания в механизме обеспечения прав человека [Электронный ресурс]. URL: <http://bihun.in.ua/jushits/jurhit/article/632/>.
7. Москаленко В. Рекомендация права на жизнь и права на здоровье в Конституции Украины, ее соответствие международному законодательству: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Национального медицинского университета им. А.А. Богомольца. 2005. № 2. С. 23–32.
8. Zakon Narodnej Rady Slovenskej Republiky z 24 augusta 1994 «O ochrane zdravia ludi» // ASPI. 2004.
9. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_042.
10. Соснина А. Совершенствование юридического механизма защиты прав человека // Проблемы государства и защиты прав человека в Украине: материалы II региональной научной конференции (февраль 1996 г.). Львов, 1996. С. 41–45.
11. Воробьев М. Охрана гражданских прав – конституционный принцип советского государства // Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального законодательства: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1982. С. 22–29.
12. Воеводин Л. Конституционные права и обязанности советских граждан. М.: МГУ, 1972.
13. Волков В. Конституционное право на охрану здоровья советских людей // Конституция СССР и право-

вое положение личности. М.: Ин-т государства и права АН СССР, 1979. С. 98–103.

References (transliterated)

1. Konstituciya Ukrainy` ot 28 iyunya 1996 g. № 254k/96-VR [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.
2. Osnovy` zakonodatel`stva Ukrainy` o zdra-vooxranenii: Zakon Ukrainy` ot 19 noyabrya 1992 g. № 2801 [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2801-12>.
3. Amosov N. Razdum`ya o zdorov`e. M.: Mol. gvardiya, 1978.
4. Stefanchuk G. Grazhdanskoe pravo Ukrainy`: ucheb. posob. Kiev: Precedent, 2005.
5. Punda O. Ponyatie i sodержanie prava na zdorov`e // Vestnik Xmel`niczkogo instituta regional`nogo upravleniya i prava. 2003. № 3–4 (7–8). S. 79–84.
6. Begun V. Sudebnoe pravo ponimaniya v mexanizme obespecheniya prav cheloveka [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://bihun.in.ua/jushits/jurhit/article/632/>.
7. Moskalenko V. Rekomendaciya prava na zhizn` i prava na zdorov`e v Konstitucii Ukrainy`, ee sootvetstvie mezhdunarodnomu zakonodatel`stvu: sostoyanie, problemy` i perspektivy` // Vestnik Nacional`nogo medicinskogo universiteta im. A.A. Bogomol`cza. 2005. № 2. S. 23–32.
8. Zakon Narodnej Rady Slovenskej Republiky z 24 augusta 1994 «O ochrane zdravia ludi» // ASPI. 2004.
9. Mezhdunarodny`j pakt ob e`konomicheskix, social`ny`x i kul`turny`x pravax ot 16 dekabrya 1966 g. [E`lektronny`j resurs]. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_042.
10. Sosnina A. Sovershenstvovanie yuridicheskogo mexanizma zashhity` prav cheloveka // Problemy` gosudarstva i zashhity` prav cheloveka v Ukraine: materialy` II regional`noj nauchnoj konferencii (fevral` 1996 g.). L`vov, 1996. С. 41–45.
11. Vorob`ev M. Oxrana grazhdanskix prav – konstitucionny`j princip sovetskogo gosudarstva // Problemy` dejstviya i sovershenstvovaniya sovetskogo grazhdanskogo processual`nogo zakonodatel`stva: mezhvuz. sb. nauch. trudov. Sverdlovsk, 1982. С. 22–29.
12. Voevodin L. Konstitucionny`e prava i obyazannosti sovetskix grazhdan. M.: MGU, 1972.
13. Volkov V. Konstitucionnoe pravo na oxranu zdorov`ya sovetskix lyudej // Konstituciya SSSR i pravovoe polozhenie lichnosti. M.: In-t gosudarstva i prava AN SSSR, 1979. S. 98–103.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Курчев В.С., Беляев А.Д.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОНТЕКСТЕ ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Цель: Предложение методов улучшения защиты прав граждан путем внесения в концепцию антикоррупционной экспертизы лингвистических инструментов анализа.

Методология: В ходе исследования использовались формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-правовой методы.

Результаты: Исследована концепция ясности и неясности в законе, проведен анализ научных теорий, предложены пути улучшения защиты конституционных прав граждан посредством внесения в антикоррупционный анализ лингвистических инструментов.

Новизна/оригинальность/ценность: Сформулированы предложения по внесению концепции ясности и неясности в закон в систему законодательства с целью защиты интересов граждан. Статья вносит предложения по закреплению обязательного проведения лингвистической экспертизы на уровне субъектов федерации путем включения его в «Типовое положение о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации» и принятию соответствующих изменений в положениях о комиссии в субъектах путем закрепления за комиссиями в субъектах обязанности проводить лингвистическую экспертизу в процессе антикоррупционной экспертизы как часть последней.

Ключевые слова: правовая экспертиза, лингвистическая экспертиза, конституционные права.

Kurcheev V.S., Belyaev A.D.

THE LINGUISTIC ASPECT OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE IN THE CONTEXT OF PROTECTING CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS

Purpose: The searching of methods to improve the protection of citizens' rights by introducing linguistic analysis tools into the concept of anti-corruption expertise.

Methodology: Formal-legal, comparative-legal, and systemic legal methods were used in the study.

Results: The concepts of clarity and ambiguity in the law have been investigated, an analysis of scientific theories has been carried out, ways to improve the protection of constitutional rights of citizens by introducing linguistic tools into the anti-corruption analysis have been proposed.

Novelty/originality/value: Proposals have been formulated to introduce the concept of clarity and ambiguity in the law into the system of legislation to protect the interests of citizens. The article makes proposals to consolidate the mandatory linguistic examination at the level of the constituent entities of the Russian Federation, including it into the «Typical Regulation on the Commission for Coordination of Work on combating corruption in the constituent entity of the Russian Federation». It is recommended to adopt the corresponding amendments to the provisions on the commission in the constituent entities, having assigned the duty to the commissions in the subjects to conduct a linguistic examination in the process of conducting an anti-corruption examination, as the part of the latter.

Keywords: legal examination, linguistic examination, constitutional rights.

Введение

Коррупция является одной из существенных современных проблем государственного управления и всего права в целом. Задача государства – гарантировать в максимальной степени защиту прав граждан. Для этого необходимо разработать законодательство, которое было бы способно регулировать систему государственного и муниципального управления таким образом, чтобы она в максимальной степени ограничивала коррупцию и в наибольшей мере реализовывала конституционные права граждан.

В данной статье анализ продуктов речевой деятельности исследуется с точки зрения защиты конституционных прав граждан, а лингвистическая экспертиза рассматривается как часть пра-

вовой экспертизы, а также инструмент антикоррупционной экспертизы. Правовая экспертиза в данном вопросе не может быть ограничена рамками простой проверки на соответствие нормативного акта или проекта вышестоящим нормативным документам.

Так как качественное законодательство представляет собой залог соблюдения прав граждан, а реализация естественных прав личности является основной задачей правового государства, вопросы совершенствования методов антикоррупционного анализа не перестают быть актуальными. В современных реалиях защита естественных прав стала смыслоформирующей задачей эволюции юридических норм и целых юридических институтов.

Понятие лингвистической экспертизы

Авторы статьи полагают, что только сравнение данных из разных источников позволяет сделать обоснованный вывод о свойствах того или иного явления. Давайте обратимся к позиции ученых.

К.И. Плетнев утверждает, что «экспертиза – это основанное на использовании накопленных человеческих знаний и опыта изучение каких-либо вопросов, проводимое по определенным правилам, специально отобранными высококвалифицированными специалистами с целью обеспечения принятия решений по данным вопросам наиболее полным объемом необходимой и достаточной для этого информации» [17, с. 10].

А.Н. Миронов дает следующее определение экспертизы проекта нормативно-правового акта: «проводимое экспертом, обладающим специальными познаниями, в закрепленном процессуальном порядке исследование, имеющее целью установление необходимой информации об обстоятельствах, существенных для принятия уполномоченными субъектами качественного и эффективного нормативного правового акта» [16]. Лингвистическая экспертиза является неотъемлемой частью комплексной экспертизы, так как ясность – одна из основных черт хорошего закона, и без ясности, точности и последовательности закон не имеет предсказуемости. Верховенство закона требует, чтобы, насколько это возможно, субъекты права заранее знали, чего требует от них закон, что он им дает и какое поведение они могут ожидать от чиновников. Поэтому важно, чтобы предложенный субъектом законодательной инициативы законопроект был как можно более простым и понятным. Это может быть достигнуто только путем использования аспектов ясности, точности и однозначности в качестве инструментов эффективного законотворчества. В современных условиях защита естественных прав стала смыслоформирующей задачей эволюции юридических норм и целых юридических институтов.

В связи с этим лингвистическая экспертиза представляет интерес как инструмент защиты прав граждан, действующий посредством экспертизы нормативных актов и других письменных источников речи на предмет нарушения ими охраняемых законом прав.

Часть 7 статьи 121 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации дает легальное определение понятия «лингвистическая экспертиза»: «лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам со-

временного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [15].

Во многих органах и учреждениях лингвистическая экспертиза стала частью проверки проектов локальных нормативных актов.

Так, пункт 3.13 Положения Центрального Банка Российской Федерации «О правилах подготовки нормативных актов Банка России» гласит: «Лингвистическая экспертиза проектов проводится уполномоченным работником Юридического департамента перед их согласованием руководителем Юридического департамента» [19].

По мнению В.Б. Исакова, «лингвистическая экспертиза законопроектов предполагает изучение системы понятий законопроекта, проверку этой системы на полноту, тавтологичность, противоречивость, достижение последовательности и логичности изложения, простоты и ясности грамматических конструкций, смысловой «прозрачности» юридического текста» [8]. В данном определении представляется интересным видение автора о том, что экспертиза должна проверять акты на логичность построения, хотя сами языковые конструкции, которые изучает лингвистика, не всегда логичны. Г.В. Кусков предлагает достаточно лапидарное определение: «Лингвистическая экспертиза представляет собой вид лингвистического анализа, назначаемого уполномоченным лицом для выявления юридически значимых фактов» [10]. Н.В. Белоконь предлагает понимать под лингвистической экспертизой проектов нормативных правовых актов «основанную на использовании специальных знаний деятельность уполномоченных субъектов, включающую анализ проекта нормативного правового акта на соответствие нормам и правилам современного русского языка; оценку стилистики проекта нормативного правового акта с учетом функционально-стилистических особенностей юридических документов; проверку соблюдения требований к оформлению нормативных правовых актов и редакционно-технических правил; выработку рекомендаций по устранению выявленных ошибок, нарушений и несоответствий с целью улучшения языкового качества проекта нормативного правового акта и дачи заключения по результатам исследования» [1]. Четкий закон понятен и точен. Хотя невозможно сделать закон полностью ясным, законодатель должен попытаться сделать его как можно более приближенным к этому требованию, поскольку такой закон

защищает ценности и позволяет достигать важных целей. Одной из важнейших предпосылок нормального функционирования права является соответствующий язык текстов правовых актов. Это касается как словарного запаса, так и синтаксиса этих текстов. Поэтому, чтобы прояснить закон, законодатель следует определенным правилам, касающимся языковых аспектов законотворчества.

Поэтому имеет смысл говорить об особенностях языка и стиля нормативных правовых актов (их проектов) как особой категории юридических документов.

Поскольку термин «лингвистическая экспертиза» является отчасти продуктом рецепции российским законодателем норм и установок англосаксонской системы, это касается языка текстов правовых актов как на федеральном, так и на региональном уровне, региональный законодатель часто опирается на типовые положения, издаваемые федеральными органами власти. Использование новых, европейских и англосаксонских, юридических терминов оправдано и помогает сделать более ясным законодательство. Как выразились Д.В. Коростелёв и Д.С. Мальцева, «новый термин «лингвистическая экспертиза» является калькой английского понятия forensic linguistics и роднится с большим рядом инновационных терминов» [9].

История вопроса

Систематические попытки использовать язык для решения проблем права появились сравнительно недавно. Исследователь Джереми Бентам был, пожалуй, первым, кто попытался сделать это намеренно. Он искал «разумные» явления, которыми можно объяснить природу закона, сосредоточив внимание на значении основных терминов юридического дискурса.

Дж.Л. Остин однажды предположил, что «изложение «закона» является перформативным утверждением, а не «констатацией факта» [11]. Предполагается, что утверждение закона означает совершение действия, отличного от утверждения, которое может быть истинным или ложным. Дж.Л. Остин предлагал объяснить нормативность закона, ссылаясь на то, что люди делают со словами. Этот намек привлек внимание Г.Л.А. Харта, чья теория права основана на «теории правил практики» [11].

Дж. Бентам и Джон Остин опередили свое время. Но в теории права, все еще противоречивой, стало общепринятым мнение, что они ошибочно пытались определить эти термины. Однако Харт в 1960-х отверг это определение как полезное в философии права [22]. Он делал упор на речевых

актах – на использовании участниками практики нормативного языка, которые также являются объектами лингвистической экспертизы.

Интерес Харта к нормативному языку был сосредоточен не на его значении, а на отношении, которое люди проявляют, когда используют его. Сама проблема вида отношений должна стать объектом исследования лингвистической экспертизы, поскольку определение отличий видов правоотношений, закрепленных в тексте, может стать новым серьезным инструментом в борьбе с коррупцией.

В 1980-х Р. Дворкин обвинил Харта в том, что он переупаковывает тот же подход, что и метод «более откровенного определения» [7] Джона Остина. А Ричард Познер в 1990-х годах обвинил Харта и Дворкина в бессмысленной «попытке определить «закон» [18].

Харт заявлял: «Что необходимо для существования социального правила, так это то, что должно вызывать критическое рефлексивное отношение к определенным моделям поведения как к общему стандарту, выражение в нормативной терминологии «должен», «правильно» и «неправильно» [22].

Джозеф Раз отклонил утверждение Харта о том, что нормативные термины имеют особое значение в формулировках закона. Он указал, что нормативные заявления могут быть сделаны в отдельности. Люди могут делать их, не поддерживая точку зрения, которой обосновываются причины, которые они заявляют [12, 13].

Значение лингвистической экспертизы для защиты конституционных прав граждан

В контексте защиты конституционных прав граждан лингвистическая экспертиза служит делу защиты трех важных аспектов.

Первое – это защита естественного права индивида на честь, достоинство и доброе имя. В настоящее время в Российской Федерации, согласно рекомендациям Пленума Верховного Суда [19], приветствуется принцип унификации российского законодательства с общеевропейским законодательством о защите прав человека.

Второе – это защита собственности по таким судебным делам, как споры об авторском праве. Лингвистическая экспертиза может являться ключевым доказательством в гражданском процессе по делам, относящимся к категории споров об авторском праве собственности на произведения. Как и другие виды прав собственности, их защищает Конституция Российской Федерации.

Третье – лингвистическая экспертиза может способствовать укреплению антикоррупционно-

го законодательства посредством обнаружения в нормативно-правовых актах или их проектах формулировок, дающих правоприменителю возможность совершения коррупционных действий.

Можно сделать вывод о том, что лингвистическая экспертиза защищает права человека и гражданина как посредством проверки законодательства, так и напрямую, а также выступает в качестве доказательства в суде для поддержания конституционных прав граждан.

Лингвистическая экспертиза занимает важное место в процессе доказывания как инструмент защиты прав личности, таких как право на доброе имя или право собственности на произведение. Лингвистическая экспертиза также помогает противостоять коррупции, выступая в качестве доказательства в уголовном процессе. Е.И. Галяшина полагает, что «предметом судебной лингвистической экспертизы по делам, сопряженным с коррупционными преступлениями, является установление в речевом поведении коммуникантов лингвистически релевантных признаков волеизъявления (либо порока воли) на передачу, получение ценностей за действия (бездействия) в интересах дающего, входящих в служебные полномочия» [2].

Судебная лингвистическая экспертиза в процессе назначается:

- по уголовным делам в соответствии со ст. 78, 80, 191, 288 УПК РФ;
- по гражданским делам в соответствии со ст. 77 ГПК РФ; ст. 66, 67, 68 АПК РФ;
- по делам об административных правонарушениях в соответствии со ст. 49, 77–82, 135, 167, 168, 191, 231, 252, 274, 292 КАС.

Обратимся к судебной практике. Немногие концепции менее ясны, чем концепция юридической ясности, учитывая, что многое зависит от определения того, является ли законодательный акт простым, ясным, однозначным. Зависимость значения высказываний от контекста требует учета языковой компетенции, которая связывает ее с другими человеческими способностями – судить о важности контекста и проводить аналогии. Связь между употреблением языка и разумом также иллюстрируется спорным характером использования языка в законодательстве. Большая работа философов языка по прагматике касалась условий понимания высказывания; судебные споры по поводу языка являются напоминанием о том, что эти условия, даже если они являются условиями понятности общения, могут привести к разногласиям и аргументированному спору о том, как следует понимать высказывание. Особенность, ко-

торая отличает законное использование языка от обычного разговора, состоит не в том, что участники правовой системы действуют стратегически, в то время как участники обычного разговора действуют совместно, а в том, что правовые системы нуждаются в институтах и процессах для разрешения споров о применении языка, возникающих в результате его зависимости от контекста и других прагматических аспектов коммуникации.

В 2019 году было два интересных дела, дошедших до Верховного Суда, которые, с точки зрения авторов статьи, иллюстрируют отношение суда к лингвистической экспертизе.

28 августа 2019 года Верховный Суд вынес апелляционное определение по делу, в котором адвокат считал, что заключение психолого-лингвистической экспертизы от 29 декабря 2015 г., вынесенное в отношении его клиента, является недопустимым доказательством, поскольку экспертами в нарушение ст. 8, 74, 87 и 88 УПК РФ разрешен правовой вопрос о достоверности показаний. Однако Верховный Суд встал на сторону экспертов, отметив: «комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза по делу проведена с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства и Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» полномочными и компетентными экспертами, которым следователем было поручено ее проведение, а оснований сомневаться в квалификации экспертов и научной обоснованности и аргументированности сформулированных ими выводов не имеется». Таким образом, Верховный Суд своим определением закрепил за экспертами обязанность установления обстоятельств, приравняв их в этом вопросе к следственным органам. Тем самым он подтвердил принцип, что суд должен способствовать установлению по делу фактических обстоятельств всеми доступными способами.

2 июля 2019 года Верховный Суд вынес определение № 205-АПУ19-11, в котором констатировал, что суд имеет право отказать в проведении лингвистической экспертизы, таким образом подтвердив позицию, господствующую в судебной практике, что назначение экспертизы является правом, а не обязанностью суда. С такой позицией нельзя согласиться, так как человек имеет право на защиту всеми средствами, а данная позиция суда ограничивает его право на защиту, по сути, по усмотрению суда.

Таким образом, анализ судебной практики позволяет говорить о том, что суды принимают

лингвистическую экспертизу наравне с другими экспертизами, однако само отношение суда к экспертному исследованию нуждается в пересмотре, так как не в полной мере отвечает интересам защиты прав граждан. Можно подумать, что суды будут тратить больше времени на анализ концепции и самих понятий в заключениях. Увы, нет, и, возможно, это вполне предсказуемо: сохранение неоднозначности концепций, двусмысленности их толкования дает судьям право усмотрения, которое может устранить внятный анализ неоднозначности, неясности закона. Эта позиция избавляет судей от хлопотной, интеллектуально затратной задачи разрешения споров о том, что означает закон. Требуя от законодателей высокого уровня семантической ясности в законодательных актах, судьи пытаются заставить их выполнять работу, которой судья хочет избежать. Юридическая ясность это не эмпирический или лингвистический факт, а скорее юридическая характеристика, которая, в конечном счете, опирается на нормативные предпосылки. Правовая ясность вообще не является лингвистическим понятием: это юридическое заключение, зависящее от целей закона. Таким образом, нужно знать нормативную цель закона, как при его оценке, так и при правоприменении.

Достичь этого можно посредством закрепления обязательного проведения лингвистической экспертизы на уровне субъектов федерации, включив его в «Типовое положение о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации» [14], и принятия соответствующих изменений в положениях о комиссии в субъектах, закрепив за комиссиями в субъектах обязанность проводить лингвистическую экспертизу в процессе проведения антикоррупционной экспертизы. Это соотносится с методикой проведения антикоррупционной экспертизы [15], что позволяет избежать таких коррупционных проявлений, как определение компетенции по формуле «вправе»; злоупотребление правом заявителя органами власти; юридико-лингвистическая неопределенность.

Пристатейный библиографический список

1. Белоконь Н.В. Понятие лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов // Конституционализм и государственное устройство. 2018. № 1 (11). С. 5–13.
2. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вестник юридического университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 8.
3. Грайс Г. Логика и разговор // Cole P., Morgan J. (ред.) Синтаксис и семантика. Речевые акты. Нью-Йорк: Елессер, 1975. С. 41–58.
4. Гриновальт К. Неопределенность и судебные ответы на юридическую неопределенность // Теория права. Б.м., 2001. С. 433–445.
5. Гринберг М. Законодательство как коммуникация? Правовая интерпретация и изучение лингвистической коммуникации // Мармор А., Сомс С. (ред.) Философские основы языка в праве. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2011. С. 217–256.
6. Дворкин Рональд. Империя закона. Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 1986.
7. Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика-2. Барнаул, 2000. С. 72–78.
8. Коростелёв Д.В., Мальцева Д.С. Проведение лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Вестник современных исследований. 2018. № 12.2 (27).
9. Кусков Г.В. К вопросу о принципах организации и проведения судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4.
10. Остин Д.Л. Как делать слова. Оксфорд: Кларендон Пресс, 1962.
11. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7.
12. Раз Д. Практический Разум и Нормы. 2-е изд. Оксфорд: Кларендон Пресс, 1990.
13. Типовое положение о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182823/8670747a41a8c94cfc0d195ac98b9b341310c0f/.
14. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/197633/#friends>.
15. Миронов А.Н. Экспертиза проектов нормативных правовых актов федеральными органами исполнительной власти // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 32–38.
16. Плетнев К.И. Экспертиза в развитии экономики по инновационному пути. М., 2006. С. 10.
17. Познер Р. Право и правовая теория в Англии и Америке. Оксфорд: Кларендон Пресс, 1996.
18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005. № 3 (719). 15 марта.
19. Положение от 22 сентября 2017 г. № 602-П Центрального Банка Российской Федерации «О правилах подготовки нормативных актов Банка России» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1213787404026639494254536&cacheid=37FA6AD0F56B9F19053431BF0381F7F6&m>

ode=splus&base=LAW&n=278566&rnd=EA0D1A23391D9111BE35F9C438EAC211#1a9nyt55i1t.

20. Финнис Д. Естественное право и естественные права. Оксфорд: Кларендон Пресс, 1980.

21. Харт Г.Л.А. Определение и теория в юриспруденции // Ежеквартальный обзор Закона. Б.м., 1954.

22. Харт Г.Л.А. Концепция права. 3-е изд. Оксфорд: Кларендон Пресс, 2012.

23. Экинс Ричард. Природа законодательного намерения. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2012.

24. Эдмундсон Уильям. Правовая теория – политическая философия. Б.м., 2014.

25. Эндикотт Тимоти. Неопределенность в праве. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2000.

26. Эндикотт Тимоти. Закон неизбежно расплывчат. Юридическая теория. Б.м., 2001.

27. Эндикотт Тимоти. Интерпретация и неопределенность // Иерусалимский обзор правовых исследований. Иерусалим, 2014.

References (transliterated)

1. Belokon` N.V. Ponyatie lingvisticheskoy e`kspertizy` proektov normativny`x pravovy`x aktov // Konstitucionalizm i gosudarstvovedenie. 2018. № 1 (11). S. 5–13.

2. Galyashina E.I. Sudebnaya lingvisticheskaya e`kspertiza korrupcionnogo diskursa: predmet, zadachi i kompetencii // Vestnik yuridicheskogo universiteta imeni O.E. Kutafina. 2016. № 8.

3. Grajs G. Logika i razgovor // Cole P., Morgan J. (red.) Sintaksis i semantika. Rechevy`e akty`. N`yu-York: Elessor, 1975. S. 41–58.

4. Grinoval` t K. Neopredelennost` i sudebny`e otvety` na yuridicheskuyu neopredelennost` // Teoriya prava. B.m., 2001. S. 433–445.

5. Grinberg M. Zakonodatel`stvo kak kommunikaciya? Pravovaya interpretaciya i izuchenie lingvisticheskoy kommunikacii // Marmor A., Soms S. (red.) Filosofskie osnovy` yazy`ka v prave. Oxford: Izdatel`stvo Oksfordskogo universiteta, 2011. S. 217–256.

6. Dvorkin Ronal`d. Imperiya zakona. Kembridzh: Izdatel`stvo Garvardskogo universiteta, 1986.

7. Isakov V.B. Yazy`k prava // Yurilingvistika-2. Barnaul, 2000. S. 72–78.

8. Korostelyov D.V., Mal`ceva D.S. Provedenie lingvisticheskoy e`kspertizy` po delam ob e`kstremizme // Vestnik sovremenny`x issledovaniy. 2018. № 12.2 (27).

9. Kuskov G.V. K voprosu o principax organizacii i provedeniya sudebnoj lingvisticheskoy e`kspertizy` // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2011. № 4.

10. Ostin D.L. Kak delat` slova. Oxford: Klarendon Press, 1962.

11. O Reglamente Gosudarstvennoj Dumy` Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii: postanovlenie GD

FS RF ot 22 yanvarya 1998 g. № 2134-II GD // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 1998. № 7.

12. Raz D. Prakticheskij Razum i Normy`. 2-e izd. Oxford: Klarendon Press, 1990.

13. Tipovoe polozhenie o komissii po koordinacii raboty` po protivodejstviyu korrupcii v sub`ekte Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182823/8670747a41a8c94cfc0d195ac98b9b341310c0f/.

14. Metodika provedeniya antikorrupcionnoj e`kspertizy` normativny`x pravovy`x aktov i proektov normativny`x pravovy`x aktov (utv. postanovleniem Pravitel`stva RF ot 26 fevralya 2010 g. № 96) [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant». URL: <https://base.garant.ru/197633/#friends>.

15. Mironov A.N. E`kspertiza proektov normativny`x pravovy`x aktov federal`ny`mi organami ispolnitel`noj vlasti // Administrativnoe pravo i process. 2012. № 2. S. 32–38.

16. Pletnev K.I. E`kspertiza v razvitii e`konomiki po innovacionnomu puti. M., 2006. S. 10.

17. Pozner R. Pravo i pravovaya teoriya v Anglii i Amerike. Oxford: Klarendon Press, 1996.

18. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 fevralya 2005 g. № 3 «O sudebnoj praktike po delam o zashhite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoj reputacii grazhdan i yuridicheskix licz» // Rossijskaya gazeta. 2005. № 3 (719). 15 marta.

19. Polozhenie ot 22 sentyabrya 2017 g. № 602-P Central`nogo Banka Rossijskoj Federacii «O pravilax podgotovki normativny`x aktov Banka Rossii» [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1213787404026639494254536&cacheid=37FA6AD0F56B9F19053431BF0381F7F6&mode=splus&base=LAW&n=278566&rnd=EA0D1A23391D9111BE35F9C438EAC211#1a9nyt55i1t>.

20. Finnis D. Estestvennoe pravo i estestvenny`e prava. Oxford: Klarendon Press, 1980.

21. Hart G.L.A. Opredelenie i teoriya v yurisprudencii // Ezhekvartal`ny`j obzor Zakona. B.m., 1954.

22. Hart G.L.A. Konceptiya prava. 3-e izd. Oxford: Klarendon Press, 2012.

23. E`kins Richard. Priroda zakonodatel`nogo namereniya. Oxford: Izdatel`stvo Oksfordskogo universiteta, 2012.

24. E`dmundson Uil`yam. Pravovaya teoriya – politicheskaya filosofiya. B.m., 2014.

25. E`ndikott Timoti. Neopredelennost` v prave. Oxford: Izdatel`stvo Oksfordskogo universiteta, 2000.

26. E`ndikott Timoti. Zakon neizbezhno rasply`vchat. Yuridicheskaya teoriya. B.m., 2001.

27. E`ndikott Timoti. Interpretaciya i neopredelennost` // Ierusalimskij obzor pravovy`x issledovaniy. Ierusalim, 2014.

Урядов Ю.Ю., Жирнов Ю.Н.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ КОНФИСКАЦИИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Цель: Исследование проблемных вопросов при организации сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств при осуществлении конфискации материальных ценностей, полученных преступным путем.

Методология: Использовались системный и нормативно-правовой методы исследования.

Результаты: В статье проводится аналитическое исследование ситуации, сложившейся в развитии международных соглашений между странами – участницами договорных отношений, которое свидетельствует о техническом и технологическом совершенствовании человечества в рамках всестороннего и повседневного использования средств телекоммуникационной связи, выходящих за пределы государств. По этой причине можно сделать вывод о том, что современная преступность приобрела транснациональный и международный характер, позволяющий уклоняться от ответственности за совершение преступлений на территории различных государств, а также осуществлять вывод полученных незаконным путем денежных средств и материальных ценностей, их легализацию и впоследствии финансирование террористической и экстремистской деятельности.

Выявлена социально-правовая закономерность возникновения необходимости урегулирования расхождений в законодательстве различных государств по вопросам уголовного и уголовно-процессуального права, направленного на борьбу со всеми видами противоправных посягательств.

Новизна/оригинальность/ценность: Актуальность и ценность исследуемых в статье вопросов обусловлена важностью урегулирования нормативно-правовых коллизий, затрудняющих осуществление компетентными правоохранительными органами различных государств функций, связанных с раскрытием преступлений транснационального характера, установление (выявление), а также наложение ареста и последующую конфискацию денежных средств и иного имущества, полученного от такой противоправной деятельности. Статья содержит информацию об авторском анализе сложившихся международных отношений, новизна и актуальность которых представляют научно-практическое значение для дальнейшего совершенствования международного права.

Ключевые слова: межгосударственное сотрудничество, международное сотрудничество, международные соглашения, транснациональная преступность, международная преступность, оперативно-розыскная деятельность, легализация доходов, полученных преступным путем.

Uryadov Yu.Yu., Zhirnov Y.N.

ORGANIZATION OF INTERNATIONAL COOPERATION OF BODIES OF THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN, CONFISCATION OF MATERIAL VALUES OBTAINED BY CRIMINAL WAY

Purpose: Study of problematic issues in the organization of cooperation between the internal affairs bodies of the Russian Federation and the competent authorities of foreign states in the confiscation of material assets obtained by criminal means.

Methodology: Systemic and regulatory research methods were used.

Results: The article deals with the analytical study of the current situation in the development of international agreements between the countries participating in these contractual relations, which testify to the development of technical and technological improvement of mankind in the framework of the comprehensive and everyday use of telecommunications that go beyond the borders of states. For this reason, it can be concluded that modern crime has acquired a transnational and international character, which allows evading responsibility for committing crimes on the territory of various states, as well as allowing the withdrawal of money and material assets received illegally, their legalization and subsequently financing of terrorist and extremist activities.

The socio-legal pattern of the need for resolving issues of differences in the laws of various states on criminal and criminal procedure law aimed at combating crime of all types of unlawful attacks was revealed.

Novelty/originality/value: The relevance and value of the issues investigated in the article is due to the importance of resolving regulatory conflicts that make it difficult for the competent law enforcement authorities of various states to carry out functions related to the disclosure of transnational crimes, establish (identify), and seize and subsequently confiscate money and other property received from such illegal activities. The article contains information about the author's analysis of established international relations, the novelty and relevance of which are of scientific and practical importance for the further improvement of international law.

Keywords: interstate cooperation, international cooperation, international agreements, transnational crime, international crime, operational-search activity, legalization of proceeds of crime.

На современном этапе развития технического и технологического потенциала человечества, всестороннего и повседневного использования средств телекоммуникационной связи, которая выходит за пределы государств, преступления, связанные с контрабандой, незаконным оборотом наркотиков, оружием, военными технологиями, людьми, фальшивомонетничеством и т. п., причиняющие ущерб не только этим государствам, но и их гражданам, в ряде случаев приобрели транснациональный и международный характер, позволяющий уклоняться от ответственности за их совершение на территории иных государств, а также выводить полученные незаконным путем денежные средства и материальные ценности (как результат преступной деятельности), осуществлять их легализацию и впоследствии финансирование террористической и экстремистской деятельности, а также незаконных вооруженных формирований, частных военных компаний.

Указанные обстоятельства затрудняют выполнение одной из ключевых задач правоохранительных органов Российской Федерации, направленных как на выявление и изобличение совершивших преступную деятельность лиц, привлечение их к уголовной ответственности, так и на получение информации о правах имущественного характера и денежных средствах (в том числе финансовых активах, банковских счетах и ценных бумагах), полученных преступным путем и легализованных с целью сокрытия их незаконного происхождения.

Очевидно, что успешное выполнение вышеуказанных задач возможно только в рамках уголовного судопроизводства и эффективного оперативного сопровождения, в том числе в рамках ратифицированных международных стандартов и соглашений, действующих на уровне межгосударственного сотрудничества компетентных по указанным вопросам органов.

Проблемы взаимодействия правоохранительных органов системы МВД России в рамках международного сотрудничества с компетентными органами иностранных государств в сфере оперативно-розыскной деятельности, направленной на выявление и раскрытие преступности транснационального и международного характера, исследовались в научных трудах А.Г. Волеводз и А.Б. Соловьева, Л.Н. Анисимова и В.К. Иващука.

Проблемы, возникающие при изучении вопросов выявления полученных преступным путем легализованных доходов, нашли свое отражение в работах О.Ю. Якимова, который акцентировал внимание на вопросе происхождения указанных

активов, вливании их в финансовые потоки отечественных субъектов хозяйственной деятельности, последующем выводе этих средств для «отмывания» по реквизитам в оффшорные зоны и, как следствие, возврате в Российскую Федерацию под видом иностранных инвестиций.

Вопросы модернизации и современного развития технологии осуществления таких финансовых операций, а именно их осуществление с применением криптовалют, нашли свое отражение в трудах В.В. Семенчука, В.Б. Батоева и Ю.В. Гаврилина, которые, как и С.М. Сергеев, кроме способов и механизмов данных платежей исследовали вопросы использования правонарушителями при этих операциях анонимизации в сети интернет.

Однако указанными авторами в основном затронуты вопросы общеправового регулирования норм взаимного сотрудничества соответствующих подразделений органов внутренних дел Российской Федерации с компетентными (в том числе и в сфере оперативно-розыскной деятельности) органами других стран. Остались нераскрыты проблемы, возникающие при организации мероприятий частного характера, направленных на установление (выявление) и последующую конфискацию материальных ценностей и денежных средств, полученных преступным путем, что и предопределило предмет нашего исследования.

В российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве нашли свое отражение около сорока составов преступлений, которые можно отнести к категории преступности международного или транснационального характера. Но на практике применение этих норм вызывает определенные трудности для правоохранительных органов в части организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на розыск лиц, причастных к совершенным или совершаемым преступлениям, а также выявления (установления) денежных средств и иного имущества для последующего наложения на них ареста и конфискации.

Наличие данной проблематики обусловлено недостаточным нормативно-правовым урегулированием и отсутствием соответствующего методически-разъяснительного обеспечения в рамках международных соглашений.

При этом в должной степени не учитываются обстоятельства, что в ряде случаев преступления совершаются на территории Российской Федерации (в пределах ее границ), имущество и денежные средства, полученные преступным путем, вывозятся за ее пределы и в дальнейшем легализуются путем сосредоточения виновными лицами

в виде активов на банковских счетах физических или юридических лиц, в виде денежных средств, ценных бумаг и векселей, а также в виде их вложений в иное движимое и недвижимое имущество.

Данные обстоятельства также осложняются возможностью сохранения анонимности посредством интернета, имеющейся у преступного элемента, использующего новые программные технологии, такие как SSL, TOR и VPN, позволяющие осуществлять замену фактически используемого в своей преступной деятельности IP-адреса, а также динамизировать его или скрывать от распознавания [1].

Как следствие таких действий современные информационные технологии, находящиеся в распоряжении высококвалифицированных специалистов, способствуют сохранению анонимности правонарушителя [2, 3].

К таким обстоятельствам можно отнести как преступления, совершенные правонарушителями – гражданами Российской Федерации на территории иностранного государства, так и преступления, совершенные на территории России нерезидентами нашего государства.

При этом указанные преступления могут также иметь как транснациональный характер, так и характер международной преступности, отличия которых сформулированы непосредственно в их определениях [4]:

– под транснациональной преступностью в целом можно понимать преступность, связанную с совершением противоправных уголовно-наказуемых деяний гражданами одного государства, но на территории другого государства;

– под международной преступностью можно понимать преступность, имеющую организованный характер международного уровня, основанный на интернациональных преступных связях, в которых участвуют граждане двух и более государств.

По этой причине наибольшие осложнения в изобличении указанных преступных схем вызывают обстоятельства, которые связаны с тем, что необходимая органам следствия информация находится в ведении иностранных кредитно-финансовых и телекоммуникационных компаний, а также иных зарубежных компаний, предоставляющих услуги интернета [5].

Российскими органами досудебного расследования сведения, имеющие значение в рамках расследования уголовных дел или оперативно-розыскных мероприятий, направленных на документирование фактически совершаемых преступных деяний, на практике могут быть получены

только от компетентных органов иностранных государств в рамках исполнения соответствующих запросов о правовой помощи, разрешение и осуществление которых требуют длительного времени.

Кроме этого, несмотря на то, что российское законодательство допускает раскрытие информации об уголовно-наказуемых деяниях, совершенных тяжких и особо-тяжких преступлениях, в ряде случаев законодательство некоторых иностранных государств придерживается строгого соблюдения анонимности пользователя интернета, что также осложняет применение принципов межгосударственной взаимопомощи в сотрудничестве с их компетентными органами.

По этой причине в настоящее время требует реальной активизации взаимодействие компетентных органов иностранных государств с органами внутренних дел Российской Федерации по выявлению способов совершения преступлений, механизмов их совершения и средств, которые при этом используются, а также установление незаконно приобретенных (полученных преступным путем) денежных средств [6], и не только в части исполнения порядка оформления в соответствии с требованиями международных договоров (определенного ст. 453 и 454 УПК РФ) поручений по уголовным производствам о необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, в том числе и осуществления уголовного преследования по ходатайству иностранного государства и передачи осужденных или обвиняемых, но и при осуществлении в рамках международного сотрудничества иных мероприятий, таких как розыск, арест и конфискация полученных преступным путем и легализованных активов (в том числе денежных средств или имущества, а также имущественных прав в виде ценных бумаг и т. п.) [7].

Одним из фактических и развивающихся способов вывода финансовых активов в зарубежные государства в настоящее время является реальный способ применения криптовалют как механизм легализации доходов, полученных преступным путем, оборот которых в настоящее время российским законодательством еще не урегулирован, и как результат этой преступной деятельности [8].

Однако по ряду обстоятельств, возникающих при использовании преступных схем вывода финансовых активов посредством криптовалютных операций, таких как «биткоин», со счетов (так на-

зываемого «кошелька») через терминалы «QIWI», с зачислением эквивалента перечисленных биткоинов на криптовалютные счета через внутренний обменник сайта, становится затруднительным отследить движение денежных средств после перечисления на счет получателя, а также осуществить идентификацию лиц, участвующих в данной транзакции.

Но в мировой практике (в ряде стран Латинской Америки и в Китае) взаиморасчеты «биткоинами» используются в качестве товарно-денежных операций.

По этой причине с целью совершенствования российского законодательства в указанном направлении, связанном с противодействием отмыванию денег, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения, в настоящее время специальными компетентными подразделениями системы МВД России осуществляется участие в разработке проектов федеральных законодательных актов, касающихся цифровых финансовых активов.

Так, в проекте федерального закона «О цифровых финансовых активах» с использованием действующих международных правовых инструментов в соответствии с стандартами, рекомендованными Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) [9], предложен механизм реального регулирования оборота криптовалюты как виртуальной финансово-расчетной единицы, применение которого ожидается приведет к снижению привлекательности ее противоправного использования.

В свою очередь, в рамках заседаний рабочих групп ФАТФ, состоявшихся в преддверии заключительного пленарного заседания ФАТФ под председательством США, в июне 2019 года отмечена важность резолюции Совета Безопасности ООН 2462 (2019), принятой на 8496-м заседании 28 марта 2019 г., о противодействии терроризму и финансовому терроризму.

При этом в указанной резолюции конкретизирована роль ФАТФ в качестве разработчика глобальных стандартов по противодействию финансовому терроризму и озвучена необходимость соблюдения всеми странами таких Рекомендаций ФАТФ, касающихся виртуальных активов, в соответствии с которыми государства обязаны законодательно закрепить меры, позволяющие осуществлять уголовное преследование за совершение преступлений, связанных с отмыванием денег и финансированием терроризма с использованием криптовалют, их конфискацию, осуществление лицензирования и надзора за деятельностью про-

вайдеров услуг в сфере виртуальных активов, а также обеспечение международного сотрудничества в указанной сфере. Так, путём использования новых финансовых и регуляторных технологий всем государствам рекомендовано повысить отслеживаемость и прозрачность финансовых операций [10].

Эти вновь принятые рекомендации и предложения также будут учтены при разработке проектов законодательных актов Российской Федерации, направленных на регулирование оборота цифровых финансовых активов в государстве.

Однако в настоящее время, несмотря на разносторонность направлений правоохранительной деятельности образовавшихся международных организаций и равные права каждого из их участников, действующих в рамках подписанных договоров, конвенций и разного рода соглашений, которыми регламентировано полное или частичное их взаимодействие, остаются проблемные вопросы урегулирования организационно-правовых механизмов осуществления оперативно-розыскной деятельности на территории других государств и координации этой деятельности. Это является основным фактором, оказывающим негативное воздействие на результативность деятельности правоохранительных органов в данной сфере, так как законодательство Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности ограничивает территориальность проведения мероприятия оперативного характера исключительно по своей территориальной юрисдикции, исключая при этом возможность реализации своих оперативных возможностей на территории других государств.

Как следствие, эти обстоятельства не предоставляют возможности исполнения полного комплекса мероприятий, направленных на получение доказательств по уголовным делам, преступления по которым имеют признаки преступности транснационального или международного характера и результаты которых послужили бы основанием использования их в качестве доказательств.

Практически не используются рычаги оперативно-служебной деятельности компетентных органов по привлечению агентурного аппарата, полезного в оперативном отношении для раскрытия преступлений. Не привлекаются и не используются квалифицированные в оперативном отношении специалисты, кадровый аппарат, а также специальные технические средства. По этой причине, так как страны имеют различные правовые, административные и оперативные структуры, а

также различные финансовые системы, вышеуказанные компетентные органы в полной мере не используют все имеющиеся допустимые рычаги комплексного и последовательного воздействия на преступный элемент, которые им следует применять для противодействия отмыванию денег и в ряде случаев финансированию терроризма или осуществления иных мероприятий, направленных на выявление и конфискацию сокрытых от органов расследования денежных средств, предметов и ценностей, полученных преступным путем.

В свою очередь, лишение преступности ее доходов, а также пресечение посредством уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий незаконного вывоза капитала за пределы юрисдикций государств, розыск, арест и конфискация полученных преступным путем финансово-материальных активов являются приоритетной задачей в целенаправленной деятельности всего международного института правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел Российской Федерации.

Таким образом, в сфере оперативно-розыскной деятельности сложившаяся практика международно-правовых отношений органов внутренних дел Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств в рамках действующего российского законодательства и иных актов международной правовой помощи указывает на неполноту проведенных мероприятий по экономическим преступлениям, относящимся к категории преступности транснационального и международного характера, а также на необходимость обязательного исполнения функций установления и обеспечения сохранности подлежащих конфискации денег, ценностей и иного полученного преступным путем имущества, а также использования доходов от преступной деятельности обвиняемого или подозреваемого лица по уголовному судопроизводству в качестве доказательств преступных действий или для возмещения причиненного его действиями ущерба, с последующей конфискацией этих приобретенных преступным путем активов.

Международные отношения в сфере оперативно-розыскного взаимного сотрудничества по направлениям служебной деятельности определяют более расширенное изучение правоотношений российских и зарубежных правоохранительных органов в виде оказания международной правовой помощи. В настоящее время такое сотрудничество не способно в полной мере обеспечить реализацию своих целей и задач, поскольку не позволяет должным образом разрешать во-

просы, связанные с розыском, арестом и конфискацией денежных средств и другого имущества, полученных преступным путем, и как следствие, возмещением причиненного преступными действиями ущерба.

Пристатейный библиографический список

1. Сергеев С.М. Некоторые проблемы противодействия в преступной деятельности средств обеспечения анонимизации пользователя в сети интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 137.
2. <https://cryptoworld.su/как-сохранить-анонимность-в-сети-полн>.
3. [http:// https://forum.detective-agency.info/index.php?threads/Анонимность-в-сети-Полный-faq.28476](http://https://forum.detective-agency.info/index.php?threads/Анонимность-в-сети-Полный-faq.28476).
4. Иващук В.К. Классификация международных стандартов борьбы с преступностью: монография. М.: Академия управления МВД России, 2017. С. 100.
5. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).
6. Якимов О.Ю. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и уголовно-политические проблемы. М.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 78.
7. Волеводз А.Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методика) / науч. ред. проф. А.Б. Соловьев. М., 2000. С. 31–33.
8. Батоев В.Б., Семенчук В.В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42).
9. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения: пер. с англ. М.: Вече, 2012. С. 176.
10. Информационное сообщение о ключевых итогах пленарного заседания Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) 16–21 июня 2019 года в г. Орландо (США) [Электронный ресурс]. URL: http://www.https://cbr.ru/today/anti_legalisation/info_fatf/2019-06-16-21.

References (transliterated)

1. Sergeev S.M. Nekotory`e problemy` protivodejstviya v prestupnoj deyatel`nosti sredstv obespecheniya anonimizacii pol`zovatelya v seti internet // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1 (73). S. 137.
2. <https://cryptoworld.su/kak-soxranit`-anonimnost`-v-seti-poln>.
3. [http:// https://forum.detective-agency.info/index.php?threads/Anonimnost`-v-seti-Polny`j-faq.28476](http://https://forum.detective-agency.info/index.php?threads/Anonimnost`-v-seti-Polny`j-faq.28476).
4. Ivashhuk V.K. Klassifikaciya mezhdunarodny`x standartov bor`by` s prestupnost`yu: monografiya. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2017. S. 100.

5. Gavrilin Yu.V. E`lektronny`e nositeli informacii v ugovnom sudoproizvodstve // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4 (44).

6. Yakimov O.Yu. Legalizaciya (otmy`vanie) doxodov, priobretenny`x prestupny`m putem: ugovno-pravovy`e i ugovno-politicheskie problemy`. M.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskij centr Press», 2005. S. 78.

7. Volevodz A.G. Mezhdunarodny`j rozy`sk, ar-est i konfiskaciya poluchenny`x prestupny`m putem denezhny`x sredstv i imushhestva (pravovy`e osnovy` i metodika) / nauch. red. prof. A.B. Solov`ev. M., 2000. S. 31–33.

8. Batoev V.B., Semenchuk V.V. Ispol`zovanie kriptovalyuty` v prestupnoj deyatel`nosti: problemy` pro-

tivodejstviya // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 2 (42).

9. Rekomendacii FATF. Mezhdunarodny`e standarty` po protivodejstviyu otmy`vaniyu deneg, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya: per. s angl. M.: Veche, 2012. S. 176.

10. Informacionnoe soobshhenie o klyuchevy`x itogax plenarnogo zasedaniya Gruppy` razrabotki finansovy`x mer bor`by` s otmy`vaniem deneg (FATF) 16–21 iyunya 2019 goda v g. Orlando (SShA) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.https://cbr.ru/today/anti_legalisation/info_fatf/2019-06-16-21.

Проведем оценку имущества для любых целей:

- ✓ Недвижимости для оспаривания кадастровой стоимости
- ✓ Ущерб от залива, пожара, действий третьих лиц, после ДТП

- ✓ Бизнеса, ценных бумаг, нематериальных активов
- ✓ Движимого и недвижимого имущества
- ✓ Машин и оборудования

Бесплатная консультация

Срок исполнения от 1 часа

Доставка отчетов курьером

Выполнение с учетом требований законодательства

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую	Почерковедческую
Землеустроительную	Подлинности документов
Инженерно-технологическую	Оценочную
Пожарно-техническую	Товароведческую
Автотехническую	Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований

в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Входим в ТОП-70 крупнейших компаний России, работающих на рынке оценки. *

*По итогам 2017 года согласно рейтингу Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»)

Платинум
группа компаний

📍 м. Электrozаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321

✉ oценка-m.com • info@ocenka-m.com

☎ 8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

Егорышева Е.А.

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ ИЗ ПОМЕЩЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В ГРУППЕ

Цель: Рассмотрение проблемных вопросов, связанных с совершением преступлений несовершеннолетними, в частности краж из помещений.

Методология: Использовались формально-юридический, сравнительно-правовой методы, исследованы результаты изучения уголовных дел и судебной практики.

Результаты: В статье описываются основные способы подготовки, совершения и сокрытия краж, совершенных несовершеннолетними в группе. Приводятся классификация преступных групп несовершеннолетних и особенности взаимодействия в них.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью и несет в себе практическую значимость. Результаты исследований и выводы, содержащиеся в материалах статьи, могут быть использованы практическими работниками правоохранительных органов.

Ключевые слова: преступления несовершеннолетних, кражи, групповые преступления, расследование преступлений.

Egorysheva E.A.

METHODS OF COMMITTING THEFTS FROM PREMISES COMMITTED BY MINORS IN THE GROUP

Purpose: Consideration of problematic issues related to the Commission of crimes by minors, in particular thefts from premises.

Methodology: Formal-legal, comparative-legal methods were used, results of study of criminal cases and court practice were studied.

Results: The article describes the main methods of preparation, Commission and concealment of thefts committed by minors in the group. Classification of criminal groups of minors and features of interaction in them is given.

Novelty/originality/value: The Article has a high scientific value and carries practical significance. The research results and conclusions contained in the materials of the article can be used by law enforcement practitioners.

Keywords: crimes of minors, theft, group crimes, investigation of crimes.

Одним из самых распространенных видов преступлений против собственности является кража. Согласно статистическим данным МВД России, в январе–сентябре 2019 г. зарегистрировано 1521,7 тыс. преступлений, это на 2,1 % больше, чем за такой же период прошлого года. Более половины преступлений (52,5 %) составляют хищения чужого имущества, почти каждая четвертая кража была совершена с проникновением в помещение.

Важным элементом криминалистической характеристики преступления является способ его совершения. При этом понятие способа совершения преступления в криминалистике отличается от его уголовно-правового толкования, и это связано с поиском эффективных средств и методов расследования и раскрытия преступлений, а не с квалификацией преступления и определением общественной опасности [1]. Несмотря на имеющиеся материалы исследований, посвященные различным определениям способа преступления, еще остаются некоторые неразрешенные вопросы.

Некоторые авторы разделяют понятия «способ совершения» и «способ сокрытия преступления». Способ совершения преступления определяется как комплекс действий, которые совершил

преступник в определенном порядке. Способ сокрытия – это такие действия, которые направлены на сокрытие преступления от окружающих, в первую очередь, от следственных органов, чтобы уклониться от ответственности за преступление. Также способ совершения преступления рассматривают в широком и узком смысле: в широкий включают действия по совершению и сокрытию преступления, а в узкий – только действия по совершению преступления.

Развернутое определение способа совершения преступления дает Р.С. Белкин, который понимает его как «систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущими быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий и условий, места и времени и объединенными общим преступным замыслом» [2].

Наиболее удачным, на наш взгляд, является определение Л.Л. Каневского, который применяет системный подход и понимает способ совершения преступления как «комплекс психофизических и профессиональных навыков и умений, которые преступник, с учетом объекта преступного посягательства, обстановки, времени

и места, использует для подготовки, совершения и сокрытия преступлений» [3]. В элементный состав способа совершения преступления входит: а) подготовка к совершению преступления (подыскание орудий, распределение обязанностей, обсуждение плана преступных действий и т. д.); б) использование орудий преступления; в) механизм преступного посягательства (непосредственное воздействие субъекта преступления на предмет преступного посягательства); г) способ сокрытия преступления [4].

Итак, понятие способа краж из помещений, совершенных несовершеннолетними в группе, может быть определено как комплекс психофизических навыков и умений подростков, который с учетом взаимоотношений, установленных в данной группе, объекта преступного посягательства, обстановки, времени и места используется для подготовки, совершения и сокрытия рассматриваемых преступлений [5].

Следуя принятому нами определению способа совершения преступления, рассмотрим далее элементы способа совершения краж из помещений, совершенных несовершеннолетними в группе.

Большое значение при подготовке к совершению кражи из помещения имеет групповой признак. В большинстве случаев кражи из помещений несовершеннолетние совершают в группе.

Сведения о преступной группе несовершеннолетних, которые совершают кражи, должны основываться на совокупности качественных характеристик, присущих личности каждого из участников такой группы [6]. Группы несовершеннолетних отличаются от других преступных групп по многим признакам. Они редко организуют группы, чтобы специально совершить какие-то преступления. Группы формируются на основе досуговых интересов, но в то же время их характеризует сплоченность и устойчивость, хотя чаще всего они сплачиваются для бесконтрольного проведения свободного времени.

Как показывают наши исследования, по признаку связи соучастников все преступные группы несовершеннолетних, совершающих кражи из помещений, можно разделить на три типа: 1) случайные (без предварительного сговора) – 10,7 %; 2) предварительно сговорившиеся о совершении кражи из помещения – 76,9 %; 3) организованные группы – 12,4 % [7, с. 25].

В случайных группах чаще всего состоят подростки, которые находились в состоянии отсутствия контроля со стороны родителей или законных представителей. Такие группы подростков

позиционируют свое превосходство над слабыми, они склонны к распитию спиртных напитков и наркотической зависимости. В большинстве случаев несовершеннолетние при совершении краж из помещений находились в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения. В организованных группах несовершеннолетних присутствует высокая устойчивость, сплоченность, психологическая близость, повышенная согласованность в их действиях.

Важным элементом, характеризующим способ совершения кражи из помещения несовершеннолетними в группе, является подготовка к совершению преступления. Согласно изученной нами следственной практике в 91,3 % случаев подростки осуществляли подготовку к совершению кражи. Как показывает практика, ранее групповые преступления несовершеннолетних отличались «простотой» совершения, кражи в большинстве случаев происходили из мест, где вещи хранились неаккуратно, какие-либо активные действия по подготовке и совершению этих преступлений подростки предпринимали реже, чем взрослые.

Данные анализа следственной практики свидетельствуют, что несовершеннолетние при подготовке к совершению кражи из помещения осуществляли наблюдение за объектом в 79 % случаев; в 38 % случаев они анализировали распорядок дня жильцов и соседей, в 12,7 % случаев готовили орудия и другие предметы. В исследованиях М.В. Субботиной отмечается, что несовершеннолетние при совершении квартирных краж тщательно изучают объект посягательства как путем наблюдения (56 %), так и путем предварительного проникновения под реальным предлогом в помещение (15 %). Предварительное изучение образа жизни владельцев имущества проводится в основном в целях выбора момента отсутствия хозяев (56 %). Кроме того, несовершеннолетние нередко готовят технические средства для проникновения в квартиру: в 88 % случаев это различные орудия взлома, в том числе и отмычки; достаточно высокий уровень (19 %) предварительных краж ключей [8].

И.А. Батаев разделяет способ подготовки к квартирной краже на несколько этапов: 1) информационно-поисковая (разведывательная) фаза; 2) создание условий для реализации преступного замысла; 3) реализация преступного замысла [9]. Согласно его исследованиям, преступники начинают поиск информации, необходимой для успешной подготовки, совершения и сокрытия преступления, после того, как примут решение о совершении квартирной кражи, сориентировав-

шись в обстановке, которая сложилась на месте кражи.

Если говорить о кражах из помещений, совершенных несовершеннолетними в группе, то можно отметить, что подростки тоже осуществляют поиск информации, необходимой для подготовки кражи из помещения, но чаще такая подготовка бывает спонтанной и глубоко не продуманной.

Как показывают результаты следственной практики, при подготовке к совершению кражи из помещения подростки ведут наблюдение за квартирой, причем разделение ролей существует уже на этой стадии. Они приходят во двор жилого дома и начинают опрос жителей, причем чаще всего опрашивают своих сверстников под предлогом лиц, хорошо знающих квартиру. Несовершеннолетние получали сведения о предмете кражи от знакомых потерпевших в 3,2 % случаев, а в 52,4 % случаев несовершеннолетние незадолго до совершения кражи увидели (прогуливаясь рядом и осуществляя «разведку») тот или иной предмет преступного посягательства, в 3,2 % случаев источником сведений был сам потерпевший. В качестве примера можно привести следующий случай. Несовершеннолетние К. и М., зная, что у их знакомого О. дома находится большая денежная сумма (об этом им рассказывал сам О.) на покупку дачного участка, пришли во двор, где проживал О. Сами К. и М. проживали в соседнем доме, поэтому здесь у них было много знакомых сверстников. К. подошел к квартире О., позвонил в дверь, но ему никто не ответил. М. в это время спрашивал у соседских мальчишек, где находится О. Они ему ответили, что О. вместе со своими родителями поехал в деревню и вернется только завтра. В эту же ночь М. и К. решили забраться в квартиру О. через лоджию, так как О. жил на втором этаже. М. и К. забрались на лоджию, выставили стекло, балконная дверь оказалась открыта, забрали деньги и таким же путем вылезли обратно [7, с. 28].

Если сравнивать возраст преступника со способом подготовки к совершению кражи из помещения, то можно выявить следующие корреляционные связи: 1) в возрасте 14–15 лет несовершеннолетние осуществляют следующую подготовку к совершению кражи из помещения: в 38 % случаев – наблюдение за объектом кражи, в 20 % случаев – определение распорядка дня жильцов, в 30 % случаев – подготовка отмычек и в 12 % случаев – кража ключей; 2) в возрасте 16–17 лет несовершеннолетние осуществляют подготовку к совершению кражи из помещения: в 52 % случаев – наблюдение за объектом кражи, в 29 % случа-

ев – определение распорядка дня жильцов, в 13 % случаев – подготовка отмычек [6, с. 23].

В итоге можно сделать вывод, что подростки более тщательно ведут подготовку к совершению кражи из помещения. Чаще всего они предварительно собирают информацию о «жертве», ведут наблюдение, определяют распорядок дня, то есть в какое время в квартире точно будут отсутствовать жители.

По кражам, совершенным несовершеннолетним в группе, очень важен способ проникновения в помещение. Если провести сравнительный анализ краж из помещений, совершенных несовершеннолетними 10 лет назад, то можно отметить, что раньше подростки в большинстве случаев проникали в помещение без использования технических средств. В настоящее время подростки используют различные орудия и технические средства, облегчающие доступ к имуществу.

Половина краж из помещений, совершенных несовершеннолетними в группе, осуществляется с помощью применения различных технических средств: это отжим двери в 32 % случаев, взлом замков – 22 %, выбивание дверей – 17 %, проникновение через открытые форточки или окна – 10 % случаев. Причем взлом дверей, стен с применением физической силы характерен для более взрослых подростков в возрасте 16–17 лет, по сравнению с 14–15-летними их число больше в три раза, так как в 16–17 лет подростки в большинстве своем обладают достаточной физической силой, чтобы использовать ее для совершения такого преступления. При свободном доступе в помещение подростки могут проникнуть туда, когда дверь или окно оказались незапертыми или незапечатанными. Бывают такие случаи, когда, проникая в помещение квартир через открытые форточки, подростки покидают место преступления через окна и двери, которые открывают сами. Причем несовершеннолетние проникают в помещение своих родственников в 1,5 раза чаще, чем к знакомым и друзьям. Это положение вызвано большей доступностью имущества, находящегося в жилище родственников, и свойственным подростковому периоду развития личности определенным приоритетом ценности дружеских отношений над родственными.

Еще проникновение в помещение может быть осуществлено с разрешения потерпевших, если подросток приходит в помещение под видом работника какой-либо организации (например, слесаря), путем злоупотребления доверием (использование факторов совместного времяпрепровождения, общих знакомых). Несовершенно-

летними применялись и такие способы свободного доступа в помещение, как использование доверенного им потерпевшим ключа от помещения [1].

Одним их важных элементов способа совершения преступления является способ его сокрытия. При изучении способов совершения этого преступления, опроса лиц, совершивших данное преступление, мы сделали вывод, что у большинства подростков действия, направленные на сокрытие кражи, начинались с возникновения преступного умысла. Под сокрытием следует понимать деятельность, направленную на воспрепятствование расследованию, и оно может входить в способ совершения преступления, а может быть и за его пределами.

Теперь подробнее остановимся на способах сокрытия краж, совершенных несовершеннолетними в группе.

С целью избежания ответственности за совершенную кражу несовершеннолетние преступники прибегают к различным способам сокрытия преступления. Типичными приемами таких действий являются уничтожение орудий преступления и иных уличающих предметов; утаивание орудий, инструментов и других средств совершения кражи; быстрый сбыт похищенного имущества или его утаивание. Способы сокрытия групповых квартирных краж направлены на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки. К подобным действиям могут прибегать как лица, совершившие кражу, так и не принимавшие в ней участия, но так или иначе связанные с преступным событием (например, родственники обвиняемых, свидетели, потерпевшие).

В большинстве случаев несовершеннолетние не применяли никаких действий по сокрытию кражи, они просто дарили или отдавали часть похищенного своим знакомым. Это объясняется отсутствием запланированных действий по совершению преступления и их неопытностью. Но при совершении некоторых краж подростки заранее предусматривали действия по сокрытию данного преступления, такие как: организация выезда из населенного пункта, маскировка и фальсификация информации о факте и следах краж, уничтожение орудий преступления, быстрая продажа похищенного.

Несовершеннолетние реже, чем взрослые, принимают меры к реализации имущества, в связи с чем прячут похищенное в близлежащих от места жительства сараях, чердаках. По результа-

там изучения уголовных дел, основным местом сокрытия имущества, похищенного несовершеннолетними, является место жительства их знакомых – в 37,3 % случаев. Несовершеннолетние также в связи с возрастными особенностями создают хранилища похищенного в лесу и других «таинственных» местах, в 19 % случаев это место находится в близлежащих окрестностях от места совершения кражи, в 32 % случаев несовершеннолетние прячут похищенное у себя дома [7, с. 31].

На основании изложенного можно сделать вывод: характеристика способов совершения отдельного вида преступления имеет важное криминалистическое значение. Благодаря закономерным связям между отдельными элементами механизма краж из помещений, совершенных несовершеннолетним в группе, имеется реальная возможность повышения эффективности расследования этой категории преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. С. 118.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 80–81.
3. Каневский Л.Л. Разработка криминалистических характеристик преступлений и их использование в процессе расследования // Российский юридический журнал. 2000. № 2. С. 102.
4. Слепнев А.Е. Расследование мошеннических посягательств, совершенных группой лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001. С. 56.
5. Бражников Д.А., Бычков В.В. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие кражам, совершаемым с незаконным проникновением в жилища организованными преступными группами. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 26.
6. Егорышева Е.А. Расследование краж из помещений, совершенных несовершеннолетними в группе: монография. Уфа: Восточный университет, 2005. С. 21.
7. Егорышева Е.А. Первоначальный этап расследования краж из помещений, совершенных несовершеннолетними в группе: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С. 25.
8. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования краж чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 60.
9. Батаев И.А. Оперативно розыскное и криминалистическое обеспечение процесса расследования краж из квартир граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. С. 31–33.
10. Соколов А.Б., Кузнецов А.А. Расследование краж имущества граждан, совершаемых группами несовершеннолетних. М.: Юрлитинформ. 2013. С. 31.

References (transliterated)

1. Vasil'ev A.N., Yablokov N.P. Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy` kriminalistiki. M., 1984. S. 118.
2. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy`, tendencii, perspektivy`. Ot teorii k praktike. M.: Yurid. lit., 1988. S. 80–81.
3. Kanevskij L.L. Razrabotka kriminalisticheskix xarakteristik prestuplenij i ix ispol`zovanie v processe rassledovaniya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2000. № 2. S. 102.
4. Slepnev A.E. Rassledovanie moshennicheskix posyagatel`stv, sovershenny`x gruppoy licz: dis. ... kand. yurid. nauk. Ufa, 2001. S. 56.
5. Brazhnikov D.A., By`chkov V.V. Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodejstvie krazham, sovershaemy`m s nezakonny`m proniknoveniem v zhilishha organizovanny`mi prestupny`mi gruppami. M.: Yurlitinform, 2014. S. 26.
6. Egory`sheva E.A. Rassledovanie krazh iz pomeshhenij, sovershenny`x nesovershennoletnimi v gruppe: monografiya. Ufa: Vostochny`j universitet, 2005. S. 21.
7. Egory`sheva E.A. Pervonachal`ny`j e`tap rassledovaniya krazh iz pomeshhenij, sovershenny`x nesovershennoletnimi v gruppe: dis. ... kand. yurid. nauk. Ufa, 2004. S. 25.
8. Subbotina M.V. Kriminalisticheskie problemy` rassledovaniya krazh chuzhogo imushhestva: dis. ... d-ra yurid. nauk. Volgograd, 2004. S. 60.
9. Bataev I.A. Operativno rozy`sknoe i kriminalisticheskoe obespechenie processa rassledovaniya krazh iz kvartir grazhdan: dis. ... kand. yurid. nauk. Izhevsk, 1998. S. 31–33.
10. Sokolov A.B., Kuznecov A.A. Rassledovanie krazh imushhestva grazhdan, sovershaemy`x gruppami nesovershennoletnix. M.: Yurlitinform. 2013. S. 31.

RUSSIAN ASIAN LEGAL ASSOCIATION

РУССКО-АЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ

亚洲俄罗斯律师协会

Phone: +7 (495) 211 4188

E-mail: info@rala.legal

Кононыхина Т.С.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ-ПРЕСТУПНИЦЫ

Цель: Анализ некоторых аспектов криминологической характеристики личности женщины-преступницы по материалам Забайкальского края, Иркутской области и Республики Бурятия.

В данном исследовании рассматривается социально-демографическая, социально-ролевая, нравственно-психологическая и уголовно-правовая характеристика женщин, совершивших преступления. Проводится анализ статистических данных, характеризующих такие элементы социально-демографических признаков личности, как возраст, образование, семейное и материальное положение.

Методология: В данной работе использовались формально-юридические и историко-правовые методы.

Результаты: На основании данного исследования отмечается, что в исследуемых регионах по-прежнему ведущее место в структуре женской преступности занимают корыстные преступления, что обуславливает ряд выделенных особенностей личности преступницы. Выделяется устойчивая тенденция увеличения рецидивной женской преступности, а также тесная взаимосвязь с социально-негативными феноменами общества – алкоголизмом и наркоманией.

Новизна/оригинальность/ценность: На основе проведенного анализа формулируется портрет типичной женщины-преступницы, наиболее часто совершающей преступления в рассматриваемых регионах.

Ключевые слова: личность женщины-преступницы, региональная преступность, социально-демографическая характеристика, социально-ролевая характеристика, нравственно-психологическая характеристика, уголовно-правовая характеристика, портрет женщины-преступницы.

Kononykhina T.S.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF FEMALE CRIMINAL

Purpose: The article analyses some aspects of the criminological characteristics of the identity of a female criminal on the materials of the Transbaikal region, Irkutsk territory and Buryat Republic.

The article considers the socio-demographic, socio-role, moral-psychological and criminal-legal characteristics of women who have committed crimes. The author made the analysis of the statistical data characterizing such elements of social and demographic characteristics of the personality as age, education, marital and financial status.

Methodology: Formal legal and historical - legal methods were used in this work.

Results: It is noted that in the studied regions mercenary crimes still occupy a leading place in the structure of women's crime, which causes a number of highlighted features of the criminal's personality. A steady trend of increasing recidivism of female crime is highlighted, as well as a close relationship with the socially negative phenomena of society – alcoholism and drug addiction.

Novelty/originality/value: On the basis of the analysis a profile of a typical female criminal is formulated who the most often commits a crime in the territories of the regions under consideration.

Keywords: female criminal identity, regional crime, socio-demographic characteristic, socio-role characteristic, moral-psychological characteristic, criminal-legal characteristics, portrait of a female criminal.

Рассмотрение личности женщины-преступницы необходимо для более глубокого понимания проблемы женской преступности, что позволит сфокусировать внимание на основных причинах и мотивах преступного поведения женщин, а также создать более эффективные превентивные меры. Учитывая географию женской преступности, можно отметить, что каждому субъекту Российской Федерации присущи свои особенности личности женщин-преступниц, обуславливающие актуальность региональных исследований. Знание этих особенностей и их своевременный анализ помогут обратить внимание правоохранительных органов на ту или иную проблему. Так, на территории Забайкальского края, Иркутской области и Республики Бурятия на протяжении последнего десятилетия в структуре

региональной женской преступности наблюдается высокая доля преступлений против жизни и здоровья, против семьи и несовершеннолетних, а также преступлений против здоровья населения и общественной нравственности. Общественная опасность данных преступлений велика, что не может не отразиться на будущем всех рассматриваемых регионов и России в целом.

В целом личность преступника представляет собой целостную систему социальных и психических свойств, черт и качеств субъекта, образующих ее общественную опасность, детерминирующую совершение преступлений [1, с. 460]. Преступникам свойственно отрицательное отношение к социальным нормам, нравственным ценностям, их преступная модель поведения обусловлена выбором общественно опасного пути для удовлетво-

рения своих потребностей. Мы придерживаемся позиции В.Я. Рыбальской и А.Л. Репецкой, которые под личностью преступника понимают совокупность негативных социальных и социально значимых свойств и качеств человека, которые во взаимодействии с внешними обстоятельствами (ситуацией) привели его к совершению преступления [2, с. 127].

Вследствие того, что в криминологической науке существуют различные подходы к рассмотрению данного феномена и выделяются различные структурные элементы личности женщины-преступницы, в настоящем исследовании личность женщины-преступницы рассматривается через призму четырех личностных характеристик: социально-демографическую, социально-ролевую, нравственно-психологическую и уголовно-правовую, однако сравнительный анализ будет проводиться на основе не всех элементов, составляющих характеристики, а наиболее значимых.

Одним из наиболее важных признаков социально-демографической характеристики, рассматривающих личность преступницы, является возраст. Возраст во многом определяет потребности, жизненные цели людей, круг их интересов, образ жизни, что не может не сказаться на противоправных действиях [3, с. 25]. А.В. Швец отмечает, что под влиянием возрастных изменений может меняться и преступное поведение, круг интересов и потребностей. Социально-психологические особенности личности тоже напрямую зависят от возрастных перемен [4, с. 77].

В результате исследования было установлено, что на территории исследуемых регионов, как и Российской Федерации в целом, чаще всего преступления женщинами совершаются в возрасте от 30 до 49 лет (48–52 %) (см. рис. 1). Данный возраст характеризуется психической зрелостью, высокой социальной активностью и трудовой занятостью населения. Обычно в этом возрасте женщины имеют достаточно знаний и накопленного опыта для достижения финансовой стабильности, желаемых социальных ролей, для определения своих жизненных ориентиров и ценностей. Однако именно отсутствие постоянного источника доходов является особенностью женской преступности в России (около 66 %) и в рассматриваемых регионах (более 70 %).

Далее в Забайкальском крае следует возрастная группа 18–24 лет, средний показатель которой составляет 19 %, женщины в возрасте 25–29 лет составляют 17 %, преступницы в возрасте и старше 50 лет – 12 %, возрастная группа 14–17 лет – 6 %. В Иркутской области и Республике Бурятия второй

по степени криминальной активности является группа 25–29 лет, показатели которой составляют 21 % и 18 % соответственно, затем следует группа 18–24 лет со средним показателем 18 % и 16 %. Значительно более низкие показатели у группы женщин, совершивших преступления в возрасте 50 лет и старше, – 8 % и 12 %, девушки в возрасте 14–17 лет составляют 5 % в рассматриваемых регионах.

Таким образом, большая часть преступниц относится к сравнительно молодой возрастной группе, это объясняется тем, что женщины этой категории часто попадают в ситуации сложного выбора, стоят перед необходимостью решения жизненно-важных проблем, нередко связанных с обеспечением детей. Особое внимание следует уделить возрастной категории 25–29 лет, представительницам которой свойственно отсутствие навыков правильной оценки жизненных явлений, складывающихся ситуаций, неумение преодолевать трудности, слабое развитие системы социального торможения. Нередко встречаются случаи, когда жизненные идеалы молодых женщин к этому возрасту начинают рушиться из-за трудностей, что в свою очередь порождает у человека глубокое разочарование и расценивается как крушение надежд. Вследствие этого у определенной группы лиц возникает желание преодолеть сложные жизненные ситуации неправомерным путем [5, с. 56].

Анализируя насильственные посягательства, можно сказать, что они характерны для женщин более зрелого возраста. Это связано с тем, что среди женщин старше 40 лет высок удельный вес одиноких, что обусловлено неустроенностью их личной жизни, распадом супружеских и других социально полезных связей, а также трудностями в процессе социальной реабилитации для женщин, имеющих в прошлом судимости, – с большей остротой реагирования на неустроенность личной жизни, семейные неурядицы, жизненные проблемы, одиночество, бытовые или служебные неприятности.

Вместе с тем в рассматриваемый возрастной период наблюдается наиболее активное участие женщин в общественном производстве, в эти годы женщины нередко назначаются на руководящие должности и, как следствие, начинают испытывать внутреннее противоречие между работой и семьей, а также давление в связи с необходимостью постоянно доказывать свои профессиональные возможности в условиях постоянной конкуренции с мужчинами. Так, каждое второе убийство женщина совершает в возрасте

30–49 лет, на эту же возрастную категорию приходится более 50 % совершенных умышленных причинений тяжкого вреда здоровью.

Стоит отметить, что удельный вес преступниц в возрасте 50 лет и старше составляет примерно десятую часть от всех выявленных женщин, совершивших преступления, данное обстоятельство можно объяснить возрастными изменениями, которые могут оказывать влияние как на социальную сферу жизни женщины (условия проживания, привычки, ценностные установки), так и на психофизиологию ее организма.

Важной социально-демографической характеристикой личности является ее образовательный уровень. Характерной особенностью исследуемых регионов является то, что наибольший удельный вес среди женщин-преступниц занимают женщины, имеющие начальное и основное общее образование – около 40 % (см. рис. 2).

Данное обстоятельство можно объяснить тем, что около 50 % всех преступлений составляют кражи, не требующие большой профессиональной подготовки и квалификации со стороны женщины, а также тем, что низкий уровень образования может затруднить выбор женщиной приемлемых (законных) вариантов поведения в сложной жизненной ситуации и ограничительным образом сказаться на формировании моральных и мировоззренческих установок, ее правосознании.

Далее в Забайкальском крае и Иркутской области следует категория женщин, имеющих среднее (полное) общее образование, – 28 % и 29 % соответственно; 20 % и 24 % составляют женщины-преступницы, имеющие среднее профессиональное образование. В Республике Бурятия каждая четвертая женщина, совершившая преступление, имеет среднее профессиональное образование, каждая пятая – среднее (полное) общее образование. Полученные результаты согласуются со сложившейся экономической ситуацией в регионах, поскольку большая часть женщин стремится к получению какого-либо образования для повышения возможности трудоустройства и получения достойного заработка. Отсутствие образования не только не дает возможности надеяться на достойную оплату труда, но и само трудоустройство ставит под сомнение.

Небольшой удельный вес женщин, имеющих высшее образование, в структуре региональной женской преступности может быть связан с более высокой степенью адаптации женщин к изменяющимся условиям внешней среды, а также с тем, что, хотя высшее образование и стало более доступным, оно все еще требует существенных фи-

нансовых затрат, которых у многих женщин в рассматриваемых регионах нет.

При социально-демографической характеристике важное криминологическое значение в рассматриваемых регионах имеет анализ материального положения, который показывает, что средняя ежемесячная сумма дохода на одного члена семьи осужденной к моменту совершения преступления у 18 % составила около 3 000 рублей, у 67 % – от 4 000 до 9 000 рублей, у 13 % – свыше 10 000 рублей. В целом анализ основных социально-экономических показателей уровня жизни населения за 2016 год показал, что среднедушевой ежемесячный денежный доход составил: в Забайкальском крае – 22 846 руб., в Иркутской области – 22 267 руб., в Республике Бурятия – 25 165 руб. При этом удельный вес населения с денежным доходом ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения распределился следующим образом: в Республике Бурятия – 18,3 %, в Забайкальском крае – 19,4 %, в Иркутской области – 20,6 %.

Таким образом, положение материальной необеспеченности может существенным образом сказаться на поведении женщин, приводящем к разрешению материальных проблем противоправным путем. Затянувшееся повышение общего уровня цен на товары и услуги сильнее всего отражается на малообеспеченных группах населения, что приводит к усилению социального расслоения в обществе, недоверию к проводимым региональным реформам в экономической сфере и тенденции к нарастанию угнетенности.

Обращаясь к вопросу криминологической характеристики женщины-преступницы, необходимо раскрыть характеристику социально-ролевых свойств. Безусловно, потребности и интересы женщин-преступниц в большинстве своем связаны с теми социальными ролями, которые выполнялись ими в семье, в трудовом коллективе и в целом в обществе.

Рассмотрение социальной роли женщины-преступницы в семье показало, что на момент совершения преступления 18 % женщин состояли в браке, 45 % проживали гражданским браком, 17 % разведены (вдовы), 20 % не были замужем. Следовательно, женщины, проживающие гражданским браком, более подвержены криминогенному воздействию, что напрямую может быть связано с отсутствием оформленных брачных отношений (где зачастую оба или один из партнеров не считает себя супругом), тесной духовной связи с супругом, а порой и уважения к партнеру, что, в свою очередь, деструктивным образом

сказывается на сохранении семейных отношений между женщинами-преступницами и их сожителями и отрицательно влияет на социальную адаптацию женщины в случае отбытия ею наказания в виде лишения свободы, поскольку в большинстве своем сожители законом не обременены и предпочитают расстаться, порвав социальную связь с преступницей.

Далее следуют женщины, не состоящие в браке на момент совершения преступления. Возможно, здесь играет роль отсутствие устроенной личной жизни, что также пагубно сказывается на поведении женщин, влияет как на направленность, так и на устойчивость преступного поведения. По оценке психологов, в большинстве случаев семья стимулирует положительное поведение, осуществляет социальный контроль.

Обращает на себя внимание тот факт, что при наличии у многих преступниц детей (почти у 60 %) далеко не все из них стремятся качественно выполнять свою материнскую роль. Так, 64,8 % преступниц, имеющих детей, не работали, а 50,9 % из них систематически употребляли алкогольные и (или) наркотические средства. Дети таких женщин обычно оказывались на воспитании родственников либо же просто принадлежали сами себе, пока их матери предавались паразитическому образу жизни [6, с. 113]. Однако нельзя исключать наличия среди преступниц женщин, которые искренне переживают за своих детей, и даже совершаемые ими преступления обусловлены именно заботой о детях: стремлением обеспечить детей едой, одеждой и иными предметами первой необходимости.

Также интерес представляет рассмотрение социальной роли, которую женщина-преступница выполняет на работе. На территории Забайкальского края (69 %), Иркутской области (74 %) и Республики Бурятия (73 %), как и в России (66 %) в целом, велика доля женщин, не имеющих к моменту совершения преступления постоянных источников доходов (см. рис. 3).

По нашему мнению, данная категория женщин представляет наибольшую социальную опасность, поскольку, не имея постоянной трудовой занятости и (или) не обладая среднепрофессиональным или высшим уровнем образования, многие из них не могут устроиться на работу после освобождения из мест лишения свободы, в связи с чем они начинают совершать новые преступления, прежде всего, для удовлетворения своих бытовых потребностей в пище, одежде, деньгах и т. д. Высокая стоимость обучения и отсутствие вечерних школ, где раньше бывшие правонару-

шители могли получить дополнительное образование, практически полностью лишает женщин возможности получения достойного дохода в будущем законными способами.

Далее следует группа наемных работников. Их удельный вес в 2016 году на территории России составил 20 %, в Забайкальском крае и Иркутской области – 17 %, а в Республике Бурятия – 15 %. Стоит отметить, что, как правило, данная работа предполагает неквалифицированный труд, для которого не нужны глубокие специальные профессиональные знания. К таким работникам чаще всего предъявляются низкие требования, и, как следствие, им выплачивается маленькая заработная плата. Все это порождает в людях безразличное отношение к своему труду и тем материальным ценностям, за которые они отвечают, формирует устойчивое нежелание работать, культивирует портрет нанимателя как «врага», которого можно «обокрасть».

Характеристика нравственно-психологической сферы отражает отношение личности к социальным ценностям и выполняемым социальным функциям. В отличие от преступников-мужчин женщинам-преступницам, как правило, свойственны чувство вины, беспокойство за свое будущее, а также повышенная тревожность, эмоциональная ранимость. Среди осужденных женщин много тех, кто имеет невротические нарушения, тревожно-депрессивные состояния, у некоторых имеются психические аномалии и расстройства, в том числе и из-за возрастных изменений.

Поскольку криминогенные процессы, происходящие в рассматриваемых регионах, имеют тождественную основу, представляется возможным рассмотреть нравственно-психологической сферы женщины-преступницы на примере одного региона – Забайкальского края. Анализ полученных данных показывает, что для 60 % женщин-преступниц наиболее значима семейная жизнь, на втором месте – достижение материального благополучия (30 %), для 8 % осужденных является ценностью воспитание детей и для 2 % – познание себя.

Можно предположить, что такое распределение ценностей связано с тем, что женщины более болезненно, чем мужчины, переживают по поводу отсутствия у них личной жизни, испытывают в связи с этим чувство зависти. Далее следует группа женщин, для которых одной из важных жизненных ценностей является достижение материального благополучия. Данная группа характеризуется потребительской направленностью, деформацией ценностных ориентаций и соци-

альных установок, преобладанием материальных интересов, стремлением удовлетворить свои потребности за счет интересов других лиц или общества.

В криминологии уделяется внимание роли психических переживаний, эмоций и чувств человека в механизме индивидуального преступного поведения. Так, по результатам нашего исследования можно сказать, что женщины-преступницы ценят в людях такие качества, как трудолюбие (35 %), честность (24 %), чуткость к окружающим (20 %), общительность (13 %). Здесь просматривается явное несоответствие полученным ранее результатам, а именно: выделяя как одно из приоритетных качеств, которым должна обладать личность, трудолюбие, на момент совершения преступления большая часть женщин не имела определенного рода занятий, тем самым не обладала указанным выше качеством.

Определение самооценки женщин-преступниц показало, что 35 % считают себя трудолюбивыми, 24 % – честными, 19 % – образованными, 13 % – верными. Подобное несоответствие полученных результатов с их реальным социальным положением объясняется тем, что, совершая противоправное действие, женщина попадает в психотравмирующую ситуацию, в которой испытывает чувство вины, беспокойства за свое будущее, усиливающееся в период отбывания наказания в исправительной колонии, что приводит к игнорированию, неадекватному восприятию и оценке возникающих жизненных ситуаций. Поэтому зачастую женщинам присуще стремление изменить существующее положение, в котором они пребывают, в социально-позитивном направлении [7, с. 81].

Особенностью уголовно-правовой характеристики женщин-преступниц в Забайкальском крае, Иркутской области и Республики Бурятия является возрастание рецидивной преступности. Так, если в 2010 году каждая шестая женщина-преступница ранее совершала преступление, то в 2016 году таковой являлась каждая третья. Таким образом, в рассматриваемых регионах доля женщин-рецидивисток возросла с 16 до 46 %. Следует отметить, что доля женщин, имеющих судимость, в числе всех выявленных женщин, совершивших преступление, варьируется в пределах от 15 до 27 %.

Анализ структуры рецидивной женской преступности показал, что самыми распространенными являются преступления против собственности – 37 %, преступления против жизни и здоровья – 22,3 %, преступления против здоровья

населения и общественной нравственности – 18 %, преступления против семьи и несовершеннолетних – 14 %, другие преступления составляют 8,7 %. При этом женщинами-рецидивистками было совершено 57 % преступлений небольшой тяжести, 23 % преступлений средней тяжести, 16 % тяжких преступлений, 4 % особо тяжких преступлений.

Высокая доля женщин-рецидивисток может объясняться тем, что в исследуемых регионах широко применяется наказание в виде лишения свободы на определенный срок, назначаемое условно. Возможность применения такого наказания опирается на учет характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, а также обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание. Однако данный вид наказания не всегда способствует эффективной превенции, поскольку, возвращаясь в преступную среду, женщина начинает ощущать «безнаказанность» за совершенное деяние, как следствие, происходит сохранение имеющихся антиобщественных установок и преступного поведения.

Кроме того, нередко женщины-преступницы страдают хроническим алкоголизмом, так, в исследуемых регионах доля преступниц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, составляет около 30 %; доля женщин, которые совершили преступление, находясь в состоянии наркотического опьянения, – около 15 %. При этом женщины, страдающие синдромом зависимости от алкоголя, чаще всего совершают такие преступления, как убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, а женщины, страдающие от наркомании, чаще всего совершают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

У женщин с синдромом зависимости от алкоголя на фоне имеющегося заболевания и в условиях хронической психотравмирующей ситуации, отрицательного микросоциального окружения могут формироваться психические и поведенческие расстройства, что способствует неуклонному снижению социального функционирования во всех аспектах – социально-трудовом, семейном, межличностном, бытовом и, соответственно, приводит к росту противоправной активности [8, с. 175].

Фактором риска является также злоупотребление наркотиками. Употребление наркотических средств или одурманивающих веществ затрагивает психологическое состояние человека, что влечет неконтролируемость им своих чувств и эмоций. Исследование, проведенное Н.И. Сазиной, выявило корреляционную зависимость

между злоупотреблением психоактивными веществами и совершением преступлений. Несмотря на то, что прямую причинно-следственную связь между ними установить сложно, полученные данные свидетельствуют о серьезных социально-психологических проблемах, характерных для женщин, которые совершили преступления. Так, 56 % опрошенных женщин признались, что употребляли наркотики, 40 % женщин считают, что страдают от наркотической зависимости, 41 % опрошенных сообщили, что у них была передозировка или иные серьезные проблемы со здоровьем из-за принятия наркотиков, и они пытались лечиться от наркотической зависимости [9, с. 257].

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- наибольшая доля женщин в исследуемых регионах совершают преступления в возрасте 30–49 лет, имеют начальное и основное общее образование, не имеют постоянного источника дохода, состоят в фактически-брачных отношениях;
- особенностью социально-ролевой характеристики личности женщины-преступницы является то, что наиболее активно реализуемая ими роль – это роль матери, которая исполняется ненадлежащим образом;
- в структуре нравственно-психологической характеристики большинством женщин (60 %) выделяются семья и семейные ценности;
- в уголовно-правовой характеристике отметим тот факт, что доля женщин-рецидивисток превышает в исследуемых регионах 45 %.

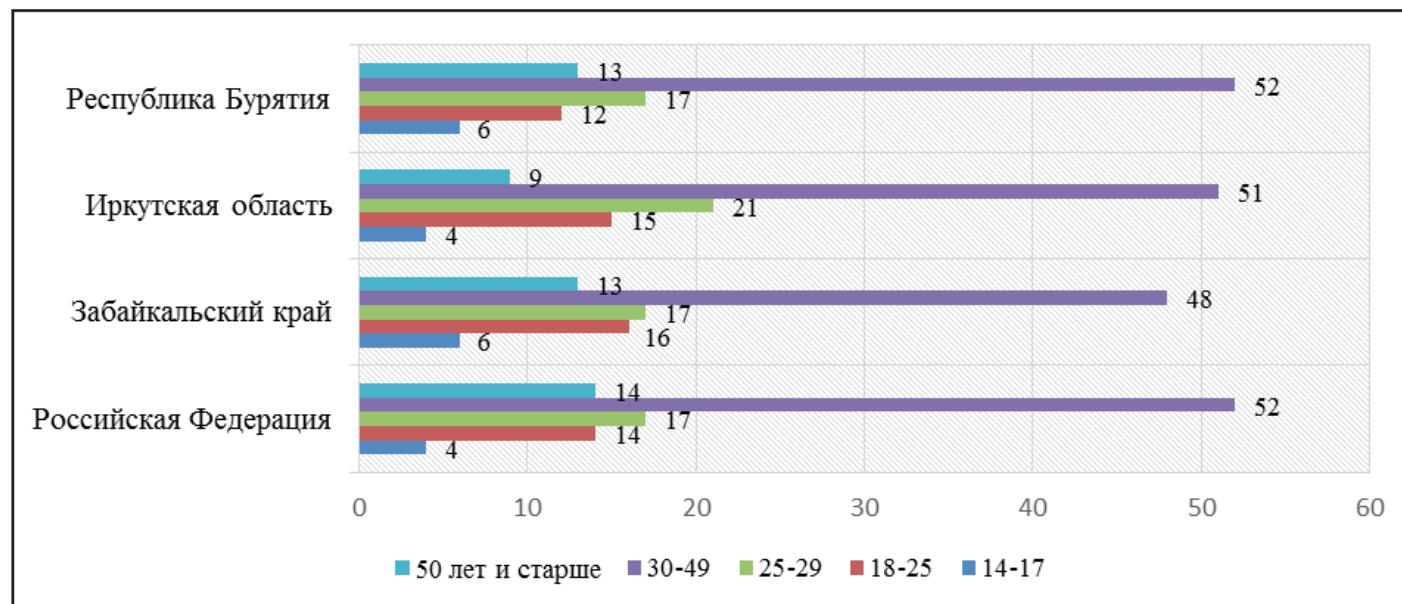

Рисунок 1. Возрастная характеристика женщин-преступниц, выявленных на территории Российской Федерации, в Забайкальском крае, Иркутской области и Республике Бурятия за 2016 г., в %

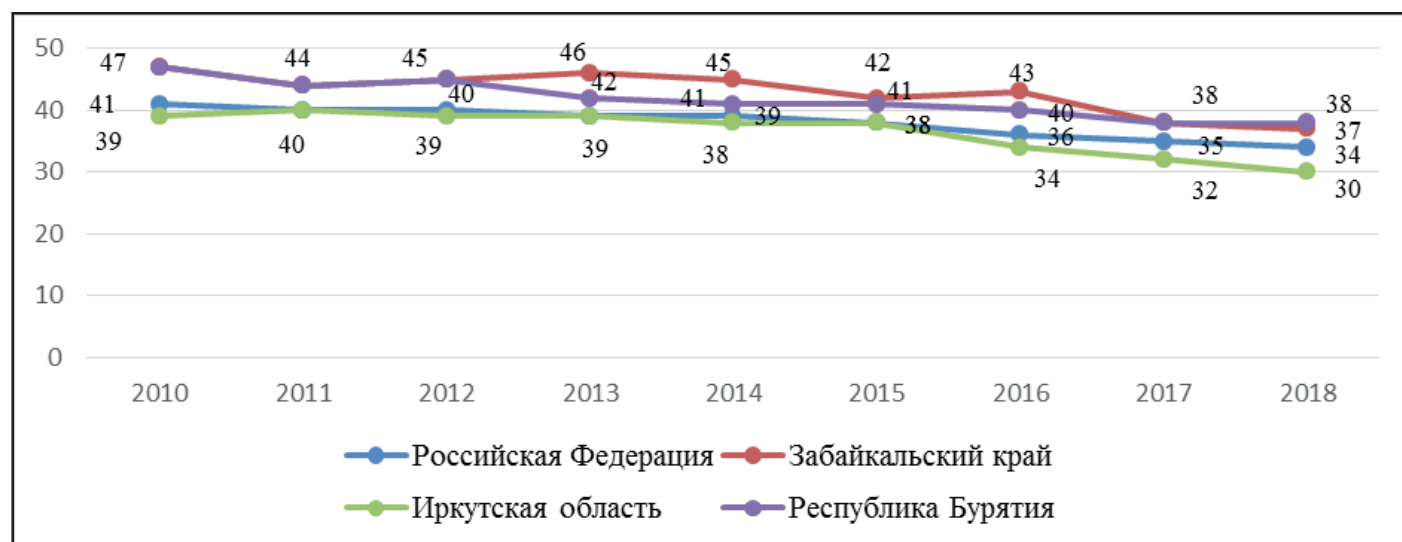

Рисунок 2. Динамика удельного веса женщин-преступниц, имеющих начальное и основное общее образование, в Российской Федерации, Забайкальском крае, Иркутской области и Республике Бурятия (2010–2018 гг.)

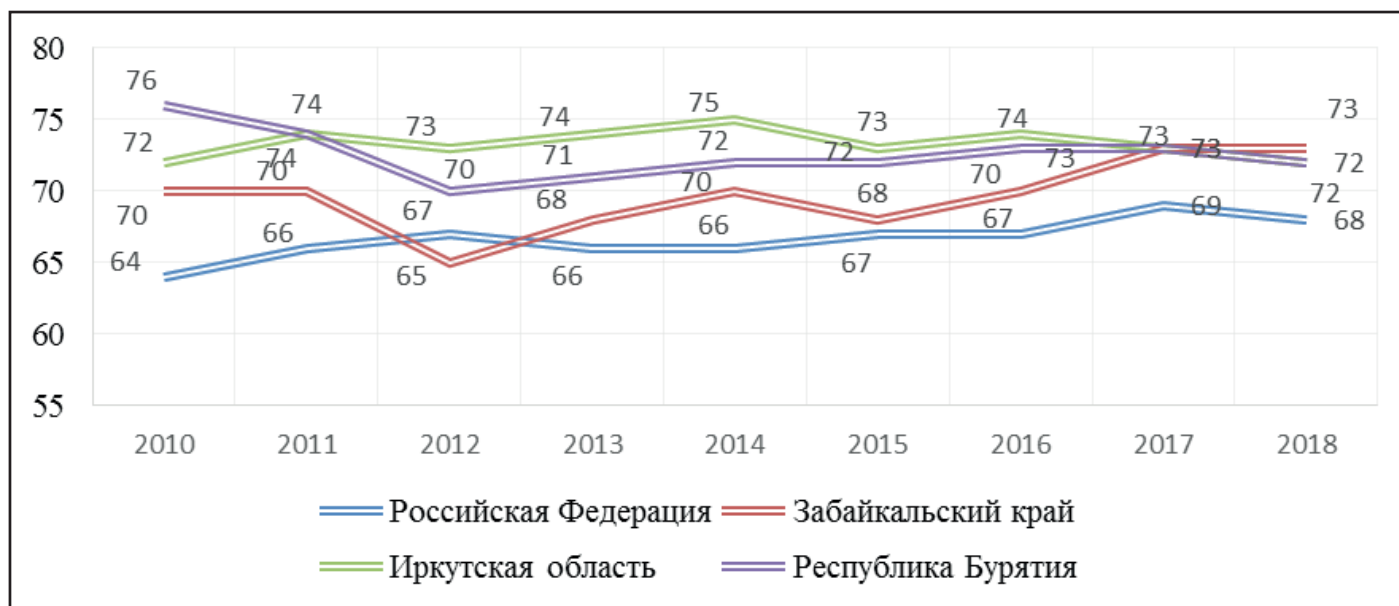

Рисунок 3. Динамика удельного веса женщин-преступниц, не имеющих постоянных источников дохода, в Российской Федерации, Забайкальском крае, Иркутской области и Республике Бурятия (2010–2018 гг.), в %

Пристатейный библиографический список

1. Криминология: учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 460.
2. Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я. Криминология: Общая часть: учеб. пособ. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. С. 127.
3. Антонян Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 25.
4. Швеце А.В. Предупреждение мошенничеств, совершаемых женщинами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 77.
5. Синьков Д.В. Преступность женщин: состояние, причины и предупреждение (региональная характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 56.
6. Демина К.А. Личность преступницы в аспекте особенностей ее социально-ролевой характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 113.
7. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М.: Российское право, 1992. С. 81.
8. Сазонова Н.И. Криминологическая характеристика женщин с расстройствами психики, совершивших насильственное преступление // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 175.
9. Лысова А.В., Романова Л.И. Социально-психологические характеристики женщин, совершивших преступления (по результатам исследования в женской исправительной колонии в Приморском крае) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 257.

References (transliterated)

1. Kriminologiya: uchebnik / pod red. prof. N.F. Kuzneczovoj, prof. V.V. Luneeva. M.: Volters Kluver, 2004. S. 460.
2. Repeczkaya A.L., Ry`bal`skaya V.Ya. Kriminologiya: Obshhaya chast`: ucheb. posob. Irkutsk: Izd-vo IGE`A, 1999. S. 127.
3. Antonyan Yu.M. Lichnost` prestupnika / Yu.M. Antonyan, V.N. Kudryavcev, V.E. E`minov. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2004. S. 25.
4. Shvecz A.V. Preduprezhdenie moshennichestv, sovershaemy`x zhenshhinami: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2015. S. 77.
5. Sin`kov D.V. Prestupnost` zhenshhin: sostoyanie, prichiny` i preduprezhdenie (regional`naya karakteristika): dis. ... kand. jurid. nauk. Irkutsk, 2003. S. 56.
6. Demina K.A. Lichnost` prestupnicy v aspekte osobennostej ee social`no-rolevoj karakteristiki // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 331. S. 113.
7. Antonyan Yu.M. Prestupnost` sredi zhenshhin. M.: Rossijskoe pravo, 1992. S. 81.
8. Sazonova N.I. Kriminologicheskaya karakteristika zhenshhin s rasstrojstvami psixiki, sovershivshix nasil`stvennoe prestuplenie // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 5. S. 175.
9. Ly`sova A.V., Romanova L.I. Social`no-psixologicheskie karakteristiki zhenshhin, sovershivshix prestupleniya (po rezul`tatam issledovaniya v zhenskoj ispravitel`noj kolonii v Primorskom krae) // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal`skogo gosudarstvennogo universiteta e`konomiki i prava. 2016. T. 10. № 2. S. 257.

Сарфароззода К.А.

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ ОРГАНАМИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ТАДЖИКИСТАНА

Цель: Исследование некоторых теоретических аспектов обеспечения защиты права человека на жизнь и здоровье органами судебной власти Таджикистана.

Методология: Использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты: В данной статье сделан вывод, что деятельность органов судебной власти Таджикистана выступает основным государственным механизмом, обеспечивающим защиту права человека на жизнь и здоровье.

Новизна/оригинальность/ценность: Новизна статьи состоит в том, что автором впервые проведено исследование основных теоретических аспектов деятельности органов судебной власти Таджикистана по обеспечению защиты права человека на жизнь и здоровье.

Ключевые слова: судебная власть Таджикистана, право человека на жизнь и здоровье, правосудие, деятельность судебных органов, судебная защита прав и свобод человека.

Sarfarozzoda K.A.

ON SOME THEORETICAL ASPECTS OF ENSURING THE PROTECTION OF THE HUMAN RIGHT TO LIFE AND HEALTH BY JUDICIAL AUTHORITIES OF TAJIKISTAN

Purpose: To study of some theoretical aspects of ensuring the protection of the human right to life and health by the judicial authorities of Tajikistan.

Methodology: Formal legal and comparative legal methods were used.

Results: This article concludes that the activities of the judiciary in Tajikistan, acts as the main state mechanism to ensure the protection of the human right to life and health.

Novelty/originality/value: The novelty of the article is that the author for the first time conducted a study of the main theoretical aspects of the activities of the judiciary in Tajikistan to ensure the protection of the human right to life and health.

Keywords: Tajikistan's judiciary, human right to life and health, justice, the activities of the judiciary, judicial protection of human rights and freedoms.

Истоки правового термина «судебная власть» в юридической науке и законодательстве берут начало с обретением Таджикистаном государственной независимости. С принятием Конституции был установлен принцип разделения государственной власти, судебная власть была признана наравне с законодательной и исполнительной ветвями власти.

Б.Б. Сулейманов справедливо отмечает, что судебная власть является не только ветвью государственной власти, частью механизма государства, но и надежным гарантом прав и свобод человека. Независимый суд является атрибутом как правового государства, так и гражданского общества [14].

Обеспечение защиты права человека на жизнь и здоровье органами судебной власти выполняется в соответствии с процессуальными формами. В ст. 3 Конституционного Закона РТ «О судах РТ» закреплено, что судебная власть осуществляет свою деятельность посредством конституционного, гражданского, семейного, экономического, уголовного и административного судопроизводства.

Р.А. Рябзин отмечает, что законодатель наделил суды общей юрисдикции компетенцией в сфере осуществления судопроизводства по гражданским, уголовным и административным делам. При этом в законе осознанно не приводится перечень дел, относящихся к компетенции судов общей юрисдикции, поскольку спектр правоотношений, складывающихся в жизни общества, настолько богат и разнообразен, что определить его границы не представляется возможным [11].

Судебные органы, рассматривая и разрешая конкретные дела (гражданские, семейные, административные, уголовные и иные), восстанавливают нарушенные права и законные интересы лиц, выносят судебные акты, по гражданским делам – судебные решения, а по уголовным делам – приговоры, в которых дают правовую оценку доказательствам, предоставляемым сторонами, на основе применения норм действующего законодательства.

Т.А. Рукавишникова отмечает, что судебная защита прав и законных интересов человека осуществляется посредством определённых механизмов, установленных в законе. Деятельность

судебной власти занимает ведущее место в обеспечении прав и свобод человека [10].

И.С. Масликов справедливо отмечает, что соблюдение основных прав и свобод человека, охрана его законных интересов возможны только в том государстве, где обеспечивается верховенство закона, где функционирует полноценный государственный механизм разделения и взаимодействия властей, в котором особую роль играет судебная власть [6].

На судебную власть была возложена важнейшая государственная функция по защите прав, свобод личности, интересов государства, различных по своей форме организаций и обеспечения социальной справедливости и законности в таджикском обществе.

Согласимся с мнением С.В. Левина, который отмечает, что без судебной власти правовое государство не может выполнять функции охраны правопорядка, защиты прав и свобод граждан, поэтому признание государством ценности судебной власти, принятие идеи о самостоятельности последней означает, что государство признает необходимость самоограничения власти [5].

Н.И. Матузов отмечает, что «право на жизнь – первое фундаментальное естественное право человека, без которого все другие права лишаются смысла, ибо покойникам никакие права не нужны» [8]. Этой точки зрения придерживается и С.В. Черниченко, утверждающий, что «без обеспечения права на жизнь становится бессмысленной постановка вопроса о соблюдении остальных прав и свобод» [9].

Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев отмечает, что права личности должны по-прежнему оставаться главным ориентиром деятельности судебных органов, чтобы конституционные положения об их высшей ценности не остались очередной декларацией, не реализованной в жизни [4].

Судебная власть по своей правовой природе является правоприменительным органом. Данный характер судов Таджикистана проявляется в следующем:

– это компетентная, уполномоченная деятельность органов судебной власти, направленная на защиту прав и свобод человека;

– данная деятельность основывается на таких основных принципах, как законность, целесообразность, обоснованность, социальная справедливость и др.;

– суды в своей деятельности применяют нормы материального и процессуального права;

– суды осуществляют правосудие по конкретным рассматриваемым делам;

– данная деятельность осуществляется в определенных законом процессах (например, установленных в гражданско-процессуальном и уголовно-процессуальном законодательстве и др.);

– обязательность исполнения вступивших в законную силу судебных актов;

– данная деятельность обладает силой государственного принуждения.

В.А. Туманов подчеркивает, что, если законодатель провозглашает и закрепляет права и свободы и основы их гарантии, правосудие охраняет эти права от нарушителей, то создание необходимых материальных, организационных и иных условий (в той мере, в какой они зависят от государства) реализации прав и свобод – сфера деятельности исполнительной власти [15].

Ю.И. Стецовский справедливо отмечает, что суды всех видов постоянно выполняют две важнейшие и взаимодополняющие друг друга функции – правозащитную и правосстановительную. Их не могут выполнять в полном объеме другие правоприменительные учреждения, так как решения судов после их подтверждения в окончательных судебных инстанциях приобретают обязательную силу для всех государственных органов и должностных лиц, а в случае необходимости обеспечиваются принудительно [1].

В высказывании Ю.И. Стецовского ключевыми являются правозащитная и правосстановительная функция деятельности судебных органов. Именно исходя из задач, которые возложены законодательством Таджикистана на судебные органы, осуществляются защита и восстановление нарушенных прав личности на жизнь и здоровье.

Исходя из вышеприведенного, считаем, что основным направлением деятельности органов судебной власти выступает осуществление правосудия, посредством которого суд (судебные органы) на основании предусмотренных конституционных и процессуальных принципов путем рассмотрения и разрешения различных категории дел защищает право человека на жизнь и здоровье.

Функция правосудия, как основной вид деятельности органов судебной власти, на наш взгляд, выступает наиболее важным процессуальным механизмом в деле реализации своих полномочий судебной властью и способом защиты права человека на жизнь и здоровье.

Для аргументации своих научных позиций сделаем несколько выводов.

Во-первых, деятельность судов, направленная на защиту права человека на жизнь и здоровье, относится к неопределённому количеству лиц, или, как справедливо отметил В.П. Кашепов, она носит характер всеобщности [13].

Статья 19 Конституции Таджикистана гласит, что каждому гарантируется судебная защита. Под термином «каждый» следует понимать неограниченное количество лиц. В судебные органы за защитой своего права на жизнь и здоровье могут обращаться все лица и граждане Таджикистана, иностранные граждане и лица без гражданства вне зависимости от расы, национальности, вероисповедания, пола, языка общения, политических взглядов, имущественного положения и социального статуса. Это право имеет универсальный характер и устанавливается нормами международного права.

Т.А. Савельева в своём диссертационном исследовании отмечает, что суд, являясь органом судебной власти, осуществляет правосудие по гражданским делам путём рассмотрения и разрешения, а также пересмотра и исполнения судебных постановлений [12].

Также статья 4 Гражданского процессуального кодекса РТ (ГПК РТ) устанавливает, что каждое заинтересованное лицо имеет право в порядке, установленном гражданским судебным процессуальным законодательством, на судебную защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

Учёные справедливо отмечают, что именно от возможности лица обратиться в судебные органы и добиться объективного и справедливого, на основе закона, разрешения своего дела, возможности обжалования судебного акта и объективной проверки его законности и обоснованности зависит реализация такой важной гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина, какой является судебная защита [2, 17].

Право человека и гражданина на судебную защиту своей жизни и здоровья не подлежит ограничению со стороны государства, так как это прямая обязанность государства.

Во-вторых, деятельность судов направлена на защиту права на жизнь и здоровье в предметном смысле, то есть судебной защите подлежат те права и свободы, законные интересы лиц, которые закреплены в национальном и международном законодательстве. Статья 14 Конституции РТ установила, что права и свободы человека и гражданина регулируются и охраняются Конституцией, законами республики, признанными Таджикистаном международно-правовыми актами.

В-третьих, деятельность судов по защите прав и свобод человека и гражданина осуществляется независимо от исполнительной, законодательной ветвей власти, государственных органов и их должностных лиц.

Председатель Верховного Суда России В.М. Лебедев отмечает, что судебная власть призвана обеспечить защиту прав и законных интересов граждан в целом от любых правонарушающих действий и решений, от кого бы они ни исходили, в том числе от должностных лиц, обладающих властными полномочиями, и от государства в целом, и тем самым обеспечить господство права [3].

В-четвёртых, реальную судебную защиту право человека на жизнь и здоровье приобретает после принятия решения по конкретному делу, которое должно отвечать требованию законности, обоснованности и справедливости судебного акта, который вступил в законную силу. Судебный акт является обязательным для исполнения всеми государственными органами, органами самоуправления поселков и сёл, общественными организациями, должностными лицами, физическими и юридическими лицами и подлежит неукоснительному исполнению на всей территории Республики Таджикистан. Неисполнение или воспрепятствование исполнению влечёт за собой уголовную ответственность, установленную статьей 363 Уголовного кодекса Республики Таджикистан [16].

Посредством реального исполнения судебного акта происходит процесс, обеспечивающий защиту и восстановление нарушенного права человека на жизнь и здоровье.

Обращение личности в судебные органы для защиты своего права на жизнь и здоровье можно считать началом процесса судебной защиты нарушенного или оспариваемого права человека. Затем суд (судья) выполняет ряд целенаправленных процессуальных действий в рамках полномочий, установленных в законодательстве. Иными словами, процесс обращения личности в суд, рассмотрения и разрешения конкретного дела, принятия по нему судебного решения и его исполнения представляет собой механизм судебной защиты права человека на жизнь и здоровье.

Лицо, которое обратилось в органы судебной власти за защитой своих личных прав на жизнь и здоровье, имеет ряд процессуальных прав, которые позволяют ему в судебном порядке восстановить или защитить отмеченное право.

В целом Республика Таджикистан в конституционных нормах установила, что права и свободы

человека и гражданина признаются, соблюдают и защищаются государством, в данном контексте деятельности суда по защите права человека на жизнь и здоровье отводится особая роль.

Национальное законодательство предусматривает три основных судебных механизма, обеспечивающих защиту права человека на жизнь и здоровье; это рассмотрение и разрешение в судебном порядке гражданских, административных и уголовных дел.

В гражданском законодательстве Республики Таджикистан закреплены механизмы защиты прав человека на жизнь и здоровье, например компенсация морального вреда в случае причинения вреда жизни и здоровью, вытекающая из деликатных обязательств. Лицо имеет право обращаться с иском в суд с требованиями о возмещении вреда, причинённого жизни и здоровью, а также требовать компенсацию за моральный вред и др.

Из материалов обобщения судебной практики, связанной с рассмотрением и разрешением судом дел, связанных с причинением вреда жизни и здоровью граждан, которое провёл Верховный Суд Республики Таджикистан, можно наблюдать, что суд (судьи) по-разному применяет нормы права, отнесённые к данным категориям дел [7].

Защита всех прав, свобод и законных интересов личности, в том числе права человека на жизнь и здоровье, представляет собой основную направленность деятельности судов Республики Таджикистан, которая подтверждается задачами, установленными перед судебной властью Конституцией Республики Таджикистан и Конституционным законом РТ «О судах РТ».

Подводя итоги, можно сделать вывод, что судебная защита права человека на жизнь и здоровье рассматривается как комплексное правовое явление, основной государственный механизм, обладающий специфическими свойствами, направленными на защиту и восстановление нарушенного права человека.

Пристатейный библиографический список

1. Стецовский Ю.И. Судебная власть. М., 1999. С. 67, 78.
2. Бобоев А.Х. Конституционно-правовое регулирование статуса человека и гражданина в Республике Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 154.
3. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России, проблемы становления и развития: монография. СПб.: Лань, 2001. С. 5.
4. Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности): монография.

М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.

5. Левин С.В. Судебный контроль над исполнительной властью в Российской Федерации // Российская юстиция. 2007. № 6. С. 53–55.

6. Масликов И.С. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

7. Материалы обобщения судебной практики Верховного Суда Республики Таджикистан, связанные с делами по причинению вреда жизни и здоровью граждан, рассмотренные судами за 2010–2011 гг. // Архив Верховного Суда Республики Таджикистан. Душанбе, 2012.

8. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. 1998. № 1. С. 198.

9. Международное право / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М.: Омега-Л, 2006. С. 306.

10. Рукавишников Т.А. Обеспечение прав человека в контексте судебной реформы в Российской Федерации: Вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

11. Рябин Р.А. Правовые основы деятельности судов общей юрисдикции в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

12. Савельева Т.А. Судебная власть в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 181.

13. Судебная защита прав и свобод граждан / под ред. В.П. Кашепова. М., 1999.

14. Сулейманов Б.Б. Суд в системе государственной власти (методологические аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 3. С. 239–244.

15. Туманов В.А. Теория государства и права. М., 1998.

16. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 575 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Душанбе, 1998. № 9. С. 149, 167.

17. Эльназаров Д.Х. Особенности административно- и гражданского судопроизводства по защите прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан // Вестник российско-таджикского (славянского) университета. 2013. № 3 (42). С. 23.

References (transliterated)

1. Steczovckij Ju.I. Cudebnaya vlast`. M., 1999. С. 67, 78.
2. Boboev A.X. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie statusa cheloveka i grazhdanina v Respublike Tadzhi- stan: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. S. 154.
3. Lebedev V.M. Sudebnaya vlast` v sovremennoj Ros- sii, problemy` stanovleniya i razvitiya: monografiya. SPb.: Lan`, 2001 S. 5.
4. Lebedev. V.A. Konstitucionno-pravovaya oxrana i zashhita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii (teoriya i praktika sovremennosti): monografiya. M.: Izd- vo Mosk. un-ta, 2005.
5. Levin S.V. Sudebny`j kontrol` nad ispolnitel`noj vlast`yu v Rossijskoj Federacii // Rossijskaya yusticiya. 2007. № 6. S. 53–55.
6. Maslikov I.S. Sudebnaya vlast` v gosudarstvennom mexanizme Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1997.

7. Materialy` obobshheniya sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda Respubliki Tadjikistan, svyazanny`e s delami po prichineniyu vreda zhizni i zdorov`yu grazhdan, rassmotrenny`e sudami za 2010–2011 gg. // Arxiv Verxovnogo Suda Respubliki Tadjikistan. Dushanbe, 2012.

8. Matuzov N.I. Pravo na zhizn` v svete rossijskix i mezhdunarodny`x standartov // Pravovedenie. 1998 № 1. S. 198.

9. Mezhdunarodnoe pravo / pod red. A.A. Kovaleva, S.V. Chernichenko. M.: Omega-L., 2006. S. 306.

10. Rukavishnikova T.A. Obespechenie prav cheloveka v kontekste sudebnoj reformy` v Rossijskoj Federacii: Voprosy` teorii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2006.

11. Ryabzin R.A. Pravovy`e osnovy` deyatel`nosti sudov obshhej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009.

12. Savel`eva T.A. Sudebnaya vlast` v grazhdanskom processe: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 1996. S. 181.

13. Sudebnaya zashhita prav i svobod grazhdan / pod red. V.P. Kashepova. M., 1999.

14. Sulejmanov B.B. Sud v sisteme gosudarstvennoj vlasti (metodologicheskie aspekty`) // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2013. № 3. S. 239–244.

15. Tumanov V.A. Teoriya gosudarstva i prava. M., 1998.

16. Ugolovny`j kodeks Respubliki Tadjikistan ot 21.05.1998 № 575 // Axbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadjikistan. Dushanbe, 1998. № 9. S. 149, 167.

17. E`lnazarov D.X. Osobennosti administrativnogo i grazhdanskogo sudoproizvodstva po zashhite prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Respublike Tadjikistan // Vestnik rossijsko-tadjikskogo (slavyanskogo) universiteta. 2013. № 3 (42). S. 23.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- ✓ Законопроекты
- ✓ Принятые законы
- ✓ Судебная практика
- ✓ Пресс-релизы
- ✓ Юридические статьи
- ✓ Юридические вузы
- ✓ Юридическая школа в лицах
- ✓ Новости
- ✓ Наши партнеры
- ✓ Институт законодательства
- ✓ Бесплатная юридическая консультация

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Канатов Т.К.

ПРАВОМОЧИЕ ОБЛАДАТЕЛЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРАВОМ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Цель: Исследовать актуальные проблемные вопросы правомочия обладателя исключительного права на распоряжение правом, в частности юридических лиц и государства, в странах ЕАЭС.

Методология: При написании статьи были применены системно-структурные, конкретно-социологические, историко-правовые, социально-правовые, сравнительно-правовые, статистические методы работы.

Результаты: В статье сделаны предложения и выводы, основанные на проведенном анализе международного законодательства, а также нормативно-правовых актов стран ЕАЭС, действовавших на данный момент. Высокая актуальность и практическая значимость данной статьи заключается в проведении анализа правомочия обладателя исключительного права на распоряжение правом в странах ЕАЭС. Особая значимость данного исследования в том, что выработанные теоретические положения могут быть использованы при последующем изучении и рассмотрении вопросов, проблем правовой регламентации правомочия обладателя исключительного права на распоряжение правом в странах ЕАЭС. Проведенным исследованием автор вкладывает весомый ресурс в теоретическую часть гражданского права.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть актуальные проблемные вопросы правовой регламентации правомочия обладателя исключительного права на распоряжение правом в странах ЕАЭС. На данный момент наука гражданского права не выработала единой концепции понятия субъекта права. В юридической теории данные вопросы обсуждаются на протяжении нескольких столетий, в статье отражены наиболее весомые теоретические выкладки выдающихся ученых по данным правовым спорным вопросам различных эпох.

Ключевые слова: исключительные права, распоряжение правом, государство, юридические лица, ЕАЭС.

Kanatov T.K.

AUTHORITY OF THE HOLDER OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO DISPOSE OF THE RIGHT IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Purpose: To Investigate the actual problematic issues of the right of the owner of the exclusive right to dispose of the right, in particular legal entities and the state as subjects of the right of the owner of the exclusive right in the EAEU countries.

Methodology: System-structural, concrete-sociological, historical-legal, social-legal, comparative-legal, statistical methods of work were used in writing the article.

Results: Proposals and conclusions based on the analysis of international legislation, as well as regulatory legal acts of the EEU countries in force at the moment. The high relevance and practical significance of this article lies in the analysis of the competence of the owner of the exclusive right to dispose of the right in the EEU countries. The special significance of this study lies in the fact that the developed theoretical provisions of this work in the future can be used for further study and consideration of issues, problems of legal regulation of the right of the owner of the exclusive right to dispose of the right in the EEU countries. Therefore, the author invests a significant resource in the theoretical part of civil law.

Novelty/originality/value: The Article has a high scientific value, as it is one of the first attempts to consider topical issues of legal regulation of the right of the owner of the exclusive right to dispose of the right in the EAEU countries. At the moment, the science of civil law has not developed a single concept of the concept of the subject of law, in this regard, the article discusses the theoretical views of pre-revolutionary and modern scientists. In legal theory, these issues have been discussed for several centuries, the article reflects the most significant theoretical calculations of outstanding scientists on these legal controversial issues of different eras.

Keywords: exclusive rights, disposal of rights, state, legal entities, EEU.

В соответствии с доктриной авторского права ЕАЭС юридические лица не могут создавать произведения и приобретать личные неимущественные права. Однако этот вопрос является в правовой науке дискуссионным. Труд большого коллектива часто не может быть персонифицирован, в связи с этим предлагается конструкция «юридическое лицо – автор». В рассматриваемых странах отсутствует опыт применения юридического лица как автора, хотя по факту в СССР юри-

дические лица выступали в роли авторов. В законе термин «юридическое лицо» отсутствовал, но киностудии, фотостудии, научно-исследовательские институты выступали в качестве правообладателей.

Сегодня нередко на сайтах в интернете можно встретить информацию, что правообладателем является коммерческая (например, общество с ограниченной ответственностью, товарищество с ограниченной ответственностью, акционерное

общество и т. п.) или некоммерческая организация. Личные неимущественные права на составление базы данных также могут иметь не только граждане, но и организации – юридические лица.

Все действующие на территории ЕАЭС организации, осуществляющие коллективное управление интеллектуальными правами, условно делятся на аккредитованные и неаккредитованные. В российском законе порядок аккредитации регулируется нормами ст. 1244 ГК РФ и актами Правительства РФ [4]. В России фактическими монополистами в данной сфере являются такие аккредитованные организации, как общероссийская общественная организация «Российское авторское общество» (РАО), организация по коллективному управлению исключительными правами фотографов, художников, скульпторов и других авторов произведений изобразительного искусства (УПРАВИС) и Российский союз правообладателей (РСП).

11 декабря 2017 г. страны ЕАЭС заключили Соглашение о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе. Но в силу оно не вступило. Один из проблемных вопросов в области коллективного управления интеллектуальными правами на территории ЕАЭС проявляется в возможности аккредитованных организаций коллективного управления правами (ОКУП) представлять интересы любых правообладателей без заключения с ними договора, включая сбор вознаграждения. В частности, это подтверждают пункты 3–4 ст. 1244 ГК РФ и разъяснения п. 21 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 5/29 от 26.03.2009 [5]: организация, осуществляющая коллективное управление авторскими и смежными правами, вправе на основании п. 5 ст. 1242 ГК РФ предъявлять требования в суде от имени правообладателей или от своего имени для защиты прав, управление которыми она осуществляет.

Как пример нарушения исключительного авторского права на произведение, на которое отреагировала ОКУП, можно привести Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 11 марта 2019 г. по делу № А72-21274/2018 [7]. Из материалов дела следует, что РАО обратилось в Арбитражный суд Ульяновской области с иском заявлением к ИП Кирилловой Л.Е. о взыскании 120 тыс. руб. компенсации за нарушение исключительных прав на произведения. Инспектор РАО посредством видеосъемки зафиксировал, что 12.07.2018 в помещении пиццерии «Папа Санчес» было осуществлено публичное исполнение шести музыкальных произведений, входя-

щих в репертуар РАО. Суд указал, что для правомерного использования указанных в исковом заявлении произведений ответчику следовало заключить лицензионный договор с РАО. Поскольку по состоянию на 12.07.2018 между сторонами лицензионный договор заключен не был, авторское вознаграждение не выплачивалось, вышеуказанные произведения были использованы неправомерно.

Вместе с тем полномочия, данные законом ОКУП, частично нивелируют право обладателя на распоряжение правом. Фактически правообладатель «вынужден» заключать с ОКУП договор на передачу права, чтобы защитить свои права или в целях получения вознаграждения.

Проблемной спецификой обладает правовое положение государства и других публично-правовых образований как субъектов исключительных прав. Положения ст. 124 и 125 ГК РФ установили, что органы власти и управления, действующие от имени Российской Федерации и субъектов РФ, могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности. Согласно п. 2 ст. 125 ГК РФ аналогичными правами обладают органы местного самоуправления.

В законодательстве ЕАЭС государство является особым субъектом гражданских правоотношений, так как участвует в гражданском обороте не в своих частных интересах, а в интересах всего общества; государство принимает законы, которые должны исполнять все субъекты гражданского оборота, обладает суверенитетом и иммунитетом и т. д. Соответственно, относительно положения государства как субъекта авторского права и смежных прав преобладает точка зрения, что оно является скорее исключением из общего правила. В.А. Дозорцев, анализируя проблему авторских прав на кинофильмы, создававшиеся на государственных киностудиях, указывал на принципиальную невозможность принадлежности государству первоначальных авторских прав [2]. Хотя, например, по английскому Закону об авторском праве, дизайне и патентах 1988 года обладателем авторского права на произведение, созданное или впервые опубликованное правительством либо под его руководством, является правительство Великобритании [5].

По общему правилу государство в определенных случаях становится наследником автора. Специально уполномоченный орган исполнительной власти может осуществлять защиту авторства умершего автора в течение срока его действия при отсутствии наследников.

В настоящее время государство является активным участником авторских правоотношений. Помимо обладания различными функциями, включая охрану произведений, исполнения и т. п. и защиту авторских и смежных прав, государство может являться нанимателем исполнителя служебного произведения, исполнителя (коллектива исполнителей) по государственному (или муниципальному) контракту (ст. 1298 ГК РФ), может стать наследником автора. Но до сих пор в полной мере не решена проблема распоряжения правом государства на объекты интеллектуального права, созданные в результате выполнения работ, полностью или частично финансируемых за счет государственного бюджета. Иначе как объяснить появление распоряжения Правительства РФ от 25.12.2013 № 2536-р [6], согласно которому к особо ценному движимому федеральному имуществу стали относить патенты (п. 358–365)?

По общему смыслу действующего законодательства бюджетное учреждение вправе свободно распоряжаться исключительными правами на РИД и средства индивидуализации. Однако нормы, применяемые к распоряжению интеллектуальными правами в ГК РФ, находятся в конфликте с правовым режимом имущества бюджетного учреждения и его правовым статусом как «держателя» имущества учредителя (п. 1 ст. 123.21 ГК РФ). В связи с этим можно согласиться с мнением [1], что в законодательстве должно быть закреплено понятие «юридическое лицо публичного права»; издан специальный закон, регламентирующий правовой статус органов государственной власти; дополнены нормы гражданского законодательства, регламентирующие полномочия органов государственной власти в рассматриваемой сфере.

В 2018 г. Правительством РФ утвержден План-график (от 24.10.2018 № 8665п-П 7) совершенствования нормативно-правовой базы в сфере управления правами на результаты интеллектуальной деятельности, полученные за счет бюджетных средств, который предусматривает нормативное закрепление требований по проведению патентных исследований в ходе реализации государственных программ и использованию их результатов. Но говорить о полном урегулировании проблемных вопросов в данной области преждевременно.

Недостаточно урегулированным является институт множественности лиц в гражданско-правовом аспекте вообще и в исключительном праве в частности. В последние годы проблеме множественности правообладателей стали уделять боль-

ше внимания ввиду усложнения объектов интеллектуальной собственности, трансформации правовых систем и развития гражданского оборота в сети интернет. В пользу признания коллективного субъекта говорит хотя бы то обстоятельство, что в гражданском праве давно выделены нормы, регулирующие принадлежность исключительных прав нескольким лицам. Но «коллективного субъекта» следует отличать от соавтора.

Пункт 3 ст. 1229 ГК РФ говорит о том, что, если право на РИД или средство индивидуализации принадлежит нескольким лицам совместно, то распоряжение правом осуществляется правообладателями, как правило, совместно. Каждый из них может использовать объект исключительного права по своему усмотрению, однако при этом доход, получаемый от совместного использования права, должен распределяться равномерно между всеми правообладателями.

Соавторство возникает при одновременном наличии двух условий:

- 1) участие соавторов носит творческий характер;
- 2) произведение, итогом которого явилось единство формы и содержания.

В теории права выделяют три концепции соавторства:

1. «Ограничительная» концепция: соавторство возможно только в том случае, когда соавторы, работая вместе над единым произведением, создали такой объект, в котором невозможно выделить части, созданные конкретным автором (нераздельное соавторство).

2. «Расширительная» концепция: соавторство означает любое совместное произведение, если авторы, сплотив свои усилия, внесли каждый свою лепту в единое произведение, объединив свои части общим замыслом (раздельное соавторство).

3. «Сборное» соавторство: авторы аудиовизуального произведения являются «сборными авторами» – некий противовес соавторству [2].

В гражданском праве стран ЕАЭС следуют «расширительной» концепции соавторства. Соавтором российский закон признает граждан, создавших произведение совместным творческим трудом, при этом они признаются соавторами независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение (п. 1 ст. 1258 ГК РФ). В законе имеется уточнение, что «лица, непосредственно не участвовавшие в творческом процессе, не признаются соавторами, даже если они оказывали автору техническое, организационное, материальное или иное содей-

стве, не являющееся творческой деятельностью» (п. 1 ст. 1228 ГК РФ).

Пристатейный библиографический список

1. Боженко С.Я. О гражданской правосубъектности органов государственной власти // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 47–54.
2. Дозорцев В.А. Право на фильм как сложное многослойное произведение // Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М., 2003. С. 144–179.
3. Канатов Т.К. Защита субъективных авторских прав (на примере законодательства Республики Казахстан, Российской Федерации и Германии). Астана, 2011. С. 48.
4. Об утверждении Положения о государственной аккредитации организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами: постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 992 [ред. от 30.12.2018].
5. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 5/29 от 26.03.2009.
6. Перечень особо ценного движимого имущества, закрепленного Росимуществом за ФГБОУ высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»: распоряжение Правительства РФ от 25.12.2013 № 2536-р.

7. Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 11 марта 2019 г. по делу № А72-21274/2018.

References (transliterated)

1. Bozhenok S.Ya. O grazhdanskoj pravosub`ektnosti organov gosudarstvennoj vlasti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1. S. 47–54.
2. Dozorcev V.A. Pravo na fil`m kak slozhnoe mnogoslojnoe proizvedenie // Intellektual'ny'e prava. Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii: sbornik statej. M., 2003. S. 144–179.
3. Kanatov T.K. Zashhita sub`ektivny`x avtorskix prav (na primere zakonodatel'stva Respubliki Kazaxstan, Rossijskoj Federacii i Germanii). Astana, 2011. S. 48.
4. Ob utverzhdenii Polozheniya o gosudarstvennoj akkreditacii organizacij, osushhestvlyayushhix kollektivnoe upravlenie avtorskimi i smezhny`mi pravami: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.12.2007 № 992 [red. ot 30.12.2018].
5. O nekotory`x voprosax, vznikshix v svyazi s vvedeniem v dejstvie chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: postanovlenie Plenuma VS RF i Plenuma VAS RF № 5/29 ot 26.03.2009.
6. Perechen` osobo cennogo dvizhimogo imushhestva, zakreplennogo Rosimushhestvom za FGBOU vysshego professional'nogo obrazovaniya «Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny`j universitet»: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.12.2013 № 2536-r.
7. Reshenie Arbitrazhnogo suda Ul`yanovskoj oblasti ot 11 marta 2019 g. po delu № A72-21274/2018.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Яковлев А.Ю., Чеботников И.В.

ФОРМИРОВАНИЕ И ВЫПОЛНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАДАНИЯ БЮДЖЕТНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ГОРОДА МОСКВЫ

Цель: Исследование правовых норм, связанных с формированием государственного задания бюджетными учреждениями города Москвы и правоприменительной практикой по его выполнению.

Методология: Использовались методы системного, ситуационного, сравнительного анализа, синтеза, систематизации, обобщения, а также формально-юридический метод.

Результаты: Рассмотрен порядок формирования государственного задания на очередной финансовый год и плановый период государственного бюджетного учреждения города Москвы, основные подходы к определению норматива стоимости единицы государственной услуги (работы), принципы расчета размера субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания.

Новизна/оригинальность/ценность: Результаты исследования могут быть использованы для решения актуальных теоретических и практических проблем формирования государственного задания государственных бюджетных учреждений города Москвы, а также для создания более эффективной правовой базы их обеспечения.

Ключевые слова: государственное учреждение, государственное бюджетное учреждение, государственное задание, государственные услуги и работы, субсидия.

Yakovlev A.Yu., Chebotnikov I.V.

FORMATION AND REALIZATION OF THE STATE ASSIGNMENT BY THE MOSCOW CITY BUDGETARY INSTITUTIONS

Purpose: To study of the legal norms related to the formation of the state task by the city of Moscow budgetary institutions and law enforcement practice for its implementation.

Methodology: The methods of systemic, situational, comparative analysis, synthesis, systematization, generalization, as well as the formal legal method were used.

Results: The procedure for the formation of the state assignment for the next financial year and the planning period to the state budgetary institution of the city of Moscow, the main approaches to determining the standard cost of a unit of public service (works), the principles of calculating the amount of subsidies for financial support for fulfilling the state assignment are considered.

Novelty/originality/value: The results of the study can be used to solve pressing theoretical and practical problems of forming the state task of state budgetary institutions of the city of Moscow, as well as to create a more effective legal basis for their support.

Keywords: state institution, state budget institution, state task, state services and works, subsidy.

В России общественный сектор экономики исторически играет ключевую роль в экономических процессах. Экономическими акторами выступают Российская Федерация и ее субъекты [8]. Действуют они через органы государственной власти или учреждаемые ими юридические лица. Подавляющее число организаций, созданных Российской Федерацией и регионами, имеют организационно-правовую форму учреждений. Среди учреждений наибольшее распространение получили бюджетные.

Подходы к использованию учреждений у федерального центра и субъектов отличаются. Не имея возможности разобрать в рамках одной работы ситуацию с учреждениями по всей стране, авторы сконцентрируют свое внимание на крупнейшем субъекте федерации – городе Москве и на таком первостепенном вопросе, как формирование государственного задания.

В городе Москве некоторое время назад подвергся реформированию порядок формирования государственного задания для государственных бюджетных учреждений города Москвы, регулировавшийся до 05.12.2017 Постановлением Правительства Москвы от 26.12.2012 № 836-ПП «О совершенствовании порядка формирования государственного задания для государственных учреждений города Москвы» [5]. В настоящее время данный правовой акт утратил силу.

Следствием проведенной реформы является появление Постановления Правительства Москвы от 05.12.2017 № 941-ПП «О формировании государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) государственными учреждениями города Москвы» [2], регулирующего в настоящее время в столице правила формирования и ведения регионального перечня (классификатора) государственных (муниципальных) услуг и работ, порядок формирования госу-

дарственного задания на оказание государственных услуг, выполнение учреждениями работ и его финансовое обеспечение.

Региональный перечень представляет собой совокупность утвержденных реестровых записей в разрезе видов деятельности. В случае изменения входящей в региональный перечень реестровой записи конкретного вида деятельности изменению подлежит региональный перечень в части этого вида деятельности в целом. По каждой госуслуге или работе образуется реестровая запись, которой присваивается уникальный номер. Дублирование госуслуг и работ не допускается.

Авторы отмечают, что не допускается включение в региональный перечень положений, приводящих к возникновению расходных обязательств муниципальных образований по переданным от города Москвы полномочиям.

Формирование регионального перечня осуществляется на основании правовых актов Российской Федерации и города Москвы, в соответствии с которыми оказываются (выполняются) государственные услуги (работы) ГБУ города Москвы.

Региональный перечень формируется и ведется в электронной форме в Автоматизированной системе управления городскими финансами города Москвы (АСУ ГФ) в разрезе видов деятельности. Этим занят московский орган власти, осуществляющий разработку и реализацию госполитики в соответствующей сфере деятельности [4].

Органы исполнительной власти (ОИВ), осуществляющие функции и полномочия учредителя государственных учреждений города Москвы, имеющие предложения по внесению изменений в региональный перечень, направляют посредством АСУ ГФ подготовленные предложения по внесению изменений в региональный перечень в ответственные ОИВ города Москвы в установленной сфере деятельности для их рассмотрения в целях включения в региональный перечень путем согласования в электронном виде.

Правила формирования (изменения) реестровых записей при формировании и ведении регионального перечня и структура уникального номера реестровой записи регионального перечня утверждаются Департаментом финансов города Москвы (Депфин).

Ответственные ОИВ в установленной сфере деятельности, сформировавшие реестровую запись, направляют ее посредством АСУ ГФ в Департамент экономической политики и развития города Москвы (ДЭПиР) и Депфин для согласо-

вания. Согласование реестровой записи ДЭПиРом и Депфином осуществляется посредством ее подписания в АСУ ГФ усиленной квалифицированной электронной подписью (ЭЦП) уполномоченными должностными лицами указанных департаментов. ДЭПиР в срок не позднее пяти рабочих дней со дня ее направления посредством АСУ ГФ ответственным ОИВ города Москвы в установленной сфере деятельности при отсутствии замечаний согласовывает реестровую запись, а затем в таком же порядке рассматривает запись Депфин. В случае отказа указываются мотивированные причины.

Если замечаний у ДЭПиРа и Депфина не возникло, и указанные ГРБС согласовали включение реестровой записи в перечень, ОИВ, направивший на согласование запись, обязан утвердить ее в течение двух рабочих дней со дня ее согласования Депфином посредством ЭЦП.

Ведение регионального перечня осуществляется ответственными ОИВ города Москвы в своей части путем формирования информации для образования новых реестровых записей, внесения изменений в действующие реестровые записи или признания их утратившими силу.

Внесение изменений в региональный перечень в связи с принятием нового правового акта, внесением изменений в действующие акты, на основании которых формируется региональный перечень, и внесение в него изменений осуществляются ответственным ОИВ города Москвы в установленной сфере деятельности в срок не позднее 30 рабочих дней со дня вступления в силу указанного акта.

В случае обнаружения технических ошибок в информации, включенной в региональный перечень, их исправление осуществляется в АСУ ГФ ответственными ОИВ в течение пяти рабочих дней со дня обнаружения.

Региональный перечень размещается Депфином на портале Правительства Москвы «Открытый бюджет города Москвы», на официальном сайте для размещения информации о государственных учреждениях (bus.gov.ru) посредством информационного взаимодействия официального сайта по размещению информации о государственных учреждениях с АСУ ГФ и на едином портале бюджетной системы РФ [1].

Порядок формирования госзадания на выполнение (оказание) государственных работ (услуг) ГБУ и финансового обеспечения его выполнения устанавливает общие принципы формирования, утверждения госзадания и правила финансового обеспечения его выполнения, а также полномо-

чия московских органов власти по разработке, утверждению и контролю за его выполнением [2].

Данные госзадания используются при формировании городского бюджета в части определения объема бюджетных ассигнований, необходимых для финансового обеспечения выполнения государственного задания, а именно финансового обеспечения оказания государственных услуг и выполнения государственных работ.

В свою очередь это и определит объем субсидии ГБУ города Москвы на финансовое обеспечение выполнения госзадания.

Госзадание формируется и утверждается главным распорядителем бюджетных средств (ГРБС) для подведомственных организаций до трехлетнего срока при утверждении бюджета.

Обычно Закон о бюджете города Москвы на очередной финансовый год и плановый период (далее – Закон о бюджете города Москвы) принимают в середине–конце ноября. Опубликование Закона о бюджете города Москвы занимает десять дней. Как только он публикуется, у учредителей бюджетных учреждений города Москвы есть 30 дней на утверждение государственного задания правовым актом органа власти и заключение соглашения о порядке и условиях предоставления из бюджета города Москвы субсидии на финансовое обеспечение выполнения госзадания [7]. Обычно ГРБС использует для утверждения госзадания приказ.

Форсирование госзадания происходит с учетом следующих параметров:

- планируемая потребность в госуслуге и работе;
- физическая возможность оказывать госуслуги и выполнять работы;
- информация о выполнении госзадания в отчетном и текущем периодах;
- лимиты бюджетных обязательств и объемы ассигнований, предусмотренных ГРБС.

Госзадание, за исключением случаев, отнесенных к государственной тайне, формируется в АСУ ГФ на основании ведомственного перечня на этапе составления проекта городского бюджета.

Формирование ведомственного перечня осуществляется ОИВ в АСУ ГФ. В ведомственный перечень включаются государственные услуги из общероссийских базовых отраслевых перечней (классификаторов) государственных услуг и работ, оказываемых (выполняемых) учреждениями.

При формировании ведомственного перечня информация, указанная по каждой государственной услуге или работе, образует реестровую запись ведомственного перечня.

Указывается следующая информация: номер вида деятельности; уникальный номер реестровой записи; наименование государственной услуги или работы; код ОКПД; платность / бесплатность государственной услуги или работы; содержание государственной услуги или работы; условия (формы) оказания государственной услуги или работы; признак отнесения к госуслуге или работе; время действия реестровой записи; тип учреждения; категории потребителей государственной услуги или работы; наименование показателей, характеризующих качество государственной услуги или работы (при установлении показателей, характеризующих качество, соответствующими ОИВ города Москвы), и единицы их измерения; наименование показателей, характеризующих объем государственной услуги или работы, и единицы их измерения; нормированная государственная услуга на единицу объема; государственная работа в целом на объем или единицу объема; реквизиты (с указанием абзацев, подпунктов, пунктов, частей, статей) правовых актов, являющихся основанием для формирования регионального перечня и (или) внесения в него изменений.

Совокупность утвержденных реестровых записей общероссийских базовых (отраслевых) перечней и регионального перечня образует ведомственный перечень. Ведомственный перечень утверждается правовым актом государственного органа.

Включение в ведомственный перечень государственными органами государственных услуг из общероссийских базовых (отраслевых) перечней осуществляется при согласовании применения государственных услуг из общероссийских базовых (отраслевых) перечней ОИВ города Москвы в установленных сферах деятельности, которое осуществляется посредством АСУ ГФ.

Согласование реестровой записи ведомственного перечня осуществляется в аналогичном порядке, равно как и согласование записи регионального перечня. Отличия заключаются только в сроках: запись регионального перечня согласовывается в течение пяти рабочих дней, а ведомственного – в течение четырех рабочих дней.

В случае, когда для московского государственного учреждения устанавливается одновременно госзадание в части оказания госуслуг и работ, то его формирование происходит из двух частей. Каждая из них должна иметь отдельные требования к оказанию (выполнению) госуслуг (работ). А при установлении госзадания из нескольких услуг (работ) идет формирование нескольких разделов.

Каждый из таковых содержит требования к госуслуге и работе.

В случае изменения ведомственного перечня, на основании которого было сформировано госзадание, изменения объемов государственных услуг (работ), повлекшего изменение стоимости услуг (работ) без изменения общего объема бюджетных ассигнований, а также изменения объема бюджетных ассигнований, предусмотренных бюджетом Москвы на финансовое обеспечение выполнения госзадания, в него осуществляется внесение соответствующих изменений.

Изменения в госзадание вносятся ОИВ не позднее 25 декабря текущего финансового года. Тем не менее, на практике в исключительных случаях «в ручном режиме» изменения могут вноситься вплоть до последнего рабочего дня в текущем году.

В госзадании могут быть установлены допустимые (возможные) отклонения в процентах от установленных плановых показателей качества и (или) объема государственных услуг (работ), но не более 10 % в отношении каждой госуслуги и работы. Имеется возможность установления общих допустимых отклонений в госзадании в целом либо в его части, которые не могут быть изменены.

Финансовое обеспечение выполнения госзадания подведомственных организаций осуществляется посредством субсидии из городского бюджета, предоставляемой в пределах лимитов бюджетных обязательств.

Размер субсидии на финансовое обеспечение выполнения госзадания ГБУ города Москвы определяется на основании:

- нормативных затрат на оказание ГБУ единицы государственной услуги;
- нормативных затрат на выполнение государственных учреждениями города Москвы единицы государственной работы или нормативных затрат на выполнение объема государственной работы в целом, рассчитанных с применением проектного, сметного либо иного способа расчета затрат;
- затрат на содержание недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества, переданного ГБУ или приобретенного им;
- затрат на уплату налогов, если эти затраты не финансируются посредством субсидии на иные цели;
- с учетом средств, планируемых к поступлению от оказания государственных услуг и выполнения работ за плату в пределах установленного государственного задания.

Нормативные затраты на оказание государственных услуг, нормативные затраты на выполнение работ, затраты на содержание имущества вводятся в АСУ ГФ уполномоченными лицами государственных органов.

Корректирующие коэффициенты и состав затрат государственных учреждений города Москвы определяются в соответствии с Методическими рекомендациями по определению нормативных затрат на оказание (выполнение) государственных услуг (работ) в рамках государственного задания, утвержденными совместным приказом ДЭПиРа и Депфина 22.11.2013 № 253/129-ПР «Об утверждении методических рекомендаций по определению нормативных затрат на оказание (выполнение) государственных услуг (работ) и содержание имущества государственных учреждений города Москвы в рамках государственного задания» [2].

Норматив стоимости единицы государственной услуги и работы представляет из себя сумму затрат, определяемую в соответствии с утвержденной методикой расчета [5].

Норматив на содержание имущества есть не что иное, как стоимость содержания имущества, которое использует ГБУ для выполнения госзадания, из расчета на 1 кв. м.

Норматив утверждается по каждой услуге и работе, подлежащей нормированию, для одной и той же услуги и работы может быть установлен только один норматив. Нормативы и корректирующие коэффициенты к ним устанавливаются правовыми актами учредителя учреждения.

Учредителем устанавливается единый норматив на содержание имущества для всех подведомственных ему ГБУ. Одновременно учредитель утверждает и корректирующие коэффициенты к нормативу на содержание имущества.

Для определения норматива используются несколько методов расчета:

- экономически обоснованный расчет затрат на оказание (выполнение) государственной услуги (работы);
- экспертная оценка части расходов на оказание (выполнение) государственных услуг (работ) в доли общих расходов на обеспечение деятельности ГБУ;
- анализ данных бухгалтерской отчетности предшествующего периода.

Сметный метод расчета затрат применяется для работ, не подлежащих нормированию в соответствии с отраслевым перечнем.

При расчете норматива не учитываются расходы, которые финансируются за счет целевых субсидий, а также публичных обязательств, под-

лежащих исполнению в денежной форме по утвержденному Правительством Москвы перечню.

Изменение нормативов и корректирующих коэффициентов может быть произведено в следующих случаях и не чаще одного раза в год:

- при изменении предусмотренного учредителем в бюджете города размера бюджетных ассигнований;

- в случае внесения изменений в правовые акты, регулирующие требования и порядок оказания и выполнения госуслуг и работ.

Предоставление ГБУ города Москвы субсидии осуществляется на основании соглашения, формируемого в АСУ ГФ и заключаемого в электронной форме в соответствии с примерной формой, утвержденной Депфином, посредством подписания усиленной квалифицированной подписью уполномоченными лицами учреждения и госоргана, а также на бумажном носителе, заверенном печатями обеих сторон.

Примерная форма соглашения утверждается Депфином [7].

Во время формирования соглашения составляется график, в соответствии с которым осуществляется перечисление субсидии в объемах и сроки в соответствии с графиком перечисления субсидии, установленным соглашением, но не реже одного раза в квартал текущего финансового года.

Перечисление последней части субсидии в IV квартале текущего финансового года осуществляется после предоставления учреждением предварительного отчета о выполнении государственного задания в части показателей объема оказания (выполнения) государственных услуг (работ) за соответствующий финансовый год.

Государственное задание считается выполненным, если отклонение фактически достигнутых значений показателей от плановых значений не превышает допустимых (возможных) отклонений (в диапазоне от 0 до 10 %), за исключением государственных услуг (работ), носящих сезонный характер оказания (выполнения), фактические значения которых не зависят от действия (бездействия) учреждения, выполняющего (оказывающего) такие государственные услуги (работы).

Изменение размера субсидии в течение срока выполнения госзадания осуществляется в следующих случаях:

- количественное выражение объема госзадания;

- нормативные затраты на оказание (выполнение) единицы услуги (работы);

- нормативные затраты на выполнение объема госработы в целом;

- затраты на содержание имущества, состава недвижимого или особо ценного движимого имущества, используемого учреждением для выполнения госзадания.

Органы государственной власти осуществляют контроль за выполнением ГБУ госзаданий.

Отчеты о выполнении госзаданий формируются в АСУ ГФ. Учреждения представляют ОИВ отчеты о его выполнении, утверждаемые посредством их подписания в АСУ ГФ усиленной квалифицированной электронной подписью.

Проведенный авторами анализ не позволил затронуть все вопросы, касающиеся порядка формирования госзадания в городе Москве. В частности, остались вне рамок такие темы, как наполнение общероссийского, регионального перечней реестровыми записями, порядок их формирования, основания и порядок прекращения государственного задания для бюджетного учреждения, подробное описание работы с государственными заданиями в системе АСУ ГФ.

Подводя итог, можно сделать вывод, что основным мотивирующим ГБУ к деятельности документом является госзадание, утверждаемое ОИВ – учредителем бюджетного учреждения. Формирование и утверждение госзадания – трудоемкий и ответственный процесс, четко регламентированный правовыми актами города Москвы и непосредственно связанный с бюджетным процессом. Столичными ОИВ создана достаточно отлаженная система функционирования подведомственных организаций, в связи с чем московский опыт представляет интерес для иных субъектов федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Минфина России от 21.07.2011 № 86н (ред. от 17.12.2015) «Об утверждении порядка предоставления информации государственным (муниципальным) учреждением, ее размещения на официальном сайте в сети Интернет и ведения указанного сайта» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons>.

2. Постановление Правительства Москвы от 05.12.2017 № 941-ПП (ред. от 04.12.2018) «О формировании государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) государственными учреждениями города Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons>.

3. Постановление Правительства Москвы от 21.12.2010 № 1076-ПП (ред. от 14.11.2017) «О порядке осуществления органами исполнительной власти города Москвы функций и полномочий учредителя государственных учреждений города Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons>.

4. Постановление Правительства Москвы от 21.03.2013 № 154-ПП (ред. от 22.05.2018) «Об автоматизированной системе управления городскими финансами города Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

5. Постановление Правительства Москвы от 26.12.2012 № 836-ПП (ред. от 21.11.2017) «О совершенствовании порядка формирования государственного задания для государственных учреждений города Москвы» (утратило силу с 05.12.2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

6. Приказ Департамента финансов города Москвы и Департамента экономической политики и развития г. Москвы от 22.11.2013 № 253/129-ПП «Об утверждении методических рекомендаций по определению нормативных затрат на оказание (выполнение) государственных услуг (работ) и содержание имущества государственных учреждений города Москвы в рамках государственного задания» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

7. Приказ Департамента финансов г. Москвы от 10.12.2012 № 219 (ред. от 04.04.2018) «Об утверждении примерных форм Соглашений о порядке и условиях предоставления из бюджета города Москвы субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

8. Информационно-образовательный портал «Государственное и муниципальное управление» [Электронный ресурс]. URL: <http://gimyrf.ru>.

References (transliterated)

1. Приказ Минфина России от 21.07.2011 № 86н (ред. от 17.12.2015) «Об утверждении порядка предоставления информации государственными (муниципальными) учреждениями, ее размещении на официальном сайте в сети Интернет и ведении указанного сайта» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

2. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy` ot 05.12.2017 № 941-PP (red. ot 04.12.2018) «O formirovanii gosudarst-

vennogo zadaniya na okazanie gosudarstvenny`x uslug (vy`polnenie rabot) gosudarstvenny`mi uchrezhdeniyami goroda Moskvy`» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

3. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy` ot 21.12.2010 № 1076-PP (red. ot 14.11.2017) «O poryadke osushhestvleniya organami ispolnitel'noj vlasti goroda Moskvy` funkcij i polnomochij uchreditelya gosudarstvenny`x uchrezhdenij goroda Moskvy`» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

4. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy` ot 21.03.2013 № 154-PP (red. ot 22.05.2018) «Ob avtomatizirovannoj sisteme upravleniya gorodskimi finansami goroda Moskvy`» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

5. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy` ot 26.12.2012 № 836-PP (red. ot 21.11.2017) «O sovershenstvovanii poryadka formirovaniya gosudarstvennogo zadaniya dlya gosudarstvenny`x uchrezhdenij goroda Moskvy`» (utratilo silu s 05.12.2017) [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

6. Prikaz Departamenta finansov goroda Moskvy` i Departamenta e`konomicheskoj politiki i razvitiya g. Moskvy` ot 22.11.2013 № 253/129-PR «Ob utverzhdenii metodicheskix rekomendacij po opredeleniyu normativny`x zatrat na okazanie (vy`polnenie) gosudarstvenny`x uslug (rabot) i sodержание imushhestva gosudarstvenny`x uchrezhdenij goroda Moskvy` v ramkax gosudarstvennogo zadaniya» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

7. Prikaz Departamenta finansov g. Moskvy` ot 10.12.2012 № 219 (red. ot 04.04.2018) «Ob utverzhdenii primerny`x form Soglashenij o poryadke i usloviyax predostavleniya iz byudzheta goroda Moskvy` subsidii na finansovoe obespechenie vy`polneniya gosudarstvennogo zadaniya» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/>.

8. Informacionno-obrazovatel'ny`j portal «Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://gimyrf.ru>.

Проведем профессиональную экспертизу:

Строительно-техническую	Почерковедческую
Землеустроительную	Подлинности документов
Инженерно-технологическую	Оценочную
Пожарно-техническую	Товароведческую
Автотехническую	Бухгалтерскую

Профессионализм экспертов и современные методики проведения исследований в сжатые сроки обеспечивают максимально достоверные результаты!

Платинум
группа компаний

📍 м. Электrozаводская,
г. Москва, пл. Журавлева, д. 2, стр. 2, офис 321
✉ ocenka-m.com • info@ocenka-m.com
☎ 8 (800) 100-50-01 • 8 (495) 308-15-15

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ТРАКТАТ ОБ ОБРАЩЕНИИ 32-х, ПРИНЦИПАХ, ДИСКРИМИНАЦИИ И ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЕ» (ПРЕДИСЛ.: Г.Б. МИРЗОЕВ, ПОСЛЕСЛ.: А.В. ВОРОБЬЕВ). МОСКВА: РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА: ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА, 2019. 584 с.), ПОДГОТОВЛЕННУЮ АДВОКАТОМ, ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТОМ АНДРЕЕМ ВИКТОРОВИЧЕМ РАГУЛИНЫМ

REVIEW ON THE MONOGRAPH «TREATISE ON THE TREATMENT OF 32, PRINCIPLES, DISCRIMINATION AND DEMOCRACY IN THE RUSSIAN ADVOCACY» (PREFACE.: G.B. MIRZOEV, EPILOGUE: A.V. VOROBVOV). MOSCOW: RUSSIAN ACADEMY OF ADVOCACY AND NOTARIES: EURASIAN RESEARCH INSTITUTE OF LAW, 2019. 584 p.), PREPARED BY A LAWYER, DOCTOR OF LAW, ASSOCIATE PROFESSOR ANDREY VIKTOROVICH RAGULIN

Рецензируемая работа написана на актуальную и значимую тему. В ней поднимаются злободневные проблемы, связанные с основанием вмешательства государства, его органов и должностных лиц в деятельность адвокатуры как института гражданского общества, а также с особенностями взаимоотношений внутри профессионального адвокатского сообщества.

Указанные и иные проблемы, которые так или иначе связаны с реализацией гарантированного государством права на получение квалифицированной юридической помощи, автором решаются системно на основе изучения документов, анализа законодательства, материалов научных исследований и правоприменительной практики в сочетании с использованием метода включенного наблюдения.

К положительным аспектам исследования можно отнести такие положения работы, как, в частности:

а) «Не может в демократическом обществе институт гражданского общества – адвокатура нормально развиваться в условиях полного отсутствия демократии и бюрократизации внутри организационной жизни в самой адвокатуре» (с. 17);

б) «...конституционные права человека и гражданина, принадлежащие каждому, в том числе и адвокату, являются своеобразным базисом по отношению к его, адвоката, профессиональным правам» (с. 105);

в) «В силу положений ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 17 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, ст. 17 и 55 Конституции Российской Федерации, ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации при осуществлении прав и свобод адвокат может подвергаться только таким ограничениям, какие установлены Феде-

ральным законом исключительно в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Перечень публично-правовых ценностей, защита которых, с точки зрения международно-правовых норм, Конституции Российской Федерации и российского законодательства, оправдывает отдельные ограничения прав и свобод, является закрытым и не подлежит расширительному толкованию...» (с. 143).

Соглашаясь с данным выводом, отметим, что, как следует из абз. 3 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 25.05.2017 № 1158-О, «... определяя средства и способы защиты государственных интересов, законодатель должен использовать лишь те из них, которые для конкретной правоприменительной ситуации исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина, и исходить из того, что публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, оправдывают правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату и, не будучи чрезмерными, необходимы и строго обусловлены этими публичными интересами (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 года № 17-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 7 июня 2012 года № 14-П и др.)».

Обращение внимания на эти положения не случайно, поскольку они являются одними из ключевых в осмыслении проблематики «Обращения 32-х» и служат определённым ориентиром в оценке автором Трактата происходящего в адвокатуре. Работа в целом характеризуется внутренним единством, обусловленным темой исследования, и состоит из предисловия, введения, девяти глав с 60 параграфами, заключения и послесловия.

Во введении, при обнаружении столкновения профессионального интереса адвокатов и интереса групп администрирования в адвокатуре (с. 13–50), автор обращает внимание на существующие проблемы в адвокатуре, многие из которых явились следствием того, что, в частности: «В настоящее время адвокаты в Российской Федерации фактически лишены права избирать и быть избранными в органы адвокатского самоуправления, которые за период с 2004 по 2019 г. превратились в практически несменяемые органы корпоративного управления», «Адвокаты лишены права в рамках процедур, предусмотренных ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и иных актов адвокатской корпорации, влиять на действия и решения органов корпоративного управления, а также лишены возможности получать полную и достоверную информацию об этих действиях и решениях» (с. 51).

Первая глава «Обращение 32-х в Следственный комитет Российской Федерации: запретительные меры и противоречивая реакция» состоит из таких параграфов, как: «Содержание Обращения 32-х», «Открытое обращение и первая реакция на него», «Реакция органов ФПА РФ на Обращение», «Об отношении ФПА РФ к правам журналистов и праву адвокатов на получение информации», «IX Всероссийский съезд адвокатов: о чем умолчали СМИ?», «После Съезда», и заканчивается «Выводами по Главе 1» (с. 52–66).

В данной главе особое внимание автором обращено на дату подписания так называемого «Обращения 32-х» в Следственный комитет Российской Федерации – 2 марта 2019 г. и принятие по поводу данного обращения с 17 по 18 апреля 2019 г. Комиссией по этике и стандартам ФПА РФ и IX Всероссийским съездом адвокатов актов (Разъяснение № 03/19 и Резолюция «О соблюдении адвокатской этики»), запрещающих адвокатам под угрозой привлечения их к дисциплинарной ответственности обращаться по поводу действий органов корпоративного управления адвокатурой в любые государственные органы (с. 66).

Вторая глава «Терминологические нюансы в адвокатуре: о содержании и правовой основе Обращения 32-х» включает следующие вопросы: «Что из себя представляет «донос»?», «Сообщаемость сведений представителю власти» как обязательный признак доноса», «Тайность сообщения» как обязательный признак доноса», «Содержание обвинения в сообщении» как обязательный признак доноса», «Ложность сообщаемых сведений»

как факультативный признак доноса», «Форма изложения содержания» как факультативный признак доноса», «Международно-правовые и внутрисударственные основы права на обращение», а также «Выводы по главе 2» (с. 67–98).

К ключевым положениям главы второй можно отнести, в частности, то, что: а) открытое обращение 32-х – это не донос, поскольку оно не содержит в себе иных обязательных признаков доноса, таких как тайность сообщения и содержание обвинения в сообщении, а также обоих факультативных признаков, таких как ложность сообщаемых сведений и форма изложения содержания (с. 68–84, 97), а заявление, содержащее сообщение о недостатках в работе государственных органов и их должностных лиц и критику их деятельности (с. 97); б) открытое обращение 32-х основано на международном, российском законодательстве и международных актах, касающихся правового положения адвокатов (с. 84–98).

Глава третья «Допустимы ли ограничения прав или дискриминация гражданина по причине наличия у него статуса адвоката?» включает в себя параграфы: «Статус гражданина и статус адвоката», «Ограничение прав человека и гражданина: основания и порядок установления», «Особенности ограничения прав адвоката на обращение в соответствии с положениями законодательства и адвокатской этики», «Дискриминация, гарантии безопасности гражданина и адвоката в связи с его обращением и меры ответственности за их нарушение» и «Выводы по главе 3» (с. 99–149). В ней автор акцентирует внимание на том, что, в частности: а) «Наложение определенных ограничений на лицо из-за наличия у него статуса адвоката связано лишь с определенными в законе особыми исключениями и с обязательным возложением на адвоката обязанностей, точно определенных положениями закона. Не Кодекса профессиональной этики адвоката и не Разъяснений или Резолюций органов ФПА РФ, а именно закона, регулирующего общественные отношения в сфере организации и деятельности адвокатуры» (с. 144); б) «... вопросы, связанные с процедурой проведения так называемой «доследственной проверки», связанной с фактами злоупотреблений конкретными лицами, являющимися руководителями органов корпоративного управления, регулируются не законодательством об адвокатуре, и в их отношении не установлено демократических процедур принятия решений, такие вопросы могут быть предметом обращений в государственные органы» (с. 145–146); в) «...адвокаты представляют из себя социальную группу, любое незаконное ин-

дивидуальное и тем более массовое ограничение прав человека и гражданина на основании наличия у представителей этой группы статуса адвоката должно повлечь за собой, в зависимости от наличия в действиях виновных лиц состава соответствующих правонарушений, ответственность по ст. 5.62 КоАП РФ, ст. 136 или ст. 280 УК РФ» (с. 149).

В главе четвертой «Принципы российской адвокатуры» автором рассматриваются: «Понятие и структура принципов адвокатуры», «Законность как принцип адвокатуры», «Независимость как принцип адвокатуры», «Самоуправление как принцип адвокатуры», «Корпоративность как принцип адвокатуры», «Равноправие адвокатов как принцип адвокатуры», а также вопросы «О практическом воплощении принципов адвокатуры в реальной практике органов корпоративного управления адвокатурой», и в конце делаются «Выводы по главе 4» (с. 150–238). В ней обращают на себя внимание следующие положения: а) «В современной российской адвокатуре последовательно, на подзаконном уровне, органами корпоративного управления адвокатурой осуществляется принятие актов, постепенно ограничивающих адвокатов в их праве каким бы то ни было образом влиять на содержание действий и решений, принимаемых органами адвокатского самоуправления, а также усиливающих применение к адвокатам мер дисциплинарного воздействия» (с. 203, 236); б) «Внесение изменений в КПЭА, осуществленное в рамках VIII Всероссийского съезда адвокатов, создавшее основу для расширения сферы действия КПЭА на деятельность адвоката, непосредственно не связанную с деятельностью по оказанию квалифицированной юридической помощи, создало основу для самозащиты и усугубления процесса абстрагирования представителей органов корпоративного управления адвокатурой от адвокатов и для еще большего отстранения адвокатов от какого-либо влияния на принимаемые ФПА РФ и АП субъектов РФ решения, что в значительной степени обусловлено финансово-экономическими причинами» (с. 237); в) «Изложенные выше выводы (с. 228–238), в сопоставлении с событиями, происходящими в российской адвокатуре в связи с Обращением 32-х адвокатов и юристов от 02 марта 2019 г., дают основание для следующего общего вывода: соотношение выявленного содержания принципов законности, независимости, корпоративности, самоуправления адвокатуры и принципа равноправия адвокатов с реальной практикой корпоративного управления адвокатурой показывает,

что ни один из этих принципов адвокатуры, продекларированных в положениях ч. 2 ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», в организации и деятельности этих органов в необходимой степени в настоящее время не соблюдается» (с. 238).

Глава пятая «Разъяснения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации как акты этикоправоразыяснительного толкования положений Кодекса профессиональной этики адвоката» состоит из таких параграфов, как «Кодекс профессиональной этики адвоката: статус и значение», «О правовом статусе и свойствах Разъяснений КЭС ФПА РФ», «Этикоправоразыяснительное толкование КЭС, нормы адвокатской этики и нормы международного права» и заканчивается «Выводами по главе 5» (с. 239–269).

Здесь автор к ключевым положениям относит, в частности, следующие: а) «КПЭА – обладающий нормативным действием в отношении адвокатов этико-правовой акт адвокатского сообщества, представляющий собой свод нравственно-этических предписаний, устанавливающий приемлемые и не приемлемые для сообщества практики поведения его представителей, а также закрепляющий основания привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности и порядок осуществления дисциплинарного производства» (с. 267); б) «Разъяснения КЭС содержат этикоправоразыяснительное толкование (интерпретацию) норм КПЭА применительно к действиям адвоката, описанным в запросе инициатора, и оценке этого действия со стороны КЭС, как, например, действия, нарушающего нормы КПЭА. Разъяснение КЭС, не основанное на прямо предусмотренных законом и КПЭА положениях, является актом создания нового этического правила, основанного на понимании членами КЭС содержания и смысла приведенных в Разъяснении норм КПЭА в соотношении с положениями ФЗ «Об адвокатской деятельности...» (с. 267); в) «Привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности на основании этикоправоразыяснительного толкования норм КПЭА, изложенного в Разъяснениях КЭС, которое, по своему особому правовому статусу и исходя из его содержания, может представлять собой новую этическую норму, может быть осуществлено лишь в том случае, когда Разъяснение КЭС не вступает в противоречие с принципом законности» (с. 268); г) «Государство обязано обеспечить отсутствие злоупотреблений дисциплинарной системой в отношении представителей адвокатуры, поскольку эта система не

может использоваться с целью запугивания или преследования адвокатов» (с. 269).

В главе шестой «Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации № 03/19: предполагаемый состав дисциплинарного нарушения» исследуются такие вопросы, как: «Содержание Разъяснения КЭС № 03/19», «О предмете дисциплинарного разбирательства в отношении адвоката и составе дисциплинарного нарушения», «Разъяснение КЭС № 03/19: объект дисциплинарного нарушения», «Разъяснение КЭС № 03/19: объективная сторона дисциплинарного нарушения», «Разъяснение КЭС № 03/19: субъект дисциплинарного нарушения», «Разъяснение КЭС № 03/19: субъективная сторона дисциплинарного нарушения», «Разъяснение КЭС № 03/19 и его действие во времени в соответствии с общеправовыми принципами», в конце делаются «Выводы по главе 6» (с. 270–324). В ней автор акцентирует внимание на том, что, в частности: а) «Объектом охраны этической нормы, предусмотренной текстом Разъяснения № 03/19, являются «традиции и ценности профессии», среди которых указывается «ее гуманистический, правозаступнический характер, следование принципу корпоративности, а также забота адвокатов об авторитете адвокатуры» и «доверительные и уважительные отношения между адвокатами, которые являются одним из необходимых условий существования и деятельности адвокатского сообщества» (с. 320); б) «Объективная сторона поведения адвоката, о котором ведется речь в Разъяснении № 03/19, состоит в обращении адвоката в органы государственной власти с заявлениями о проведении проверки в отношении органов адвокатского самоуправления, содержащими требования или призывы к вмешательству в деятельность органов адвокатского самоуправления либо к осуществлению в отношении них проверочных и контрольных мероприятий. Данное деяние КЭС квалифицирует как прямо противоречащее положениям п. 2 ст. 5 КПЭА и п. 5 ст. 9 КПЭА...» (с. 321); в) «В Разъяснении № 03/19 не содержится указание на тот орган, относительно действий и решений которого адвокату запрещается обращаться в органы государственной власти» (с. 299); «...Разъяснение КЭС № 03/19, опубликованное 24 апреля 2019 г., не может применяться к отношениям, возникшим до 24 апреля 2019 года» (с. 324).

Глава седьмая «Может ли Обращение 32-х или иное подобное обращение быть оценено как нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката с позиций Разъяснения КЭС № 03/19?»

состоит из таких параграфов, как: «Разъяснение Комиссии по этике и стандартам № 02/18», «Посягает ли Обращение на определенный в Разъяснении № 03/19 объект охраны?», «Содержит ли Обращение определенный в Разъяснении № 03/19 перечень признаков объективной стороны установленного в нем нарушения?», «Субъективная сторона деяния, определенного в Разъяснении № 03/19: проблемные вопросы квалификации», «Разъяснение № 03/19: отсутствие членства в адвокатской палате как квалифицирующий признак нарушения норм этики», «О нарушении принципа правовой определенности в Разъяснении № 03/19», «О нарушении Разъяснением № 03/19 принципа законности», «О возможности обжалования Разъяснений КЭС и решений, принятых на их основе, по мотивам незаконности или по основаниям оспоримости их положений», «Разъяснение № 03/19 как решение собрания, противоречащее основам правопорядка», и заканчивается «Выводами по Главе 7» (с. 325–417).

В данной главе особое внимание автором обращено, в частности, на то, что: а) «Существование адвокатского сообщества невозможно без заботы адвокатов об авторитете адвокатуры. Поэтому адвокат, которому стало известно о совершении другим адвокатом правонарушения, и известные ему сведения содержат достаточные фактические и юридические данные, подтверждающие, что совершение этим адвокатом действий приводит к подрыву доверия к адвокату и умалению ее авторитета, не вправе бездействовать, а напротив, обязан действовать таким образом, чтобы избежать продолжения умаления авторитета адвокатуры от незаконных действий своего коллеги» (с. 409, 414); б) «В настоящее время в адвокатуре отсутствует эффективный внутрикорпоративный механизм разрешения ситуаций, когда имеются сведения о том, что адвокат причастен к совершению действий, которые содержат в себе признаки преступления, а соответствующие вопросы в рамках дисциплинарного производства в отношении адвоката не рассматриваются» (с. 410); в) «Действия по составлению и отправлению Обращения не только не противоречат законодательству и этическим нормам, но и санкционируются инкорпорированными в нормы КПЭА традициями адвокатуры, а также положениями п. 2 ст. 5 КПЭА и п. 5 ст. 9 КПЭА, которые содержат в себе обязанность адвокатов избегать бездействия и всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней» (с. 410); г) «Положения КПЭА относительно защиты «авторитета адвокатуры», по ранее высказанному мнению, могут

применяться к адвокатам лишь в случае «огульного охаивания адвокатуры», т. е. распространения основанных на поверхностном ознакомлении с обстоятельствами дела, голословных, неаргументированных, дискредитирующих адвокатуру сведений» (с. 411).

Глава восьмая «Резолюция IX Всероссийского Съезда адвокатов «О соблюдении адвокатской этики»: акт защиты авторитета адвокатуры или акт самозащиты «администраторов от адвокатуры?»» содержит такие параграфы, как: «Всероссийский Съезд адвокатов как орган ФПА РФ и правовое значение принимаемых им Резолюций», «Содержание Резолюции IX Всероссийского Съезда адвокатов «О соблюдении адвокатской этики», «Резолюция «Об адвокатской этике»: фактические ошибки и очевидные заблуждения», «Резолюция IX Всероссийского Съезда адвокатов «Об адвокатской этике» и принципы адвокатуры», «Некоторые дополнительные выводы о смысловом и юридическом анализе текста Резолюции», и заканчивается «Выводами по Главе 8» (с. 418–438).

К ключевым положениям главы восьмой можно отнести, в частности то, что: а) «Резолюция IX Всероссийского Съезда адвокатов «Об адвокатской этике» содержит в себе выражение выявленного еще при рассмотрении Разъяснения 03/19 искаженного и не соответствующего положениями науки и практики понимания принципов самоуправления, независимости, корпоративности адвокатуры, а также не содержит в себе никаких доводов, которые могли бы обосновывать наличие нарушений соответствующих принципов в результате Обращения. При этом Резолюция, по причине ее содержания, грубейшим образом нарушает принцип законности и принцип равноправия адвокатов» (с. 435); б) «По своему смысловому значению содержание Резолюции направлено на поддержание ситуации, сложившейся к настоящему времени в российской адвокатуре, при которой адвокаты полностью лишены права эффективно влиять на принимаемые решения, права избирать и быть избранными. Также Резолюция направлена на самозащиту лиц, являющихся членами органов корпоративного управления, от любого внешнего воздействия со стороны адвокатов, являющихся членами профессионального сообщества, в чьих интересах должны действовать соответствующие органы» (с. 436); в) «Системный смысловой и юридический анализ текста Резолюции, с учетом положений законодательства и КПЭА о ее обязательности, с учётом того, что она была принята хронологически позднее, чем

Разъяснение № 03/19, позволяет утверждать, что смысл ее принятия и ее роль состоит в юридическом обосновании правильности содержания Разъяснения КЭС № 03/19 и в «идеологическом» обосновании необходимости его существования и действия» (с. 434, 436–437).

В главе девятой «Разъяснение № 03/19 и Резолюция Всероссийского Съезда адвокатов «О соблюдении адвокатской этики» как предмет дискуссий об этике, принципах, дискриминации и демократии в профессиональной среде» раскрываются такие вопросы, как: «Пост адвоката Г.М. Резника в Социальной сети «Facebook» от 27.05.2019: проявление противоречий в действиях представителей органов корпоративного управления адвокатурой», «Имело ли место воздействие на членов КЭС со стороны вице-президентов ФПА РФ», «Злоупотребления адвокатских палат при возбуждении дисциплинарных производств в отношении подписантов Обращения», «Формулировки Разъяснения № 03/19: «неудачные» или «противозаконные?»», «Разъяснение № 03/19 противоречит Резолюции Всероссийского Съезда адвокатов?», «Сутяги» и «кляузники», кто они?», «Грубые законники»: интерпретация адвоката Г.М. Резника и результаты ретроспективного анализа», «Вправе ли представители современных органов корпоративного управления адвокатурой формулировать порицание от имени всего сообщества адвокатов?», «Соотношение нравственности и права в адвокатской профессии: версии «моралистов» от адвокатуры и примкнувших к ним лиц против позиции нравственного и правового рационализма», «Может ли Обращение, как акт борьбы с проявлениями правового нигилизма и нравственного разложения, быть признано аморальным?», «Сторонники реакционных актов и действий органов ФПА РФ и их порочные позиции», «Противники реакционных актов и действий ФПА РФ и их нравственная позиция», в конце делаются «Выводы по главе 9» (с. 439–546).

В этой главе автор акцентирует внимание на том, что, в частности: а) «Если адвокатура действительно хочет, чтобы об неё «не вытирали ноги», она сама обязана стать примером открытости и соблюдения профильного закона на всех уровнях. Проступки необходимо обсуждать в своей среде, что предусмотрено КПЭА, однако преступления необходимо расследовать в том порядке, который предусмотрен законодательством» (с. 542); б) «Действительные интересы адвокатуры состоят не в том, чтобы скрывать от надлежащих проверок порочные действия руководителей отдельных

адвокатских палат, а в том, чтобы очищать ее от людей, допускающих откровенно порочное поведение, препятствующих проверке сообщений о совершении противоправных поступков и рассматривающих конфликт личных и общественных интересов как норму и обязательное условие своей деятельности» (с. 506, 543).

В заключение трактата приводятся основные выводы по исследованию (с. 547–560).

Монография А.В. Рагулина «Трактат об Обращении 32-х, принципах, дискриминации и демократии в российской адвокатуре» отвечает всем требованиям, предъявляемым к подобного рода работам, и отражает авторский взгляд, который импонирует определённой части адвокатского

сообщества, на события, происходящие в адвокатуре в последние годы, их оценку, пути и способы решения стоящих перед адвокатурой проблем.

Монография может быть рекомендована не только адвокатам, но и всем тем, кто интересуется проблемами адвокатуры.

Рецензент: доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, профессор кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского филиала НИУ «Высшая школа экономики»
В.Л. Кудрявцев

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
**ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА**

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектных, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru e-mail: info@eurasniipp.ru Тел: +7-917-40-61-340

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т.п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость, а также теоретическую и практическую ценность для представителей адвокатского сообщества.

2. Статьи представляются в электронном виде (на адрес: ragulin88@yandex.ru, eurAsian-advocacy@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на компакт-диске.

3. Объем публикации – до 0,7 а.л. (28 000 знаков с пробелами). При необходимости редакция оставляет за собой право сократить материал или возвратить его автору для сокращения. Увеличение объема работы может быть согласовано с редакцией.

4. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указываются фамилия и инициалы автора. Название статьи печатается после фамилии, имени и отчества автора. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке и ключевые слова (3–10 слов). Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке, далее – аннотацию и ключевые слова на английском языке. Статья также может быть представлена на английском языке, при этом требуется перевод названия на русский язык, а также аннотация и ключевые слова на русском языке.

5. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ». Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть оформлены в текстовом редакторе Word.

6. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и дату последнего посещения веб-страницы (в круглых скобках).

7. После завершения статьи необходимо привести пристатейный библиографический список, т.е. список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале. В список не включаются интернет-источники, нормативные акты, материалы судебной и следственной практики.

8. В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также полный почтовый адрес места работы. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, e-mail. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с автором статьи.

9. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

10. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.

11. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета или редакционной коллегии журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей. Редакция по электронной почте сообщает автору о результатах рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы. Рецензии представляются редакцией по запросам авторов и экспертных советов ВАК Минобрнауки России.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автору предоставляется возможность получить бесплатный электронный вариант экземпляра журнала, а также печатный вариант журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

14. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. При направлении статьи в редакцию автор вправе предварительно оговаривать исключительные (специальные) условия использования предоставляемого им произведения. Автор вправе отказаться от публикации предоставленных им материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать.

15. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. Редакция имеет право отказаться публиковать представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

БУЛЫЧЕВ Евгений Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права и обществознания Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, руководитель отдела исследований проблем административного права Евразийского научно-исследовательского института проблем права, 450000, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а.

БЕЛЯЕВ Андрей Дмитриевич – аспирант Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 630102, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6.

ВЕЛИКАЯ Екатерина Видадиевна – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, 123022, Российская Федерация, г. Москва, 2-я Звенигородская ул., д. 15.

ВЕТРОВА Галина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.

ДУШКИНА Екатерина Юрьевна – PR-менеджер проекта Blockchain Lawyers, 123317, Российская Федерация, г. Москва, Пресненская набережная, д. 8, стр. 1.

ЕГОРЫШЕВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.

ЖИРНОВ Юрий Николаевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

КАНАТОВ Танат Канатович – доктор PhD, докторант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, представитель Евразийского научно-исследовательского института проблем права в Республике Казахстан, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

КАСА Ильда – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов, 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

КОНОНЫХИНА Татьяна Сергеевна – преподаватель Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, 672000, Российская Федерация, г. Чита, ул. Анохина, д. 56.

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), руководитель магистерской программы, 199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В.О., 10-я линия, д. 19, литер А.

КУРЧЕЕВ Валерий Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, профессор Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 630102, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6.

МАНАЕНКОВ Кирилл Львович – Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет, генеральный директор ООО «Квартирабезрисков», 123022, Российская Федерация, г. Москва, Столярный переулок, д. 3.

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, тренер адвокатов и профессиональных медиаторов, 400131, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, вице-президент Гильдии российских адвокатов, старший вице-президент Русско-азиатской ассоциации юристов, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры уголовного права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 1050120, Российская Федерация, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д. 3/5, стр. 1.

САРЫЧЕВ Дмитрий Владимирович – преподаватель кафедры международного и евразийского права Воронежского государственного университета, 394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1.

САРФАРОЗЗОДА Курбонали Абдулло – соискатель отдела государственного права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан, 734025, г. Душанбе, Республика Таджикистан, пр-т Рудаки, д. 33.

СУЛТАНОВ Айдар Рустэмович – начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования, 423574, Российская Федерация, г. Нижнекамск, ул. Соболековская, зд. 23, оф. 129.

УРЯДОВ Юрий Юрьевич – адъюнкт кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Академии управления МВД России, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

ЧЕБОТНИКОВ Игорь Владимирович – консультант Департамента инвестиционной и промышленной политики города Москвы, 123112, Российская Федерация, г. Москва, 1-й Красногвардейский проезд, д. 21, стр. 1.

ШВЕЦ Юрий Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 117123, Российская Федерация, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 67.

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, 117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

About the authors

BELYAEV Andrei Dmitrievich – Post graduate student of the Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 630102, Russian Federation, Novosibirsk, Nizhny Novgorod str., 6.

BULYCHEV Evgeny Nikolaevich - Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law and Social Studies of the Institute of Historical and Legal Education of the Bashkir State Pedagogical University, Head of the Department of Administrative Law Studies Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, 450000, Russian Federation, Ufa, October Revolution str., d. 3a.

CHEBOTNIKOV Igor Vladimirovich – Consultant of the Department of Investment and Industrial Policy of the City of Moscow, 123112, Russian Federation, Moscow, pr-d 1-I krasnogvardeiskii, 21, str. 1.

DUSHKINA Ekaterina Yurevna – PR-manager of Blockchain Lawyers project, 123317, Russian Federation, Moscow, Presnenskaya Embankment, 8, Str.1.

EGORYSHEVA Elena Aleksandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department Criminalistics of Institute of Law of Bashkir State University, 450005, Russian Federation, Ufa, Dostoevskogo str., 131.

KANATOV Tanat Kanatovich – Doctor PhD, doctoral student of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law Representative in the Republic of Kazakhstan, 119991, Russian Federation, Moscow, Leninskie Gori, 1.

KASA Ilda – Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Judiciary, Law Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, 117198, Russian Federation, Moscow, Miklukho-Maklai str., 6.

KONONYKHINA Tatyana Sergeevna – Teacher of Chita institute (branch) Baikal State University, 672000, Russian Federation, Chita, Anokhina str., 56.

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), head of master's program, 199178, Russian Federation, St. Petersburg, V.O., 10th line, 19A.

KURCHEEV Valery Sergeevich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 630102, Russian Federation, Novosibirsk, Nizhny Novgorod str., 6.

MANAENKOV Kirill Lvovich – Director General of «Kvartirabesriskov» LLC, 123022, Russian Federation, Moscow, Stolyarny pereulok, 3.

MELNICHENKO Roman Grigorievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, trainer of lawyers and professional mediators, 400131, Russian Federation, Volgograd, Gagarina str., 8.

RAGULIN Andrey Viktorovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Advocate of the Moscow Bar, Vice President of the Guild of the Russian Lawyers, Senior Vice President of the Russian-Asian Legal Association, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Vice-Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Criminal Law Department of the V.Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 105120, Russian Federation, Moscow, Maly Poluyaroslavsky Lane, 3/5, building 1.

SARFAROZZODA Kurbonali Abdullo – PhD student of Department of State Law of Institute of Philosophy of Political Sciences and Law of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki avenue, 33.

SARYCHEV Dmitriy Vladimirovich – Assistant of the Department of International and Eurasian law of Voronezh State University, 394018, Russian Federation, Voronezh, University square, 1.

SHVETS Yuri Yuryevich – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor of the Institute of Management Problems V.A. Trapeznikov RAS, Financial University under the Government of the Russian Federation, 117123, Russian Federation, Moscow, Profsoyuznaya str., 67.

SULTANOV Aidar Rustemovich – Head of the Legal Department of PJSC «Nizhnekamskneftekhim», Member of the Association for the Improvement of Life and Education, 423574, Russian Federation, city of Nizhnekamsk, Sobolekovskaya str., building 23, office 129.

URYADOV Yuri Yuryevich – Adjunct of the Department of Organization of Investigation Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 125993, Russian Federation, Moscow, Zoe and Alexander Kosmodemyanskikh str., d. 8.

VELIKAYA Ekaterina Vidadievna – Senior Researcher of The Research Institute University of the Prosecutor's Office of Russian Federation, 123022, Russian Federation, Moscow, 2-I Zvenigrodsкая str., 15.

VETROVA Galina Nikolaevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate professor of the M.V. Lomonosov Moscow State University Law School, 119991, Russian Federation, Moscow, Leninskie Gory, 1, str. 13.

YAKOVLEV Alexander Yurevich – Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 117218, Russian Federation, Moscow, Nakhimovskiy Avenue, 32.

ZHIRNOV Yuri Nikolaevich – Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer, Department of Internal Affairs Bodies Management under Special Conditions of the Center for Command Post Exercises of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 125993, Russian Federation, Moscow, Zoe and Alexander Kosmodemyanskikh str., d. 8.